

- [Основной инстинкт](#)

- [Предисловие](#)

- [Введение](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

Основной инстинкт

Предисловие

После выхода в свет «Голой обезьяны» – исследования человеческого существа с точки зрения зоолога – и ее продолжения, книги «Людской зверинец», где изучаются реакции человека, загнанного в урбанизированную среду, я решил осуществить амбициозный проект, а именно составить словарь человеческого поведения. В нашем распоряжении имеются сотни всевозможных словарей, но посвященного различным аспектам этого феномена нет, что кажется мне весьма странным упущением. Работа над этим монументальным трудом продвигалась медленно, но верно до тех пор, пока меня не навестил озабоченный издатель. Он поинтересовался, как далеко я продвинулся в своем исследовании. Я ответил, что уже дошел до глаз. После небольшой паузы он спросил, в каком направлении я двигаюсь – вниз или вверх. «Вниз», – ответил я.

Это прозвучало как сигнал тревоги. При таких темпах работа над проектом продлилась бы лет тридцать. Издатель предложил публиковать новый материал частями, в как можно более доступной форме. Я согласился обдумать его предложение, и в результате в 1971 году свет увидела книга «Основной инстинкт». В ней я сосредоточил внимание на изменениях, которые в последнее время претерпели близкие отношения между людьми. Как сумела выжить любовь в «человеческом зверинце»?

Эта книга была опубликована в конце бурной эпохи сексуальной революции. В 60-е годы XX века на рынке появились противозачаточные таблетки, что позволило женщинам намного более свободно проявлять свои сексуальные чувства. Существовавшие до сих пор ограничения были сметены, и это неизбежно привело к тому, что в фокусе общественного внимания оказался секс, оттеснивший любовь на задний план. Однако в конце десятилетия вновь стала доминировать глубоко укоренившаяся в человеческой природе потребность в нежных, любовных отношениях. Настоящая книга была написана в атмосфере этих важных перемен, но она остается актуальной и сегодня.

На протяжении всей своей истории человеческие существа стремились к близости друг с другом – это было средством защиты от превратностей повседневной жизни. В настоящей книге изучаются способы достижения такой близости. За четверть века, прошедшую после первой публикации «Основного инстинкта», городское бытие не стало легче. Миллионы людей продолжают испытывать те же проблемы, что и прежде. При этом я уверен, что в решающие моменты нежное объятие может принести куда большую пользу, чем тысячи серьезных слов. Несмотря на достигнутый нами прогресс в социальной и технологической сферах, первобытный язык тела остается наиболее эффективным средством утешения и проявления заботы.

Десмонд Моррис

Оксфорд, Англия. Ноябрь 1996 года

Введение

Я признателен своим коллегам-ученым и своим близким, которые многому меня научили. Особо хочу поблагодарить свою жену Рамону, своего издателя Тома Машлера и свою помощницу Тришу Пайк. Без их помощи эта книга никогда не увидела бы свет.

Одно из значений понятия «интимность» означает «близость», и я хочу в самом начале подчеркнуть, что употребляю этот термин именно в этом смысле. Другими словами, в моем понимании интимные отношения возникают тогда, когда у людей происходит телесный контакт друг с другом. В моей книге рассматривается природа подобного контакта, будь то половой акт, рукопожатие, похлопывание по плечу, пощечина, маникюр или хирургическая операция. Когда два человека касаются друг друга, происходит нечто особенное, и именно это является предметом моего внимания.

Я действовал как зоолог, сведущий в области этологии, и анализировал поведение людей – то, что они делают в действительности, а не декларируют.

Этот метод нельзя назвать сложным, но задача, для выполнения которой он использован, не так легка, как может показаться на первый взгляд. Виной тому стереотипы восприятия. Взрослому человеку чрезвычайно трудно рассматривать тот или иной образец поведения так, как если бы он наблюдал его впервые в жизни, но именно этого должен добиваться исследователь, дабы сформировать новое понимание данного феномена. Чем более знакомо и обычно поведение, тем, разумеется, сложнее задача. И чем поведение интимнее, тем более эмоционально насыщенным оно является – не только для наблюдаемого, но и для наблюдателя.

Вероятно, именно в сфере обычных интимных человеческих отношений поэтому до сих пор было проведено так мало исследований, несмотря на то что они безусловно важны и проявляемый к ним интерес велик. Гораздо легче изучать что-нибудь очень далекое от этой сферы, например то, как с помощью запаха метит территорию гигантская панда или припрятывает запасы пищи зеленый акучи, нежели исследовать с научной и объективной точки зрения такие «хорошо известные» явления, как дружеские объятия, материнский поцелуй или ласки любовников. Впрочем, в социальной среде, многолюдной и безличной, все большее значение приобретает переоценка близких личных отношений, и как бы однажды нам не пришлось задаться вопросом: куда же делась любовь? Биологи очень осторожно употребляют слово «любовь», словно оно означает всего лишь нечто вроде обусловленного культурными тенденциями романтизма. Но любовь – это биологический факт. Связанные с ней субъективные восторги и муки могут быть глубоки, исполнены тайны и с трудом поддаются научному анализу, но ее внешние проявления – любовное поведение – легко отслеживаются, и нет никаких причин для того, чтобы не изучать их точно так же, как другие типы человеческого поведения.

Иногда можно услышать, что любовь – это иллюзия, что совершенно несправедливо. В определенном смысле подобное мнение для нее оскорбительно. В процессе формирования прочных связей между индивидами нет ничего иллюзорного. В мире людей, как и в мире животных, такие связи объединяют родителей с детьми, любовников и близких друзей.

Наши интимные контакты включают вербальные, визуальные и даже обонятельные элементы, но главными их составляющими являются тактильные. Мы часто рассуждаем о том, как мы говорим, и пытаемся увидеть, как мы видим, но почему-то редко касаемся темы осязания. Возможно, осязание имеет настолько базовый характер – не случайно оно и

называется «мать чувств», что мы воспринимаем его как нечто само собой разумеющееся. К сожалению, люди все реже прикасаются друг к другу, и это способствует все большей эмоциональной отчужденности. Складывается впечатление, будто городской житель сам себя заковал в эмоциональную броню и холоден даже с самыми близкими ему людьми.

Пришло время разобраться в сложившейся ситуации. В процессе этого разбирательства я постараюсь держать свое мнение при себе и описывать человеческое поведение объективно – как зоолог. Факты – я в этом уверен – скажут сами за себя, и сделают это достаточно громко для того, чтобы читатель смог сам во всем разобраться.

Будучи взрослым человеком, вы можете использовать при общении со мной множество разных способов. Я могу читать то, что вы пишете, внимать тому, что говорите, слышать ваш смех или крик, отслеживать выражение вашего лица, наблюдать за выполняемыми вами действиями, обонять ваши запахи и ощущать ваши объятия. Обычно мы называем подобного рода взаимодействия установлением контакта или поддержанием связи, и только последнее из этого списка предусматривает телесный контакт. Все остальные осуществляются на расстоянии. Употребление слов «контакт» и «связь» для обозначения таких действий, как изложение в письменной форме, вокализация и визуальная сигнализация, с объективной точки зрения представляется довольно странным и в то же время весьма показательным. Мы словно принимаем как должное то, что телесный контакт является базовой формой общения.

Существуют и другие примеры. Так, мы часто используем выражения «захватывающее впечатление», «трогательная сцена», «задетое самолюбие» и говорим об искусном ораторе, что он «держит аудиторию». Ни в одном из этих случаев реального физического захвата, прикосновения, задевания или удержания нет, но это, судя по всему, ничего не значит. Использование метафор, связанных с физическими контактами, – удобный способ выражения различных эмоций, возникающих в разных ситуациях.

Объясняется это достаточно просто. В раннем детстве, когда мы еще не умели ни говорить, ни писать, телесный контакт являлся главным средством общения. Непосредственное физическое взаимодействие с матерью имело огромное значение, и это оставило свой след в подсознании. Еще раньше, внутриутробно, когда мы не могли ни видеть, ни обонять, не говоря уже о других умениях, осязание было для нас еще более важным. Чтобы понять суть многих любопытных и зачастую строго запретных способов, с помощью которых взрослые люди осуществляют физические контакты между собой, необходимо вернуться к самому началу, то есть к эмбриональному состоянию. Именно внутриутробные интимные контакты, практически не рассматриваемые нами, помогут понять суть интимных контактов младенчества, которые мы склонны игнорировать, поскольку воспринимаем их, по большому счету, как само собой разумеющееся. И именно интимные контакты младенчества, рассмотренные заново и увиденные в новом свете, помогут объяснить суть интимных контактов взрослой жизни, так часто приводящих нас в замешательство, ставящих в тупик и даже вызывающих смущение.

Самое первое впечатление, получаемое нами как живыми существами, это, должно быть, чувство интимного комфорта в матке. Следовательно, осязаемый вклад в развитие нервной системы на этой стадии вносят различные ощущения прикосновения, давления и движения. Поверхность кожи плода омывается амниотической жидкостью. По мере роста увеличивающееся в размерах тело будущего ребенка все сильнее давит на ткани тела матери, и их внутриутробное объятие постепенно становится все более тесным. Кроме того, на протяжении всей беременности растущий плод подвергается воздействию в результате ритмичного дыхания матери и легкого покачивания ее тела при ходьбе.

За три месяца до родов будущий ребенок обретает способность слышать. В темноте утробы ему пока еще нечего видеть, пробовать на вкус и обонять, но наружные звуки уже отчетливо слышны. Если вблизи живота матери раздается громкий, резкий шум, ребенок вздрагивает. Это движение легко определяется с помощью чувствительных приборов и может быть настолько

энергичным, что его чувствует сама беременная. Таким образом, на данной стадии плод, вне всякого сомнения, способен слышать сердцебиение матери – 72 удара в минуту. Это запечатлется в его памяти как главный звуковой сигнал жизни в утробе.

Стало быть, наши первые реальные жизненные впечатления – пребывание в теплой жидкости, комфортная поза «калачиком» в материнской утробе, покачивание вслед за движениями тела матери и ее сердцебиение. Длительное восприятие этих ощущений в отсутствие других стимулов оставляет свой след в сознании – впечатление безопасности и комфорта.

Внутриутробное блаженство нарушается самым грубым образом, что, по всей вероятности, является наиболее драматичным переживанием всей нашей жизни. Речь идет о появлении на свет. В течение нескольких часов матка из уютного гнездышка превращается в мешок сокращающейся мышцы, самой большой и мощной мышцы человеческого тела. Куда там мышцам рук атлета! Нежное объятие становится всесокрушающим сжатием. На лице новорожденного, неожиданно утратившего интимный телесный контакт, вместо счастливой улыбки застывает мученическая гримаса. Его крики, звучащие для взволнованных родителей сладчайшей музыкой, напоминают панические вопли.

В момент рождения младенец похож на бесформенный кусок мягкой, влажной резины, но он почти сразу ловит ртом воздух и делает свой первый вдох. Затем, спустя пять или шесть секунд, ребенок начинает кричать. Его голова, ноги, руки двигаются с каждой секундой все более энергично, и в течение следующих 30 минут он продолжает протестовать, беспорядочно молотя по воздуху конечностями, гримасничая и крича. После этого младенец, обычно обессиленный, успокаивается и погружается в длительный сон.

Драма на время завершается, но когда малыш просыпается, он очень нуждается в контакте с матерью, – это своего рода компенсация за утраченный комфорт пребывания в матке. Внутриутробное объятие заменяется объятием материнских рук. Чем большая поверхность тела ребенка соприкасается с телом матери, тем лучше, при условии, что объятие не препятствует его дыханию. Между объятием и простым держанием на руках есть большая разница. При недостаточном телесном контакте младенец в скором времени начинает проявлять признаки беспокойства. Грудь и руки матери должны максимально воссоздавать условия пребывания в навсегда покинутой им утробе.

Иногда одного лишь объятия бывает недостаточно и необходимо добавлять другие элементы. Сама не зная почему, мать начинает нежно укачивать младенца, наклоня его из стороны в сторону. Укачивание дает мощный умиротворяющий эффект, но если этого не хватает, женщина может встать и начать ходить взад и вперед, держа ребенка на руках. Иногда она его слегка встряхивает, быстро поднимая и опуская несколько раз кряду. Все эти контакты успокаивающе воздействуют на плачущего младенца, поскольку ощущения такого рода сходны с теми, что он испытывал внутриутробно. Правда, темп укачивания очень редко совпадает с темпом обычной ходьбы. Кроме того, скорость «выгуливания ребенка» тоже от нее весьма отличается.

Специалисты пытались определить идеальную скорость качания колыбели. При очень низкой и слишком высокой укачивание давало слабый умиротворяющий эффект или не оказывало его вовсе. Оптимальный результат достигался при скорости между 60 и 70 колебаниями в минуту. Хотя скорость укачивания младенцев на руках у разных матерей несколько разнится, она приблизительно равна идеальной, выявленной в ходе экспериментов. Однако средняя скорость при «выгуливании» в обычных условиях, как правило, превышает 100 шагов в минуту.

Таким образом, хотя эти действия успокаивают детей, поскольку копируют колебательные

движения, хорошо знакомые им внутриутробно, необходимо понять, почему они осуществляются именно с такой скоростью. Не считая ходьбы матери, плод в утробе подвергается двум ритмическим воздействиям – периодическому подниманию и опусканию грудной клетки матери во время дыхания и ее размеренному сердцебиению. Скорость дыхания, составляющая от 10 до 14 вдохов в минуту, слишком незначительна, а вот скорость сердцебиения, равняющаяся 72 ударам за тот же промежуток времени, вполне соответствует оптимальной скорости укачивания. Похоже на то, что этот ритм, слышимый или ощущаемый, является жизненно важным средством успокоения, напоминающим об утраченном комфорте материнской утробы.

В поддержку этого мнения имеются еще два свидетельства. Первое: записанный на пленку звук сердцебиения, который в ходе эксперимента воздействовал на младенцев, успокаивал их даже при отсутствии каких-либо колебательных или укачивающих движений. Если же этот звук воспроизводился с большей скоростью, примерно 100 ударов в минуту, то есть со скоростью обычной ходьбы, он немедленно утрачивал умиротворяющий эффект. Второе: как говорится в книге «Голая обезьяна», в ходе тщательных наблюдений выяснилось, что подавляющее большинство женщин держат младенца таким образом, что их голова оказывается прижатой к левой груди, а значит, находится вблизи материнского сердца. Это неосознанное действие, но при нем ухо ребенка расположено максимально близко к успокаивающему источнику. Причем так поступают и праворукие, и левши.

Тот, кто взял бы на себя труд сконструировать и запустить в производство колыбель, способную автоматически качаться со скоростью сердцебиения или снабженную устройством, воспроизводящим звук ударов сердца, имел бы несомненный коммерческий успех. Модель, функциональная и в том и в другом, существенно облегчила бы жизнь молодых матерей. Они получили бы возможность отдыхать, пока колыбель успокаивает ее ребенка столь же эффективно, сколь эффективно стиральная машина стирает его одежды.

Появление подобных колыбелей на рынке – вопрос времени. Однако такие новации в технике чреватые проблемами. Действительно механическое убаюкивание лучше, чем постоянно орущий младенец – как для нервной системы матери, так и для здоровья самого малыша. В условиях дефицита времени это средство, вне всякого сомнения, весьма полезно, но нежные руки матери безусловно лучше любого механического устройства. Во-первых, они эффективнее, чем машина. Их умиротворяющие движения более сложны, и им свойственны определенные особенности, которые мы еще обсудим. Во-вторых, интимное взаимодействие между матерью и ребенком, которое возникает, когда она его утешает, взяв на руки, обнимая и укачивая, закладывает основу для прочной связи, в скором времени образующейся между ними. На самом деле в первые месяцы после появления на свет новорожденный позитивно реагирует на любого взрослого, если он дружелюбен. Он принимает ласки от всякого, кто ласков с ним. Тем не менее по прошествии определенного времени малыш начинает отдавать предпочтение матери и отвергает ласки посторонних. У большинства детей эта перемена происходит примерно в пятимесячном возрасте, но у всех по-разному и, уж конечно, и не в один день. Предсказать, когда ребенок начнет отличать свою мать от других людей, трудно. Это решающий момент, поскольку прочность и, так сказать, качество будущей связи зависят от обилия и интенсивности телесных контактов между матерью и ребенком именно в этой пороговой фазе.

Очевидно, что чрезмерное использование механических приспособлений – суррогатов родной матери на этой чрезвычайно важной стадии – может представлять опасность. Некоторые люди полагают, что ребенок привязывается к матери в благодарность за то, что она его кормит и обеспечивает другими благами, но это не так. Наблюдения за детьми из бедных семей и эксперименты с обезьянами недвусмысленно свидетельствуют о том, что именно нежные контакты с телом матери играют главную роль в установлении связи с ней, а эта связь имеет

огромное значение для формирования социального поведения в последующей жизни. Мать, игнорирующая данный факт, в дальнейшем поплатится за это, как и ее ребенок. Трудно понять логику тех, кто считает, что лучше оставить маленького ребенка плакать, чем позволить ему «взять над вами верх», а такое мнение нередко встречается в нашем цивилизованном обществе.

Следует добавить, что, когда малыш становится старше, ситуация меняется. Мать может слишком опекает сына или дочку, когда им уже пора становиться самостоятельными. Хуже всего, если она недостаточно ласкова и даже строга с маленьким ребенком, а затем проявляет излишнюю заботу о нем, когда он подрастает. В результате естественный порядок установления связи между матерью и ребенком нарушается, и, как это ни печально, подобное наблюдается сегодня довольно часто. Причина «бунтарского» поведения подростка вполне может уходить корнями именно в такой сбой. К сожалению, когда появляются первые признаки бунта, исправить положение уже невозможно.

Естественная последовательность, о которой здесь идет речь, – сначала любовь, затем свобода, присуща не только человеку, но и всем остальным высшим приматам. Обезьяна, ставшая матерью, постоянно поддерживает телесный контакт со своими детенышами, причем делает это на протяжении многих недель. Конечно, ей здорово помогает то, что их малыши достаточно сильны для того, чтобы уцепиться за мамашу без всякой помощи с ее стороны. Детеныши крупных обезьян, таких как горилла, могут на редкость прочно держаться за мать, несмотря на свой немалый вес, уже через несколько дней после появления на свет. Более мелкие обезьяны способны на это буквально с первой секунды после рождения – я однажды наблюдал, как такой детеныш цеплялся за мать во время родов, когда задняя часть его тела еще находилась внутри матки.

Человеческий детеныш не столь хорошо развит физически. Его руки слабы, а ноги с короткими пальцами не способны цепляться за что-либо. Значит, проблема намного серьезнее. В первые месяцы его жизни мать должна прилагать все усилия, чтобы поддерживать с ребенком телесный контакт. Малыш рождается с остатками наследственного инстинкта из далекого эволюционного прошлого, который побуждает его цепляться за мать, но в настоящее время от него нет никакой практической пользы. Он сохраняется в течение менее чем двух месяцев и известен как хватательный рефлекс, или рефлекс Моро.

Хватательный рефлекс проявляется рано – шестимесячный плод уже обладает крепкой хваткой. При рождении стимуляция ладоней младенца вызывает сцепление пальцев, достаточно сильное, чтобы взрослый мог приподнять его тело. Тем не менее в отличие от детеныша обезьяны он не способен сохранять эту хватку более или менее длительное время.

Действие рефлекса Моро можно наблюдать, если резко и быстро опустить ребенка на небольшое расстояние вниз, поддерживая его за спину. Руки малыша тут же раскидываются в стороны, а пальцы разжимаются и распрямляются. Затем руки вновь сводятся вместе, словно пытаясь что-то или кого-то обнять, чтобы не упасть. В этом явственно виден след родового хватательного действия приматов, к которому прибегает каждый здоровый детеныш обезьяны. Результаты недавних исследований свидетельствуют об этом особенно отчетливо. Если ребенок чувствует, что падает, и в то же время его ладони удерживаются таким образом, что могут осуществить захват, он не раскидывает руки в стороны, а сразу хватается пальцами за то, за что ему дают возможность ухватиться. То же самое делает испуганный детеныш обезьяны – хватается за шерсть матери, которая затем мчится прочь, стремясь избежать потенциальной опасности. Вплоть до восьминедельного возраста младенец все еще обладает пережитками этой «обезьяньей реакции».

С точки зрения человеческой матери, результаты подобных исследований представляют сугубо научный, теоретический интерес. Они способны заинтриговать зоологов, но не имеют

никакой практической ценности и не могут облегчить тяжелое бремя родительских обязанностей. Как же быть в данной ситуации? И опять обратимся к истокам. В большинстве так называемых примитивных культур в течение первых месяцев жизни ребенок почти постоянно соприкасается с матерью, чем бы она ни занималась, – они вместе во время работы, отдыха, сна. Благодаря этому женщине удается обеспечить почти непрерывный контакт, типичный для всех приматов. К сожалению, современные матери не имеют возможности находиться в постоянном контакте с ребенком.

Альтернативный вариант – пеленание ребенка. Если мать не может предложить ему объятие рук или тесный контакт со своим телом, днем и ночью, час за часом, она, по крайней мере, в состоянии обеспечить его объятием мягкой, теплой ткани, которое заменит ему утраченный комфорт матки. Обычно мы воспринимаем пеленание как средство поддержания терморегуляции новорожденного, но это не единственная функция. Не менее значим контакт ткани пеленок с поверхностью тела ребенка. Жаркие дебаты по поводу того, как следует пеленать ребенка – туго или свободно, не прекращаются по сей день. И мнения относительно идеального натяжения пеленок в разных культурах варьируют в широких пределах.

Сегодня на Западе отношение к тугому пеленанию в целом негативное, и детям, даже новорожденным, предоставляется свобода движений. Специалисты выражают опасение, что тугое пеленание «способно стеснять дух ребенка». Подавляющее большинство западных читателей охотно согласятся с этим комментарием, но данная проблема требует более тщательного рассмотрения. Древние греки и римляне младенцев пеленали туго, тем не менее даже самые фанатичные противники тугого пеленания не могут не признать, что среди них было немало людей с нестесненным духом. В Британии детей туго пеленали до конца XIX века, а многие русские, югославы, мексиканцы, саами, японцы и американские индейцы делают это до сих пор. Что говорит по этому поводу наука? Недавно было проведено исследование, в ходе которого с помощью чувствительной аппаратуры специалисты определяли степень дискомфорта, испытываемого младенцами в туго и относительно свободно затянутых пеленках. Результаты показали, что в первом случае дети чувствовали себя более комфортно: они меньше капризничали, частота дыхания и пульс у них были относительно более редкими. В то же время они больше спали. Предположительно это связано с тем, что туго затянутые пеленки напоминают о внутриутробном комфорте матки.

Эти результаты, казалось бы, говорят в пользу тугого пеленания, но тем не менее следует помнить, что даже самый большой плод никогда не охватывается маткой настолько плотно, чтобы не иметь возможности время от времени шевелиться и двигать конечностями. Любая мать, ощущающая эти движения внутри своего тела, осознает, что она не «пеленает» ребенка до состояния полной неподвижности. Таким образом, относительно свободное пеленание является, по всей вероятности, более естественным, нежели тугое, которое практикуется в некоторых культурах. Кроме того, детей нередко оставляют в туго затянутых пеленках слишком надолго. Возможно, в первые недели жизни такая мера оправдана, но в дальнейшем это может препятствовать нормальному развитию ребенка в процессе его роста. Точно так же, как в свое время плод должен покинуть матку, новорожденный должен будет освободиться от пеленок, дабы иметь возможность нормально развиваться. Каждой стадии развития, от младенческого возраста до подросткового, присущи определенные формы интимной близости, телесного контакта и ласки между родителями и детьми. Если на той или иной стадии взрослые либо спешат, либо опаздывают с использованием соответствующих форм интимной близости с детьми, это чревато проблемами в будущем.

До сих пор мы рассматривали способы, с помощью которых женщина помогает своему ребенку переживать ощущения, испытанные им во время пребывания в утробе. Однако было бы

неправильно считать, что обеспечение комфорта на ранней послеродовой стадии – всего лишь пролонгация комфортного состояния плода в матке. Сие лишь часть общей картины. Конечно, есть и другие виды взаимодействия. Младенческая стадия имеет свои собственные, новые формы обеспечения комфорта. Это ласки, поцелуи, поглаживания, почесывания и прочие тактильные манипуляции, прodelьваемые матерью по отношению к ребенку. Теперь она не просто обнимает его, но при этом еще и поглаживает, главным образом по спине, с определенной скоростью и с определенной силой – не слишком медленно и не слишком быстро, не очень слабо и не очень сильно. Эта материнская реакция широко распространена и является универсальной. Когда ребенок явно нуждается в утешении, женщина дополняет объятие поглаживанием, а также легким покачиванием и очень часто одновременно напевает что-нибудь. Значение этого успокаивающего действия чрезвычайно велико, ибо, как мы увидим позже, оно принимает множество форм, иногда очевидных, иногда скрытых, в различных интимных отношениях взрослых людей. Оно происходит настолько автоматически для матери, что редко оказывается предметом размышления или обсуждения, в результате чего в последующей жизни его роль, меняющаяся в зависимости от ситуации, обычно недооценивается или вообще игнорируется.

По своему происхождению поглаживание является движением намерения – как его называют этологи. Лучшей иллюстрацией сказанному служит один пример из мира животных. Птица, готовящаяся взлететь, резко подергивает головой. В процессе эволюции это подергивание могло со временем стать сигналом для других птиц, то есть превратиться в движение намерения, при помощи которого птица сообщала своим собратьям о том, что собралась подняться в воздух и тем самым давала им возможность подготовиться к тому, чтобы следовать за ней. Судя по всему, обычай материнского поглаживания сформировался как особый сигнал подобным образом, будучи движением намерения тесного телесного контакта. Каждое прикосновение материнской руки как бы говорит: «Я сейчас прижму тебя к себе, чтобы защитить от опасности. Успокойся, бояться нечего». Каждое движение повторяет сигнал и способствует успокоению ребенка, но поглаживание несет в себе нечто большее. И опять вспомним птицу. Если она встревожена, хотя и не настолько сильно, чтобы улететь, птица может привлечь внимание стаи, несколько раз дернув головой и оставшись на месте. Другими словами, сигнал посредством движения намерения может подаваться без последующего действия. То же самое у человека произошло с поглаживанием. Ладонь гладит спину, останавливается и гладит снова. Это действие не завершается тесным телесным контактом, подразумевающим защиту ребенка от грозящей беды. Послание матери означает не только «не беспокойся, если будет угрожать опасность я прижму тебя к себе», но и «Не бойся, ничего страшного не происходит, иначе я прижала бы тебя к себе крепче, чем сейчас». Таким образом, поглаживание является двойным утешением.

Напеваемая вполголоса песенка утешает иначе. И вновь обратимся к примеру с животными. Когда рыбы некоторых видов находятся в «боевом» настроении, они демонстрируют это, опуская переднюю часть тела и поднимая заднюю. Если те же самые рыбы хотят показать, что у них нет агрессивных намерений, они поступают наоборот – поднимают переднюю часть тела и опускают заднюю. Тот же принцип антитезиса действует и в случае с материнской песенкой. Как и для многих других видов, для *Homo sapiens* громкие, резкие звуки являются сигналами тревоги. Вопли, пронзительные крики, рычание, рев – все это широко распространенные среди млекопитающих сигналы боли, опасности, страха и агрессии. Напевая нежную мелодию, звучание которой по тональности является антитезисом этим звукам, мать посылает ребенку противоположный сигнал: «Все хорошо». Она может использовать в своей песне вербальные послания, но слова, разумеется, не имеют большого значения. Сигналом утешения для ребенка

служит именно плавная, спокойная тональность.

Еще один вид интимной близости между матерью и ребенком – кормление грудью или из бутылочки с соской. Ребенок чувствует во рту мягкий сосок, из которого он может получить сладкую, теплую жидкость, и это оказывает на него успокаивающее воздействие. Интимная близость такого рода будет возникать и впоследствии, во взрослой жизни, в разных ситуациях и в разных формах.

Таковы наиболее важные виды интимной близости между матерью и ребенком. Женщина обнимает сына или дочь, носит на руках, укачивает, поглаживает, целует и напевает им песенку. На этой ранней стадии малыш в ответ может только сосать грудь, а также посылать два сигнала призыва к интимной близости – плакать и улыбаться. Плач инициирует контакт, а улыбка побуждает к его продолжению. Плач означает: «Иди сюда», улыбка означает: «Пожалуйста, останься».

Иногда причина плача истолковывается неправильно. Поскольку ребенок плачет, когда испытывает голод, дискомфорт или боль, принято считать, что он несет в себе только эти послания. Услышав плач, мать зачастую автоматически приходит к выводу, что, должно быть, возникла одна из этих трех проблем. Послание означает всего лишь призыв подойти и не содержит объяснение причины этого требования. Если младенец сыт, находится в комфортных условиях и не испытывает боли, он может плакать потому, что у него появилась потребность в интимном контакте. Если мать накормит его, убедится в том, что он не испытывает дискомфорта и положит обратно в кроватку, ребенок может вновь начать плакать. Это означает, что малыш, если он, конечно, здоров, не удовлетворил до конца свою потребность в интимном телесном контакте и будет плакать до тех пор, пока это не произойдет. В первые месяцы жизни данная потребность особенно высока, и младенец быстро научится посылать мощный сигнал, которым будет награждать мать за ее труды, – счастливую улыбку.

Среди приматов улыбка человеческого детеныша уникальна. Маленькие обезьянки не улыбаются. У них просто нет в этом нужды, поскольку они достаточно сильны, чтобы цепляться за шерсть матери и осуществлять телесный контакт с ней самостоятельно. Человеческий детеныш лишен такой возможности и поэтому должен каким-то образом привлекать к себе внимание матери. Эволюционным решением этой проблемы и стала улыбка.

Плач и улыбка подкрепляются второстепенными сигналами. Человеческий плач начинается со звуков, похожих на те, что свойственны обезьянам. Плача, детеныши приматов издают серию ритмичных криков, но слез у них не бывает. В течение первых недель жизни ребенок тоже плачет без слез, а затем они начинают сопровождать его крики. Впоследствии, во взрослой жизни, слезы часто проливаются беззвучно, но младенческому плачу всегда сопутствуют вопли. По непонятной причине уникальность среди приматов человеческих слез редко становилась предметом комментариев, но совершенно очевидно, что они имеют какое-то особое значение для нашего вида. В первую очередь это, разумеется, визуальный сигнал, усиливаемый отсутствием волосяного покрова на щеках, но не следует забывать и о постоянном стремлении матери вытирать глаза своему ребенку. Вытирание слез с поверхности кожи лица – интимный телесный контакт успокаивающего характера. Вероятно, в этом состоит чрезвычайно важная вторичная функция резкого усиления секреции слезных желез, которое так часто происходит у человеческого детеныша.

Если эта гипотеза кому-то представляется притянутой за уши, следует вспомнить, что женщине-матери, подобно самкам многих других видов, присущ сильный базовый инстинкт, побуждающий ее очищать тело ребенка. Она следит за тем, чтобы малыш оставался сухим и чистым, и, возможно, обильное слезоотделение служит «заменителем мочеиспускания», заодно выполняя функцию «призыва» в моменты душевных страданий. В отличие от мочи слезы не

способствуют выведению шлаков из организма. При низких уровнях секреции они очищают и защищают глаза, но при обильном выделении единственная их задача, судя по всему, – необходимость передать социальные сигналы, и тогда их чисто поведенческая интерпретация вполне оправдана. Как и в случае с улыбкой, их главным назначением является призыв к интимной близости.

Улыбка подкрепляется вторичными сигналами – это лепет и протягивание рук в качестве движения намерения прильнуть к матери. Она улыбается и лепечет в ответ, а затем берет ребенка на руки и прижимает к себе. Как и слезы, улыбка появляется у человека на втором месяце. Фактически первый месяц жизни можно с полным основанием назвать обезьяньей фазой, поскольку свойственные исключительно виду *Homo sapiens* сигналы впервые отмечаются спустя несколько недель после появления на свет.

На третьем и четвертом месяце начинают появляться новые виды телесного контакта. «Обезьяний» хватательный рефлекс и рефлекс Моро исчезают, и на смену им приходят более сложные формы *направленного* хватания и цепляния. При проявлении примитивного хватательного рефлекса рука ребенка автоматически хватает любой предмет, который прикасается к ней, но теперь это действие становится избирательным. Малыш протягивает руку и хватает определенный предмет, который привлекает его внимание. Чаще всего это та или иная часть тела матери, особенно ее волосы. Рефлекс направленного хватания обычно формируется к пятому месяцу жизни.

Подобным образом автоматическое ненаправленное движение цепляния рефлекса Моро уступает место ориентированному объятию, когда ребенок льнет именно к матери, корректируя свои движения в соответствии с положением ее тела. Как правило, этот рефлекс формируется к шестому месяцу.

Оставим младенческую стадию и перейдем к более позднему периоду детства. Совершенно очевидно, что со временем уровень первичной телесной близости между матерью и ребенком неуклонно снижается. Потребность в защите, которую так хорошо удовлетворяли телесные контакты с матерью, постепенно вытесняется потребностью в самостоятельности и исследовании окружающего мира. Понятно, что делать последнее, находясь в материнских объятиях, весьма проблематично. Однако мир, в который он пришел, все еще внушает ребенку опасение, и для поддержания у него ощущения защищенности и безопасности в течение определенного времени ему необходим дистанционный контроль в той или иной форме. Тактильная связь постепенно заменяется визуальной. Отныне действия малыша ограничивают не объятия, а меняющееся выражение лица матери. На смену взаимным прикосновениям приходят взаимные улыбки, смех и мимика. Улыбка, которая прежде служила приглашением к объятию, теперь заменяет его. В самом деле, она становится символическим объятием, действующим на расстоянии. Благодаря этому ребенок получает определенную свободу действий и в то же время сохраняет эмоциональный контакт с матерью, обмениваясь с ней взглядами.

Следующая важная фаза развития наступает в тот момент, когда малыш начинает говорить. На третьем году жизни, с обретением базового словарного запаса, к визуальному контакту добавляется вербальный. Отныне ребенок и мать могут выражать свои чувства по отношению друг к другу с помощью слов.

В дальнейшем неизбежно происходит снижение уровня непосредственных телесных контактов. Ребенок начинает стыдиться их. Растущая потребность в исследовании окружающего мира, самостоятельности и самоутверждении как личности все больше притупляет стремление к ласкам. Если родители на данной стадии будут злоупотреблять этими первичными телесными контактами, у ребенка может возникнуть ощущение, что они посягают на его независимость, поэтому взрослым следует приспосабливаться к новой ситуации.

Тем не менее телесные контакты полностью не исчезают. Испытывая боль или страх, малыш стремится найти защиту и утешение именно в таких контактах. Они случаются даже в менее драматичные моменты. Однако характер прикосновений претерпевает значительные изменения. Объятие уступает место поглаживанию по голове, похлопыванию по плечу и т. д.

Как бы то ни было, в этой фазе позднего детства, когда знакомство с жизненными реалиями сопровождается многочисленными стрессами, внутренняя потребность в телесных контактах и близости сохраняется на довольно высоком уровне. Эта потребность не столько уменьшается сама по себе, сколько подавляется. Тактильная близость ассоциируется с младенчеством, следовательно, должна остаться в прошлом, но обстоятельства вынуждают прибегать к ней. Данная проблема разрешается введением новых форм контакта, которые обеспечивают требуемую телесную близость, не вызывая у ребенка чувства стыда.

Признаки этих скрытых форм телесного контакта появляются очень рано, уже к концу первого года жизни. Они связаны с использованием так называемых переходных предметов – неодушевленных заменителей матери. Чаще всего в этом качестве выступают три предмета: бутылочка с соской, мягкая игрушка и кусок мягкой ткани, как правило платок. Младенец воспринимает их как источник интимных контактов, которые были у него с матерью. Он отнюдь не отдает им предпочтение в ущерб матери, но они ассоциируются у него с ее физическим присутствием. В отсутствие матери они заменяют ее, и многие дети отказываются засыпать без этих суррогатов. Платок или мягкая игрушка обязательно должны находиться в кроватке в то время, когда ребенок засыпает, иначе быть беде. Причем требование вполне конкретно: это должны быть та самая игрушка или тот самый платок. Нечто похожее, но незнакомое не годится.

На этой стадии переходные предметы используются только во время отсутствия матери, поэтому они столь важны во время отхода ко сну, когда контакт между нею и ребенком прерывается. Со временем ситуация меняется. Малыш становится все более независимым, и переходные предметы приобретают для него все большее значение в качестве средства успокоения. Иногда мать неверно истолковывает эту перемену, думает, что ребенок испытывает неуверенность в себе или страх по какой-то неведомой причине, и считает, что это шаг назад в его развитии. Однако сие отнюдь не так. Своим поведением малыш хочет сказать: «Мне нужна близость с мамой, но я уже не маленький. Я вполне самостоятелен, и мне достаточно контакта с этим предметом, вызывающим у меня чувство душевного комфорта». Как заметил один авторитетный ученый, переходный предмет напоминает о приятном контакте с матерью, заменяет мать, но в то же самое время служит защитой от материнских объятий, из которых ребенок уже вырос.

Подобное средство утешения может сохранять свое значение на протяжении нескольких лет, в редких случаях до подросткового возраста (известен казус, когда одна девушка, уже достигшая совершеннолетия, всегда брала с собой в постель огромного плюшевого мишку). Я говорю о «редких случаях», но это понятие требует уточнения. Сохранение привязанности к тому же самому переходному предмету, который был нужен нам в младенчестве, действительно большая редкость. Как правило, мы пользуемся заменителями заменителей. А ведь когда платок превращается в шубу, мы обращаемся с ней гораздо почтительнее, не так ли?

Еще одна форма скрытой интимной близости, к которой прибегает растущий ребенок, – энергичная игра. Если обниматься с родителями недостойно большого мальчика или большой девочки, а потребность в этом все еще существует, можно устроить шутовую борьбу, и борцовский захват не будет выглядеть как нежное объятие. Во время подобной игры ребенок вновь может пережить ощущение интимной близости младенчества, скрытой под маской взрослой агрессивности.

Этот способ настолько эффективен, что шутовую борьбу с родителями устраивают даже

подростки (впоследствии взрослые в подобных играх ограничиваются дружеским ударом по руке или спине). Следует заметить, что детская борьба «понарошку» включает в себя не только осуществление скрытой интимной близости. Это также проверка сил и изучение новых физических возможностей. Но переживание младенческих ощущений имеет очень важное значение – намного более важное, чем это принято считать.

С достижением половой зрелости возникает новая проблема. Уровень телесных контактов с родителями продолжает снижаться. Отцы обнаруживают, что их дочери неожиданно становятся менее игривыми. Сыновья избегают прикасаться к матерям. Еще более усиливается стремление к независимости, которое теперь приобретает новую форму: требование невмешательства в личную жизнь.

Младенцу было нужно, чтобы его обняли, ребенку – чтобы его отпустили, а вот подростку нужно, чтобы его оставили в покое. По словам одного психоаналитика, по достижении половой зрелости «молодой человек склонен к самоизоляции; отныне он живет с членами своей семьи, как если бы они были ему чужими». Это, конечно, преувеличение. Подростки ни за что не станут целовать чужих людей, но тем не менее продолжают чмокать своих родителей. Да, теперь поцелуи носят более формальный характер, но короткие интимные контакты все-таки продолжают. Как и у взрослых, у подростков они происходят главным образом во время церемоний приветствия, прощания, поздравления и соболезнования. На самом деле подросток – это уже взрослый человек (иногда даже супервзрослый) в том, что касается его интимных отношений с членами семьи. Подсознательно идя на хитрости, любящие родители решают эту проблему самыми разными способами. Зачастую они осуществляют скрытый телесный контакт, предлагая поправить галстук своему чаду или снять пылинку с его пальто. Если подросток отвечает, что может сделать это сам, значит, он – тоже на подсознательном уровне – разгадал уловку.

Когда подросток становится взрослым и начинает вести полностью самостоятельную жизнь, с точки зрения телесной близости он переживает второе рождение, покидая лоно семьи, как два десятилетия назад покинул лоно матери. Возобновляется последовательность интимных отношений младенческой фазы – «обними меня – отпусти меня – оставь меня в покое». Молодые любовники, словно дети, говорят: «Обними меня!» Иногда они даже обращаются при этом друг к другу: «Детка». Впервые со времен младенчества интимная близость вновь приобретает интенсивный характер. Как и тогда, телесные контакты формируют прочную связь. Дабы подчеркнуть прочность этой связи, к призыву «Обними меня!» добавляются слова «И никогда не отпускай». Однако, когда процесс образования пары завершается и любовники объединяются в новую семейную ячейку, состоящую из двух членов, вместе с этим завершается и вторая фаза младенчества. Продолжает осуществляться новая последовательность интимных отношений, копирующая последовательность младенческой фазы. Второе младенчество сменяется вторым детством. (Это настоящее второе детство, и его не нужно путать со старчеством, которое иногда ошибочно называют данным термином.)

Отныне телесные контакты периода ухаживания случаются все реже. В экстремальных случаях у одного или обоих партнеров появляется ощущение, что они попали в западню и их независимость находится под угрозой. Это штатная ситуация, но им она кажется ненормальной. Люди решают, что произошла ошибка, и расстаются. «Отпусти меня» фазы второго детства уступает место «оставь меня в покое» фазы второй юности, а развод повторяет расставание ставшего взрослым подростка с членами своей семьи. Но если развод порождает вторую юность, что делают эти новоявленные подростки, оставшись в одиночестве? После развода каждый из бывших партнеров находит нового любовника, снова проходит фазу второго младенчества, опять создает пару и оказывается в фазе второго детства. К их изумлению, цикл повторяется вновь.

Такая схема может показаться несколько циничной и слишком упрощенной, но она помогает понять суть. Для счастливых, а таких немало даже сегодня, фаза второй юности не наступает никогда. Они ограничиваются переходом из фазы второго младенчества в фазу второго детства. Усиленная новой интимной близостью, радостями, которые приносит секс, а также совместными отношениями к ребенку, связь между партнерами сохраняется.

В последующие годы жизни утрата родительских интимных связей будет компенсирована появлением новых интимных связей с внуками, а затем, с приходом старости и беспомощности, наступит третья, последняя младенческая фаза. Этот третий прогон последовательности интимных отношений длится недолго. Фазы третьего детства не бывает, по крайней мере на этом свете. Мы завершаем жизнь младенцами, устроившимися в красиво украшенном гробу, чем-то напоминающем колыбель нашего первого младенчества.

Многие не желают мириться с тем, что третья великая последовательность интимных отношений заканчивается уже в фазе младенчества. Они не хотят признавать, что третье младенчество не переходит в третье детство, которое можно обрести только на небесах. Там условия идеальны и неизменны, и можно не бояться излишней опеки со стороны матери, ибо у Бога отца нет жены.

Рассматривая образцы интимных отношений от утробы до могилы, я подробно остановился на ранних фазах жизни и вскользь пробежал более поздние. Познакомившись с корнями интимных отношений, мы теперь имеем возможность более подробно изучить поведение взрослых людей.

Приглашение к сексуальным интимным отношениям

Тело каждого представителя рода *Homo sapiens* постоянно посылает сигналы окружающим. Одни из данных сигналов приглашают к сексуальному контакту, другие отвергают его. Если только человека случайно не бросит на кого-нибудь та или иная сила, он не прикасается к себе подобным, пока не получит приглашение. Наш мозг настолько хорошо настроен на восприятие этих сигналов, что мы зачастую можем оценить социальную ситуацию буквально за долю секунды. Компьютер, находящийся в черепной коробке, способен почти мгновенно производить выкладки и расчеты относительно внешности и настроения всех, кто встречается на нашем пути в течение дня. Сотни отдельных сигналов формы, размера, цвета, звука, запаха, позы, движения и выражения лица молниеносно поступают к соответствующим органам чувств, и включается социальная электронно-вычислительная машина, которая тут же выдает ответ: прикоснуться или не прикоснуться.

Крошечные размеры и беспомощность младенца являются мощным стимулом, побуждающим взрослых протягивать к нему руки и осуществлять дружеский контакт с его телом. Плоское личико, крупные глаза, неловкие движения, маленькие руки и ноги и округлые контуры – все это вызывает желание дотронуться до малыша. Добавьте к этому широкую улыбку и сигнал тревоги, выражаемой плачем и криками, и вы осознаете, что младенец воплощает в себе приглашение к интимной близости.

Если взрослый человек посылает подобные сигналы беспомощности или боли, когда, к примеру, он нездоров или, скажем, стал жертвой автокатастрофы, это вызывает псевдородительскую реакцию примерно такого же рода. Кроме того, первый пробный телесный контакт в форме рукопожатия почти всегда сопровождается улыбкой.

Это базовые сигналы приглашения к интимной близости, но после достижения половой зрелости люди начинают использовать новые контактные маркеры. Речь идет о сигналах сексуальной привлекательности, которые побуждают мужчину и женщину прикоснуться друг к другу не только в знак дружеского расположения.

Одни сексуальные сигналы универсальны и могут использоваться по отношению ко всем взрослым людям, другие представляют собой их культурные вариации. Некоторые связаны с внешностью – как мужчин, так и женщин, а кое-какие основываются на поведении – позах, жестах и действиях. Простейший способ их рассмотрения заключается в обзоре частей человеческого тела с кратким обсуждением наиболее важных моментов.

Промежность. Поскольку речь идет о сексуальных сигналах, логично начать с зоны гениталий. Главной зоной табу там является промежность, и не только потому, что рядом располагаются наружные половые органы. На этом сравнительно небольшом участке происходят все главные табуированные действия: мочеиспускание, дефекация, совокупление, фелляция, эякуляция, мастурбация и менструация. Неудивительно, что промежность всегда была наиболее скрываемой частью человеческого тела. Открытая демонстрация этой зоны в качестве визуального приглашения к интимной близости – слишком сильный сигнал, если еще не пройдены ранние стадии телесного контакта. По иронии судьбы, когда отношения достигают высшей стадии сексуальной интимной близости, демонстрировать гениталии, как правило, уже поздно, поэтому обычно знакомство с ними носит тактильный характер. Таким образом, в современном ухаживании роль взгляда, направленного непосредственно на гениталии

представителя противоположного пола, сравнительно велика. Тем не менее к этой зоне человеческого тела проявляется значительный интерес, и если непосредственная демонстрация «сокровища» невозможна, существуют альтернативные варианты.

Первый из них – использование предметов одежды, подчеркивающих формы скрытых под ними частей тела. Для женщин это означает ношение брюк, шорт или купальников, которые им несколько тесны, в результате чего ткань врезается в половую щель, раскрывая ее форму внимательному мужскому глазу. Это относительно недавнее открытие, тогда как его мужской эквивалент имеет долгую историю. В течение почти двух столетий (приблизительно с 1408 по 1575 год) гениталии многих европейских мужчин демонстрировались косвенным образом во всей их красе при помощи гульфика. В своей первой, весьма скромной версии это был небольшой мешочек, располагавшийся в развилке очень тесных панталон, какие носили в ту эпоху мужчины. Панталоны были действительно настолько узкими, что другого выбора просто не имелось. Постепенно гульфик значительно увеличился и стал создавать впечатление, будто пенис его обладателя постоянно находится в эрегированном состоянии. Для усиления визуального эффекта его шили из ткани, цвет которой выделял этот предмет на фоне остальных одеяний. Иногда гульфик украшали позолотой и драгоценными камнями. Со временем, приобретя гипертрофированные размеры, он превратился в предмет шуток. Так, описывая костюм одного из своих персонажей, Франсуа Рабле говорит: «Для его гульфика потребовалось 16 ярдов ткани^[7]. Своей формой он напоминал триумфальную арку, в высшей степени элегантную. Она крепилась с помощью двух золотых колец к эмалированным пуговицам, каждая из которых, размером с апельсин, была отделана тяжелыми изумрудами. Гульфик выступал вперед на три фута^[8].

Мода на этот экстравагантный предмет одежды, служащий для демонстрации мужских гениталий, давно стала достоянием прошлого, но ее отголоски прозвучали в 60–70-е годы XX века, когда молодые представители сильного пола вновь начали носить слишком тесные брюки. Они еле-еле втискивались в плотно облегающие джинсы и плавки, в которых им приходилось менять положение пениса. В отличие от более старших мужчин, которые все еще заполняют разрыв поколений между ног направленным вниз членом под широкими брюками, у современных молодых людей он устремлен вверх. Находящийся в вертикальном положении пенис образует отчетливую выпуклость под плотно облегающей его тканью, открытую для заинтересованных женских взглядов. Таким образом, одежда молодого человека дает ему возможность продемонстрировать псевдоэрекцию, что, как это было и в случае с гульфиком, почему-то не вызывает критики из лагеря пуритан. Остается только гадать, вернется ли в ближайшие годы в обиход гульфик и как далеко пойдет данная тенденция, прежде чем этот элемент мужской одежды вновь попадет в немилость из-за своего явно сексуально вызывающего вида.

Другие современные предметы одежды, демонстрирующие гениталии, носят откровенно экзотический характер, и поэтому не получили широкого распространения. К ним относятся женские купальники и трусики, отделанные в зоне лобка мехом или кружевным узором. Еще один элемент одежды, служащий для опосредованного акцентирования на зоне гениталий, – спорран – сумка мехом наружу. Это традиционная часть мужского национального костюма в Шотландии. При этом место споррана строго регламентировано – его носят на чреслах.

Менее откровенный способ передачи визуальных сексуальных сигналов заключается в использовании другой части тела в качестве «генитального эха». Он дает возможность передавать сексуальное послание в то время, как гениталии находятся вне зоны видимости. Чтобы понять его суть, необходимо вспомнить анатомию женских половых органов. Если они скрыты от глаз, любая другая часть тела, так или иначе напоминающая вагину, может быть

использована в качестве «генитального эха» в целях передачи сигналов.

Кандидатами на эту роль являются пупок, рот, ноздри и уши. Все эти части тела имеют связанные с ними определенные табу. Неприличным считается ковырять в носу или чистить пальцем уши публично, но в то же время нет ничего зазорного в том, чтобы вытереть лоб или протереть глаза. Рот мы часто прикрываем рукой, по крайней мере когда зеваем или хихикаем. Пупок табуирован в еще большей степени. Еще не так давно его ретушировали на фотографиях, дабы он не вызывал слишком очевидных непристойных ассоциаций. Из этих четырех типов отверстий рот и пупок как будто специально созданы для использования в качестве символических заменителей женских гениталий.

Наиболее важный из них, безусловно, *рот*. Он передает множество псевдогенитальных сигналов. В книге «Голая обезьяна» я высказал предположение, что, возможно, наши вывернутые губы с их розовой поверхностью эволюционно сформировались как имитация половых губ. Подобно им, они краснеют и набухают при сексуальном возбуждении и, подобно им, они окружают отверстие. С незапамятных времен женщины усиливали посылаемые губами сигналы, подкрашивая их. Сегодня производство губной помады является крупнейшей отраслью косметической индустрии, и хотя мода на ее цвет весьма переменчива, она всегда возвращается к розово-красной палитре, благодаря чему рот своей окраской имитирует половые губы на последних стадиях сексуального возбуждения. Разумеется, сие отнюдь не осознанное копирование гениталий – это просто сексуально.

Губы взрослой женщины обычно крупнее и мясистее, чем губы мужчины, что более чем логично, если признать их символическую роль. Кстати, эта разница иногда преувеличивалась за счет нанесения помады не только на губы, но и на поверхность за их пределами, что также является имитацией их увеличения при сексуальном возбуждении, когда к ним приливает кровь.

Губы и рот часто рассматривают как мощную эротическую зону тела, ведь во время поцелуя язык проникает внутрь подобно пенису. Высказывалось также мнение, что структура женских губ отражает структуру расположенных ниже (еще невидимых) гениталий. Принято считать, что у женщины с мясистыми губами и половые губы такие же, и наоборот. Если такое соответствие действительно имеет место, оно, разумеется, отражает не телесную мимику, а тип конституции данной женщины.

Пупок вызывал значительно меньше комментариев, нежели рот, но в последние годы с ним происходили довольно любопытные метаморфозы, подтвердившие, что он на самом деле является «генитальным эхом». Пупок не только ретушировали на фотографиях. Первоначальный голливудский кодекс недвусмысленно запрещал его демонстрацию, так что гаремным танцовщицам в послевоенных фильмах прошлого столетия приходилось прибегать к всевозможным ухищрениям. Это табу так и не получило вразумительного объяснения, если не считать смехотворного предлога, будто дети могут заинтересоваться, для чего нужна эта штука, и родителям придется отвечать на «неудобные» вопросы. Что касается взрослой аудитории, этот довод еще более нелеп, и истинная причина данного запрета, очевидно, кроется в том, что пупок вызывает отчетливую ассоциацию с «секретным отверстием». Поскольку во время танца живота псевдоотверстия гаремных девушек подпрыгивали, вращались, растягивались и раскрывались, испуская сигналы откровенного сексуального приглашения, боссы Голливуда решили, что этот неделикатный элемент анатомии следует маскировать. По иронии судьбы, когда во второй половине XX века ограничения голливудского кодекса на Западе начали ослабевать, в арабском мире, проникшемся новым для него духом целомудрия в таких вещах, возобладала противоположная тенденция. Египетские исполнительницы танца живота были официально уведомлены о том, что обнажать пупок во время их традиционных фольклорных выступлений неприлично и недостойно и его следует прикрывать какой-либо легкой тканью. Таким образом,

пока европейские и американские женские пупки пробивались обратно на экраны и пляжи, арабские отступили в тень.

После своего возвращения выставленные на всеобщее обозрение пупки западного мира претерпели любопытное изменение. Они начали менять форму. Старомодные круглые отверстия с классических полотен постепенно уступают место удлиненной вертикальной щели. Изучая этот странный феномен, я обнаружил, что у современных моделей и актрис вертикальный пупок встречается в шесть раз чаще, чем у натурщиц прошлого. Краткий обзор выбранных наугад двух сотен картин и скульптур, изображающих обнаженных женщин, показал, что 92 % из них имеют круглый пупок и 8 % – вертикальный. Такой же анализ снимков современных фотомоделей и актрис дал поразительный результат: доля вертикальных пупков возросла до 46 %. Это лишь отчасти объясняется тем, что современные девушки в целом значительно более худые, чем их предшественницы. Хотя и в самом деле полные женщины не способны продемонстрировать пупок в виде вертикальной щели, худоба отнюдь не гарантирует такую форму. Пупки у стройных девушек Модильяни так же круглы, как у пышнотелых натурщиц Ренуара. Больше того, две молодые девушки 70-х годов прошлого века с одинаковыми фигурами вполне могут иметь пупки разной формы.

С чем связана такая перемена и была она естественной или ее спровоцировали современные фотографы, остается до конца не ясным. Вполне возможно, это имеет какое-то отношение к особому положению туловища позирующей модели и увеличению объема вдыхаемого ею воздуха. Как бы то ни было, то, что новая форма пупка стала важной, не подлежит сомнению. Классический круглый пупок в своей символической роли отверстия очень напоминает анус. Приобретя овальную форму, он стал гораздо больше напоминать гениталии, и его ценность как сексуального символа резко возросла. Судя по всему, дело обстояло именно так, и на Западе пупок стал открыто выступать в качестве источника сексуальных сигналов.

Оставим в покое зону промежности, живот и лицо с символическими заменителями гениталий и поговорим о тыле тазового пояса – о *ягодицах*. Они выражены в большей степени у женщин, нежели у мужчин, и являются уникальной особенностью вида *Homo sapiens*, ибо у других приматов таких полусфер нет. Если бы женщина наклонилась вниз и продемонстрировала свои ягодицы стоящему сзади мужчине, то есть приняла типичную для приматов позу приглашения к совокуплению, тот увидел бы ее гениталии, обрамленные двумя полушариями гладкой плоти. Эта связь делает последние источником важного сексуального сигнала, который, по всей вероятности, имеет древнее биологическое происхождение. Это наш эквивалент «сексуальных выпуклостей», свойственных другим видам. Разница в том, что у нас это состояние перманентно. У самок остальных приматов выпуклости появляются и исчезают в соответствии с циклом течки, и максимального размера достигают тогда, когда они становятся сексуально восприимчивы, в период овуляции. Естественно, раз женщина сексуально восприимчива практически всегда, ее «сексуальные выпуклости» постоянно имеют одни и те же размеры. Когда наши далекие предки поднялись на задние ноги и стали ходить прямо, гениталии стали лучше видны спереди, нежели сзади, но ягодицы сохранили свое сексуальное значение. Хотя совокупление все чаще стало осуществляться в позе лицом к лицу, женщина еще имела возможность посылать сексуальные сигналы, тем или иным способом привлекая внимание к своему заду. Если сегодня девушка покачивает бедрами при ходьбе чуть больше, чем позволяют правила приличия, это действует на мужчину как мощный эротический сигнал. Если она примет позу, при которой ягодицы «случайно» выступают вперед чуть больше, чем обычно, эффект будет тем же самым. Иногда, например при исполнении канкана, все еще можно увидеть полную версию свойственного приматам древнего обычая продемонстрировать заднюю часть тела и все еще в ходу шутки по поводу мужчины, который хочет шлепнуть или погладить зад девушки,

наклонившейся, чтобы поднять упавший предмет.

Существуют два связанных с ягодицами феномена, которые заслуживают комментария. Первый – естественное состояние, известное как стеатопигия, второй – искусственное устройство, называемое турнюром. Буквально термин «стеатопигия» означает «толстозадая» и относится к необычной особенности, заключающейся в сильно выступающих ягодицах, которая встречается у представителей некоторых культур. Наиболее характерна стеатопигия для бушменов Южной Африки. Высказывалось предположение, что у них на ягодицах откладывается жир подобно тому, как он откладывается в верблюжьей горбу, но поскольку у женщин эта особенность выражена намного сильнее, нежели у мужчин, вероятнее всего, она сформировалась как источник сексуального сигнала. Складывается впечатление, что бушменские женщины пошли по пути эволюционного развития в этом направлении дальше, чем представительницы других рас. Возможно даже, что в незапамятные времена стеатопигия была типичным явлением для большинства наших далеких предков, но позже уступила место более атлетичному сложению. Несомненно, некогда бушменов на Земле было намного больше, чем сейчас, и вплоть до начала экспансии негроидной расы они обитали на значительной части территории Африки.

Любопытно также, что многие доисторические фигурки из Европы и с других континентов, изображающие женщин, отличаются весьма впечатляющими ягодицами, совершенно непропорциональными по отношению к остальным частям тела. Этому есть только два альтернативных объяснения: либо доисторические женщины действительно имели большие задницы, посылающие мощные сексуальные сигналы их мужчинам, либо доисторические скульпторы были настолько одержимы эротической природой ягодиц, что, как многие современные мультипликаторы, позволяли себе значительные художественные вольности. Во всяком случае, большие задницы долгое время доминировали в скульптуре древнего мира, пока постепенно не исчезли бесследно под натиском более прогрессивных форм искусства. Всюду, где находили предметы искусства, фигурки женщин с огромными ягодицами оказывались самыми древними. Если только толстозадые женщины действительно не были в далекие времена обычным явлением, постепенно затем исчезнувшим, причина этого повсеместного изменения концепции в доисторическом искусстве остается покрытой тайной. Мужской интерес к женским ягодицам пережил века, но, за редкими исключениями, они уменьшились до естественных пропорций, которые мы можем лицезреть на киноэкранах XX века. Изображенные на древнеегипетских папирусах танцующие девушки легко могли бы найти работу в современном ночном клубе, и, если бы Венера Милосская дожила до наших дней, ширина ее бедер вряд ли бы превысила 95 сантиметров.

Исключения из этого правила весьма занимательны, ибо в определенном смысле они представляют собой возврат в доисторические времена и демонстрируют возродившийся мужской интерес к объемистым женским ягодицам. Здесь мы переходим от феномена стеатопигии к феномену турнюра. В обоих вариантах эффект один и тот же – преувеличение зоны ягодиц, но во втором случае это достигалось за счет того, что под женское платье вставляли своеобразную подушку. Подкладки, располагающиеся вокруг бедер, широко использовались в европейской женской моде, и для преувеличения размеров ягодиц требовалось всего лишь удалить лишнее спереди и с боков. Поскольку изобретение турнюра привело скорее к «уменьшению», нежели к увеличению объема зоны таза, его сексуальный подтекст был не столь очевиден, и это новое поветрие в сфере высокой моды не вызвало особых комментариев. Турнюр из кринолина и подкладок 70-х годов XIX века исчез спустя год-другой, но триумфально вернулся в еще более преувеличенной форме через 10 лет. Теперь это был сильно выступавший сзади каркас, удерживавшийся на месте при помощи проволоки и стальных пружин, который

производил такое впечатление, что на него, наверное, живо отреагировали бы даже представители сильного пола из числа бушменов. Однако к концу столетия турнюр окончательно вышел из моды, и женщины XX века, чьи фигуры становились со временем все более атлетичными, больше никогда к нему не возвращались. В наше время преувеличение зоны ягодиц свелось к довольно редкому использованию «толщинок», провокационным позам и изощренным фантазиям мультипликаторов и карикатуристов.

Женские ноги тоже всегда являлись предметом мужского интереса, будучи источником мощных сексуальных сигналов. Наружные части бедер у женщин имеют более значительные жировые отложения, чем у мужчин, и в определенные исторические периоды полные женские ножки считались весьма эротичными. Были времена, когда для передачи сексуального сигнала было достаточно простого обнажения ноги. Чем выше она оголена, тем большее стимулирующее воздействие оказывает по той простой причине, что ее видимая поверхность ближе к зоне гениталий. Для визуального утолщения ног женщины носят под непрозрачными чулками специальные накладки, но они встречаются так же редко, как и «толщинки» для увеличения ягодиц. Для этих целей намного чаще используются туфли на высоких каблуках: наклон стопы создает зрительную иллюзию расширения и удлинения ноги, а длинные и достаточно полные ноги ассоциируются со зрелым возрастом и считаются сексуальными.

Очень часто представительницы слабого пола втискиваются в туфли меньшего размера, нежели тот, который им следует носить, и все потому, что женская ступня заметно меньше, чем мужская. Благодаря еще большему увеличению этой разницы она выглядит суперженственной, что служит сексуальным сигналом для мужчины. Маленькая женская ступня часто вызывала восхищение представителей сильного пола, и многие барышни подвергали себя настоящим мучениям, чтобы уменьшить размеры своих стоп. Лорд Байрон резюмировал традиционное мужское отношение к этой части тела, восторгаясь «ступнями, изумительно маленькими и грациозными, идеально симметричными и имеющими столь восхитительную форму». Такой взгляд отражен в хорошо всем известной сказке о Золушке, чьи злые сестры имели слишком большие ступни, не влезавшие в крохотную хрустальную туфельку. Только ступни прекрасной замарашки были достаточно малы, благодаря чему она и сумела завоевать сердце принца. И кстати, этой сказке по крайней мере две тысячи лет.

В Древнем Китае эта тенденция приобрела характер жутковатого гротеска: девочкам так туго бинтовали ступни, что они серьезно деформировались. Забинтованная ступня, или «золотая лилия», столь привлекательная в крошечной разукрашенной туфельке, без нее скорее напоминала изуродованное свиное копытце, нежели человеческую ногу. Эта практика имела настолько большое значение в обществе, что коммерческая ценность девушки определялась размерами ее ступней и во время сделки по поводу суммы, которую должен был заплатить за нее жених, в качестве одного из основных аргументов демонстрировались ее туфельки. Одержимость современной женщины, чьи ступни, по мнению некоторых специалистов, убивают ее, – всего лишь слабый отголосок этого древнего феномена. Согласно официальной версии основной мотив бинтования ступней заключался в том, чтобы продемонстрировать, что женщине нет нужды зарабатывать на жизнь, поскольку с такими ногами она делать ничего не могла. У ее мужа – состоятельного человека – тоже не было нужды зарабатывать себе на хлеб, тем не менее его ступни не подвергались увечьям. Таким образом, наиболее правдоподобной версией в данном случае является стремление усугубить половое различие. Этот мотив присутствует и во многих других подобных случаях. То или иное анатомическое видоизменение или преувеличение официально осуществляется ради следования высокой моде или демонстрации статуса, тогда как в действительности это делается для того, чтобы подчеркнуть соответствующую женскую (или мужскую) биологическую особенность. Как пример можно

привести искусственное сужение женской талии – хорошо всем известную «рюмочку».

Сексуальные сигналы способно посылать и положение ног. Во многих культурах считается неприличным, если девушка стоит или сидит с широко раздвинутыми ногами. Это все равно, что «раскрывать» свое естество, и даже если гениталии остаются прикрытыми, суть послания вполне очевидна. В последние годы в связи с широким распространением в обиходе женских брюк и существенным смягчением строгих правил этикета такие позы стали обычным явлением, в частности, их нередко принимают модели на рекламных фотосессиях. То, что раньше было мощным сексуальным сигналом, превратилось в простой вызов, а то, что когда-то шокировало, теперь всего лишь дразнит. Но тем не менее девушка в юбке все еще подчиняется старым правилам. В большинстве случаев демонстрация промежности, прикрытой только трусиками, и сегодня остается слишком сильным сигналом приглашения к сексуальной близости.

Ввиду этого воспитанная барышня держит ноги вместе. Однако здесь существует определенный риск. Если она сдвинет их слишком сильно или скрестит, это будет рассматриваться в качестве «протеста» и, следовательно, своего рода сексуального комментария. Другими словами, окружающие могут решить, что она слишком озабочена в сексуальном плане. В самом деле женщина, пытающаяся скрыть свои прелести от посторонних взглядов, привлекает такое же внимание, как если бы она демонстрировала их окружающим. Похожая ситуация возникает и в том случае, когда представительница слабого пола садится и ее юбка задирается чуть выше, чем ей хотелось бы. Если она попытается ее одернуть, это наверняка не останется незамеченным.

Раздвигающий ноги мужчина посылает тот же сигнал, что и женщина, поскольку это тоже означает: «Я демонстрирую вам свои гениталии». Широко расставленные ноги – это поза уверенного в себе человека (если только, конечно, он не весит 150 килограммов, в противном случае толстяк лишен возможности свести их вместе).

Вернемся к разговору о *животе*, располагающемся над зоной гениталий. Он бывает плоским и толстым. У взрослых женщин толстый живот встречается реже, чем у мужчин того же возраста, даже если у них есть избыточный вес. Дело в том, что у представительниц слабого пола больше жира на бедрах, а не на животе. Разумеется, если женщина будет сильно переедать, ее живот приобретет такую же сферическую форму, как и живот обжоры-мужчины, но если она не чревоугодница, разница в распределении жира выражена явно. У многих сравнительно худощавых мужчин в среднем и пожилом возрасте образуется если и не чрезмерно толстый, то все-таки достаточно заметный живот. В чем же причина?

Иногда шутка говорит больше, чем намеревался сказать ее автор. Возьмем в качестве иллюстрации один мультипликационный ролик. На пляже стоит мужчина средних лет с выступающим животом. По направлению к нему идет интересная молодая девушка в бикини. Он замечает ее, и когда красавица подходит ближе, втягивает живот и выпячивает грудь. После того как девушка прошла мимо, живот этого хитреца постепенно выступает вперед, а когда она скрывается из вида, обретает свою первоначальную форму. Этой шуткой автор явно намеревался показать, как мужчины в нужный момент контролируют контуры своего тела и соответственно свой сексуальный имидж. Впрочем, сие почти всегда происходит на подсознательном уровне и является частью мужской сексуальной демонстрации. Пробуждение эротического интереса автоматически вызывает сокращение мышц брюшного пресса. Независимо от индивидуальных особенностей молодые и зрелые мужчины различаются своими телесными формами. Первые сильнее в сексуальном плане и в целом обладают более «мужским» сложением: у них широкие плечи, мощная грудная клетка, узкие бедра и плоский живот. У зрелых мужчин, как правило, сутулые плечи, впалая грудь, мясистые бедра и выпуклый живот. Всем своим видом они как бы говорят: «Я уже не гожусь для создания пары».

Современные мужчины среднего возраста, которые возвели в культ молодость и хорошую физическую форму, всеми доступными им методами пытаются приостановить неизбежный процесс старения. Одни соблюдают диету, другие регулярно посещают тренажерный зал, а некоторые даже носят тугие корсеты, и все они напрягают ослабевшие брюшные мышцы, пытаясь как можно больше втянуть живот. В погоне за молодостью им было бы гораздо проще, если бы они могли влюбляться снова и снова – это дает не меньший, а возможно, и больший эффект, нежели диета, физические упражнения и механические приспособления. Под воздействием эмоций мышцы живота автоматически сокращались бы и оставались в тонусе, возвращая тело в биологическое состояние молодых лет, соответствующее душевному состоянию. Разумеется, многие мужчины время от времени делают шаги в этом направлении, но, если только увлечение не длится достаточно долго, необратимый процесс изменения телесных форм возьмет свое, и достигнутый успех будет носить краткосрочный характер. Кроме того, такие попытки нарушают нормальное течение жизни зрелого мужчины, которому предназначено выполнять функции главы семьи.

Но так было не всегда. До того как современная наука и техника добились значительных успехов в деле продления человеческой жизни, мужчины в большинстве своем не доживали до зрелого возраста. Судя по различным характеристикам и особенностям нашего жизненного цикла, естественный срок жизни мужчины составляет приблизительно от 40 до 50 лет, не более. То, что выпадает на долю того или иного представителя сильного пола сверх этого, следует считать чем-то вроде премии. К тому же в предыдущие исторические эпохи доминантный пожилой мужчина поддерживал свой статус, в основном за счет социальной значимости, нежели за счет молодости. Зачастую за юной привлекательной девушкой не ухаживали, ее просто покупали. Толстого владельца гарема мало заботило то, что посылаемые его обрюзгим телом сигналы далеко не сексуальны. Эта ситуация и стала причиной появления танца живота. Изначально он представлял собой движения тазом, которые совершала специально обученная обитательница гарема, сидящая на своем тучном господине. Поскольку сам он был не способен играть активную роль в половом акте, ее приходилось брать на себя женщине, которая вводила вялый пенис в свое влагалище и резко двигала тазом, дабы возбудить мужчину и вызвать у него оргазм. Именно из этих выверенных и ловких движений родился знаменитый танец живота, который со временем все больше усложнялся и совершенствовался, пока не стал таким, каким мы имеем возможность видеть его сегодня в ночных клубах.

У современного мужчины, когда он не считает нужным помнить о сигналах приглашения к интимной близости, сексуальные завоевания в основном ограничиваются визитами к представительницам древнейшей профессии. Однако, если он намерен установить и поддерживать долгосрочные отношения, ему приходится думать о своей сексуальной привлекательности. В этом отношении он вернулся к более естественной для нашего вида ситуации, но в то же самое время срок его жизни стал намного больше. В результате мужчина, перешагнувший тридцатилетний рубеж, начинает испытывать беспокойство по поводу уходящей молодости и снижения потенции. Если бы он знал, что умрет в 45 лет, это заботило бы его намного меньше, поскольку еще оставалось время для того, чтобы сделать карьеру, воспитать детей и завершить кое-какие земные дела. Но теперь, когда после рождения наследников у мужчины есть все шансы дожить до 60 лет и больше, перед ним встает проблема сохранения молодости и жизненных сил. Что он делает? Мы уже говорили – садится на диету, начинает посещать тренажерный зал и прибегает к прочим мыслимым и немыслимым ухищрениям.

Вернемся в мир женских сексуальных сигналов. У женщин *талиа* уже, чем у мужчин, или это только кажется из-за широких бедер и выпуклых округлых грудей? Узость талии является важным женским сексуальным сигналом, который, конечно, можно усилить. Для этого нужно

затянуть талию или увеличить объем бюста и бедер. Максимальный эффект будет достигнут в том случае, если сделать и то и другое. Бюст можно увеличить с помощью обтягивающей одежды и специальных подкладок, как и бедра, а также при помощи пластической хирургии. Талию можно сузить с помощью тугого корсета или тесного широкого пояса.

Женские корсеты имеют долгую и не всегда счастливую историю. Иногда они становились настолько тесными, что препятствовали нормальному формированию ребер и легких молодых девушек и затрудняли дыхание. В позднюю викторианскую эпоху привлекательной считалась барышня, чей объем талии в дюймах^[9] равнялся числу прожитых ею лет. Ради того чтобы считаться привлекательной, многие юные леди были вынуждены целый день ходить в туго зашнурованных корсетах и даже спать в них. В те времена, когда был в моде кринолин, требования к ширине талии значительно снижались, поскольку узкой на фоне визуально широких бедер казалась любая.

В XX веке женская талия меньше страдала от корсета, а зачастую вовсе освобождалась от него, «ужимаясь» с помощью строгой диеты. Сегодня средняя англичанка имеет ширину талии, равную 69 сантиметрам. Твигги из журнала Playboy и усредненная мисс мира могут похвастаться талией в 60 сантиметров. Талия современных спортсменок – обладательниц атлетичного телосложения – в среднем составляет 72,5 сантиметра.

Данные цифры становятся нагляднее, если соотносить их с размерами бюста и бедер. Это позволяет определять фактор «феномена талии», который посылает мощнейший сигнал женской привлекательности. Если сравнить Твигги (76–60–82,5) и мисс мира (90–60–90), у последней он намного сильнее.

Существует еще один фактор талии, заслуживающий комментария. Ее контур проходит как сверху, так и снизу и с одной стороны может быть больше, чем с другой. Фигура мисс мира сбалансирована идеально – и от бюста, и от бедер талия сужается на 30 сантиметров. У средней англичанки (92,5–69–97,5) сужение от бедер больше, чем от бюста. Разница между шириной бедер и шириной бюста называется «спад», и в данном случае он составляет 5 сантиметров. Это типичный показатель и для других западных стран. В Италии он равен 5 сантиметрам, в Германии и Швейцарии – 5,4, в Швеции и Франции – 5,1 сантиметра.

Эти цифры значительно отличаются от типичных размеров девушек из Playboy – 92,5–60–87,5, которые демонстрируют скорее «подъем», нежели «спад», равный 5 сантиметрам. Таким образом, то, что женщину с такими размерами считают обладательницей большой груди, отражает не просто величину ее бюста, которая в точности соответствует размеру груди среднестатистической англичанки. Своей визуальной привлекательностью она обязана тому факту, что, хотя размер ее бюста не больше среднего, талия и бедра у нее меньше примерно на 10 сантиметров, в результате чего грудь кажется значительно больше, чем есть на самом деле, что не оставляют без внимания мужчины. Найти такую женщину нелегко. Поскольку для журнала девушки фотографируются с обнаженным бюстом, проблему можно назвать строго биологической – они не имеют возможности прибегать к искусственным средствам визуального увеличения. Дабы изучить этот вопрос досконально, оставим талию и сосредоточим внимание на зоне грудной клетки.

В отличие от самок остальных приматов женщина имеет *бюст* – пару выпуклых молочных желез полусферической формы. Они остаются такими даже тогда, когда лактации нет, и явно представляют собой нечто большее, нежели просто приспособления для выкармливания потомства. Я полагаю, что, исходя из их формы, груди можно рассматривать как имитацию важной сексуальной зоны – округлых ягодиц. Это сходство дает женщине возможность посылать мощный эротический сигнал, что она может делать в положении стоя – в уникальной человеческой позе – перед мужчиной.

Имеются еще две имитации ягодиц, но они посылают менее мощные призывы, нежели грудь. Первая – гладкие, округлые женские плечи, которые, если они обнажены, являют мужским взорам полусферы плоти. Их эротический потенциал используется в те периоды, когда в моду входят платья с низким вырезом. Вторая – гладкие, округлые колени, которые, будучи открытыми и сдвинутыми вместе, в положении сидя демонстрируют мужчинам еще одну пару полусфер плоти. Колени тоже часто упоминаются в эротическом контексте. Как и плечи, они оказывают самое сильное воздействие, если на женщине надета юбка «итальянской» длины. Когда ноги видны целиком, колени теряют значительную часть своего воздействия, превращаясь из эротического маяка просто в круглые окончания бедер. Однако по силе сексуального воздействия и плечам, и коленям до бюста далеко.

Очень важно различать детскую и взрослую реакцию на женскую грудь. В большинстве своем мужчины уверены в том, что их интерес к ней носит чисто сексуальный характер. В то же время некоторые специалисты считают его исключительно детским. Оба мнения однобоки, поскольку в данном случае действуют оба фактора. Мужчина, припадающий к соску своей партнерши, вполне может грезить о радостях младенчества, а вовсе не думать о том, что он лобзает псевдоягодицу. А у влюбленного, ласкающего взглядом или рукой грудь своей избранницы, вполне может возникать ассоциация с ягодицами, но вовсе не с материнской грудью из далекого детства. Для крошечной ручки младенца материнская грудь слишком велика, чтобы ее можно было охватить ладонью, тогда как для руки взрослого мужчины это, что называется, в самый раз. Точно так же дело обстоит и в визуальном плане: бюст партнерши, с точки зрения взрослого человека, в большей степени ассоциируется с ее же ягодицами, нежели с материнской грудью, к которой он припадал в младенческом возрасте.

Это сексуальное значение женского бюста всегда играло важную роль в жизни общества. Первые английские пуритане стремились сделать грудь абсолютно плоской с помощью тесного корсажа. В Испании XVII века предпринимались еще более суровые меры: к груди юных девушек, чтобы воспрепятствовать ее развитию, привязывали свинцовые пластины. Это свидетельствует о признании способности бюста посылать сексуальные сигналы, и именно данной способности его стремились лишить.

Намного больше была распространена тенденция подчеркивания груди тем или иным образом, и почти всегда цель заключалась не в том, чтобы визуально увеличить ее размеры, а в том, чтобы бюст выглядел более крепким и упругим. Другими словами, совершенствовалась полусферическая форма груди, сближающая их с ягодицами. Их приподнимали вверх с помощью тугих корсажей, стискивали вместе, в результате чего между ними образовывалась щель, напоминающая щель между ягодицами, и заключали в тесные чашечки бюстгалтеров, чтобы они выступали вперед, а не свисали вниз. В древнеиндийском трактате о любви говорится, что «регулярные процедуры с использованием сурьмы и рисовой воды способствуют увеличению и укреплению груди молодой девушки, дабы они завладевали сердцем истинного ценителя, как вор завладевает золотом».

Однако в некоторых примитивных культурах обвислые груди – признак красоты, и девушек поощряют к тому, чтобы они специально оттягивали их вниз. Кое-где большой популярностью пользуются женщины с маленькой грудью или почти плоскогрудые. Эти исключения требуют пояснения. Специалист в области социальной антропологии, по всей вероятности, объяснил бы подобный феномен «культурными вариациями» и тем ограничился. Каждая культура и каждая историческая эпоха имеют свои стандарты привлекательности, сказал бы такой знаток, и возможен фактически любой стиль, если он окажется приемлемым в том или ином племени или обществе. Нет никакой базовой биологической особенности, а есть просто широкий диапазон вариантов, каждый из которых имеет право на существование. Но придерживаться подобного

мнения – значит уклоняться от ответа на фундаментальный вопрос, почему у мужчины и женщины сформировалось так много различных анатомических особенностей и отличий, типичных для нашего вида в целом. У каждой женщины *есть* выпуклый бюст, который отсутствует у мужчины, причем он *есть* независимо от того, кормит она своих отпрысков грудью или нет, тогда как самки других приматов *лишены* этой особенности. Следовательно, эта «конструкция» представляет собой базовую биологическую особенность вида *Homo sapiens*, вариации которой должны рассматриваться как исключительные и требующие специального объяснения, а не как особенности локального социума, имеющие право на существование, и никаких объяснений не требующие, кроме заявления, что они отражают «различные племенные обычаи».

Для того чтобы понять смысл этих исключений, следует рассмотреть «жизненный цикл» женской груди. В детстве это всего лишь два соска на плоской грудной клетке. По достижении половой зрелости на ней появляются выпуклости. На этой стадии они крепки и упруги. Затем по мере увеличения груди начинают провисать под собственной тяжестью, и их нижняя поверхность становится более округлой, чем верхняя. Однако соски все еще устремлены вперед. После 20 лет груди продолжают расти и все больше смещаются вниз. У женщины среднего возраста с полностью сформировавшимся бюстом он уже заметно обвисает, если только она не прибегает к помощи пластики, позволяющей сохранить упругость груди. Таким образом, существуют три основные стадии развития бюста: маленькие груди у юной девушки, заостренные и выступающие вперед у молодой особы, обвисшие у женщины зрелого возраста.

С этой точки зрения культурные вариации начинают обретать смысл. Если по какой-то причине сексуально привлекательными считаются чуть ли не подростки, в моде будет маленькая грудь. Если предпочтение отдается женщинам постарше, успехом будут пользоваться обвисшие груди. Для подавляющего большинства людей предпочтительна промежуточная стадия, поскольку она соответствует периоду начала сексуальной активности женщины. Юные девушки станут применять подкладки, чтобы визуально увеличить свою грудь, а зрелые женщины прибегнут к различным ухищрениям, стремясь к тому, чтобы их бюст выглядел крепким и упругим.

Что касается случаев, когда предпочтение отдается плоскогрудым женщинам, существует несколько возможных объяснений. Для мужчины, живущего в пуританском обществе, где действуют жесткие сексуальные ограничения, плоская женская грудь означает отсутствие мощных сексуальных сигналов. Она привлекает и мужчину, стремящегося играть по отношению к жене роль «отца». Скрытому гомосексуалисту плоская грудь представляется в большей степени мальчишеской, нежели девичьей. Возьмем другую крайность. В обществе, где материнская роль женщины имеет гораздо большее значение, нежели сексуальная, обвисшие груди являются более привлекательными, даже у девушек. Последние могут «старить» свой бюст, оттягивая молочные железы вниз до тех пор, пока они не обвиснут.

Тем не менее очень для многих людей наиболее привлекательными груди являются в момент достижения максимальных размеров, *прежде чем* они начнут провисать под собственной тяжестью. Это и создает дилемму, стоящую перед фотографами журнала Playboy: по мере того как улучшается одно качество бюста (размеры), другое качество (крепость и упругость) ухудшается. Чтобы сделать суперснимок, они должны отыскать ту редкую девушку, груди которой сохранили крепость и упругость после того, как достигли максимальных, взрослых размеров. Их выбор ограничивается узким возрастным диапазоном 18–19 лет. Совершенно очевидно, что это наиболее важный момент в жизненном цикле данного источника сексуальных сигналов, и именно это состояние женщины стараются имитировать и искусственно продлевать при помощи самых разных методов.

Эффект супергруди усиливается, если подбирать девушек с талией и бедрами скромных размеров. Здесь мы возвращаемся к вопросу общих изменений форм женского тела, происходящих с возрастом. Проведенные специалистами исследования показали, что в среднем взрослая женщина каждые пять лет прибавляет в весе 4,5 килограмма. С годами небольшая доля этого дополнительного веса, приходящаяся на грудь, все больше оттягивает ее вниз. На бедрах откладывается значительно больше лишних килограммов, в результате чего образуется упоминавшийся выше «спад» – небольшое превосходство в размерах бедер по сравнению с бюстом. В некоторых уголках мира, особенно в Средиземноморье, после того как девушки достигают двадцатилетнего возраста, эти изменения происходят с поразительной скоростью. Стройные и изящные, они буквально на глазах раздаются в бедрах, приобретая типичные «материнские» формы взрослой женщины. В других регионах эти изменения происходят постепенно, но основная тенденция остается той же. Только в старости, когда тело начинает усыхать, она приобретает противоположный характер.

Для многих женщин Запада, стремящихся выглядеть молодыми, этот естественный биологический процесс становится серьезной проблемой и вынуждает их соблюдать диету. Они борются отнюдь не с собственным аппетитом, а с самой природой и должны не просто ограничивать себя в еде, а недоедать, чтобы сохранить девичью фигуру. Эта ситуация не всегда была столь острой, как сегодня. В прошлом полнота не мешала дамам быть сексуально привлекательными. В пышных формах отнюдь нет ничего неженственного. Правда, они свидетельствуют скорее о материнской фазе, нежели о девической, а современные женщины, одержимые культом молодости, желают сохранять девичью внешность, невзирая на то, что ведут половую жизнь и рожают детей.

Пышные формы ассоциируются с материнской, а не с девической фазой по той причине, что за один и тот же период замужняя женщина набирает 3,5 килограмма, тогда как незамужняя всего 2. Таким образом, если представительница прекрасной половины человечества хочет сохранить девичью фигуру, она должна сохранять статус невинной девушки. Быть незамужней, независимо от возраста, означает, что в биологическом плане женщина все еще демонстрирует себя потенциальным партнерам и, следовательно, старается сохранить фигуру, соответствующую этой ситуации. Свяжав себя узами Гименея, она начинает приобретать более «комфортные» материнские формы.

Хотя данная тенденция воспринимается большинством современных представительниц слабого пола как досадное недоразумение, она должна иметь какой-то биологический смысл. Часто можно слышать, что у полной женщины с широкими бедрами легче протекают роды, но в пользу этого утверждения имеется мало свидетельств, особенно с учетом того, что львиная доля дополнительной ширины бедер приходится не на увеличенное расстояние между бедренными костями, а на слой жира. (Тело средней женщины содержит 28 % жира, тогда как тело среднего мужчины всего 15 %.) Существует еще одно в большей степени сексуальное объяснение, которое представляется более правдоподобным. Мужчинам нравятся девушки со стройной фигурой, они любят ими, но живут многие с более полными женщинами. Возможно, таким образом идеальная визуальная форма меняется, чтобы превратиться в идеальную тактильную. Такое изменение объясняет различие между костлявой моделью, на которую смотрят, но не дотрагиваются до нее, и полнотелой барышней, которую заключают в объятия, а потом ведут к алтарю. Она уже выполнила свою биологическую задачу по привлечению мужчины и формированию связи с ним.

Разумеется, это крайности. В случае со средней женщиной ее тело в девическом возрасте не такое уж и костлявое, чтобы с ней было неприятно вступать в половую связь, а в более зрелом возрасте оно не такое уж и толстое, чтобы на нее было неприятно смотреть. Изменение не носит

глобального характера, и обе стадии для женщины успешны как в визуальном, так и в тактильном плане. Дело в том, что в современном обществе весьма популярен романтический миф, согласно которому молодые партнеры влюблены друг в друга до гробовой доски. Вместо того чтобы признать, что безумная страсть должна неизбежно переродиться в более глубокую, но менее чувственную любовь, супруги изо всех сил стараются поддерживать пыл своих первых встреч. Чувствуя, что страсть постепенно угасает, они испытывают разочарование. Понять суть происходящего им могут помочь старые голливудские фильмы.

Для представителей обоих полов и во всех культурах важное сексуальное значение имеет гладкая, чистая и здоровая *кожа*. Морщины, грязь и кожные болезни всегда антиэротичны. Отметим, что умышленно нанесенные шрамы или татуировки, встречающиеся в некоторых культурах, скорее увеличивают, нежели уменьшают сексуальную привлекательность их обладателя.

У женщин кожа туловища и конечностей менее волосиста, чем у мужчин, поэтому они не только пытаются сделать ее еще более гладкой с помощью различных мазей, лосьонов и массажа, но и прибегают к эпиляции, дабы преувеличить это половое различие. Эпиляция практиковалась во многих культурах на протяжении тысячелетий. Она известна не только в примитивных племенах, но и в древнегреческом обществе. Жительницы Эллады удаляли значительную часть волос лобка, причем способами, подчас очень болезненными: либо выдергивали их – «кусты мирта, вырываемые рукой», как писал один классический автор, – либо выжигая горячими углями.

В наше время женщины производят эпиляцию с помощью электрической или безопасной бритвы, а в последнее время и химических средств. Косметологи утверждают, что 80 % англичанок имеют на теле «нежелательные» волосы, которые хотя более редки и светлы, чем волосы на теле мужчин, но тем не менее вызывают у них чувство дискомфорта. Наряду с бритьем и нанесением кремов, лосьонов и аэрозолей, растворяющих волоски, специалисты рекомендуют использовать альтернативные методы, такие как удаление с помощью воска, истирание, выщипывание и электролиз. При использовании воска специальный состав нагревают до тех пор, пока он не начинает плавиться, а затем наносят на кожу. Когда полоска воска затвердеет, ее отрывают от тела вместе с росшими на нем волосками. В древности к этому методу прибегали арабские женщины, только вместо воска они использовали густую патоку, изготавливавшуюся из равных частей воды и сахара с добавлением лимонного сока.

На первый взгляд вызывает удивление, что современные мужчины, многие из которых ежедневно тратят немало времени на удаление с лица щетины, никогда не пытались экспериментировать с чем-либо, кроме традиционной бритвы. Однако при более внимательном изучении вопроса становится очевидно, что это не трусость и не безынициативность, а следствие парадоксального желания казаться бородатым, не имея при этом бороды. После бритья на мужском подбородке и щеках почти всегда видна лоснящаяся синева – призрак былой бороды. Если бы с помощью какого-нибудь прогрессивного метода от нее можно было избавиться навсегда, вместе с ней исчезла бы эта мужественная синева и лицо мужчины стало бы выглядеть слишком женственным. И по этой причине среднестатистический представитель сильного пола тратит на бритье в течение жизни свыше 2 тысяч часов – высокая цена за возможность посылать столь противоречивый сигнал.

Во время любовной прелюдии и полового акта текстура кожи как мужчины, так и женщины претерпевает существенное изменение. Кожа пылает жаром, и при оргазме может обильно выделяться пот. На эротических фотографиях кожа моделей иногда бывает покрыта блестящими капельками. Чтобы кожа блестела, ее смазывают маслом или жиром либо опрыскивают водой, дабы создать видимость обильного потоотделения. В таких случаях отнюдь не предполагается,

что вода должна осознанно восприниматься как пот – это было бы слишком откровенным намеком, а так увлажненная поверхность вызывает подсознательную ассоциацию. Тот же принцип действует и в случае с применением интенсивного красного оттенка при печатании цветных фотографий, в результате чего кожа женщины приобретает эротичный вид, словно она сексуально возбуждена. Данный прием часто используют фотографы многих глянцевого журналов. Однако они не злоупотребляют этим методом, и упомянутое выше впечатление возникает лишь на уровне подсознания.

В последнее время на рынке появились средства для придания коже искусственного эротичного блеска. Любовники теперь имеют возможность покрывать свои тела специфическими веществами, которые создают впечатление (в том числе у них самих), будто они испытывают супервозбуждение еще до начала прелюдии. Например, «любовная пена» в виде аэрозоля. При нанесении на кожу напоминает крем для бритья, но после втирания, по словам производителей, она «придает телу волшебный блеск». Для людей с более экзотическими вкусами имеется вещество с весьма красноречивым названием «Оргастическое масло». Называемое также «роскошной смазкой», оно рекламируется как «смазка, благодаря которой тело становится очень привлекательным... создает эффект чувственного скольжения... придает коже блеск». В этой рекламе упоминаются сигналы возбуждения (скольжение и блеск), то есть речь идет об имитации потоотделения, являющегося признаком реально активного состояния кожи тела.

Округлые женские *плечи* нами уже упоминались, но широкие мужские тоже заслуживают комментария. Ширина плеч – важная вторичная сексуальная характеристика, которая начинает проявляться после достижения половой зрелости. У юношей плечи в ширину увеличиваются быстрее, чем у девушек, и у взрослых мужчин они значительно шире, чем у взрослых женщин. Как и другие параметры, различающиеся по половому признаку, ширина плеч нередко становилась предметом искусственного увеличения, осуществлявшегося разными способами. На протяжении истории в мужской одежде время от времени использовались подкладки в зоне плеч, дабы они выглядели более широкими и благодаря этому посылали мужские сексуальные сигналы. Апофеоза эта тенденция достигла с введением в военную форму эполетов, которые не только визуально расширяли плечи, но и делали их намного более резко очерченными. Это создавало двойной контраст между ними и более узкими и округлыми женскими плечами.

В зоне головы имеется несколько половых различий, и наиболее заметное из них связано с нижней *челюстью* и подбородком. У среднестатистического мужчины они несколько тяжелее, чем у среднестатистической женщины. По неизвестной причине этот факт комментируется довольно редко, хотя сие становится очевидным каждый раз, когда на сцене появляется трансвестит. Он может сколько угодно подкладывать под одежду «толщинки» для придания телу пышных форм, удалять волосы с видимой поверхности кожи и пользоваться декоративной косметикой, но его все равно выдадут нижняя челюсть и подбородок – если только такой человек не воспользуется услугами пластического хирурга или если у него нижняя часть лица невелика от природы. Может быть, поначалу такой трансвестит и сумеет ввести в заблуждение пьяного матроса в порту, выдавая себя за проститутку, но тот в конце концов обнаружит свою ошибку.

У мужчин, принадлежащих к некоторым расам (в первую очередь это относится к жителям Дальнего Востока), нижняя челюсть и подбородок выражены в меньшей степени, и вместе с этим у них обычно, что весьма примечательно, заметно хуже растет борода. Судя по всему, между этими двумя особенностями существует определенная связь. Выдвинутая вперед челюсть, будь то мужская или женская, всегда является признаком агрессивного настроения, намерения атаковать. Данный мимический жест противоположен смиренному поклону. Представитель

сильного пола, обладающий выступающим подбородком, всегда выглядит самоуверенным. Это важная мужская особенность, о чем свидетельствует тот факт, что мужчины с маленьким подбородком иногда становятся объектами насмешек из-за отсутствия в их облике выражения уверенности в своих силах.

Поскольку одной из наиболее очевидных мужских черт является наличие бороды, весьма вероятно, что она сформировалась одновременно с выдающимся вперед подбородком, поскольку более плотная структура кости – лучшая основа для роста волос. Именно эти две особенности придают лицу мужественный вид. В данном случае большое значение имеет уникальность человеческого подбородка. В отличие от других приматов мы имеем в этой зоне выступающую кость, которая, по мнению современных анатомов, не выполняет какой-либо внутренней механической функции. В прошлом выдвигалось немало гипотез по поводу назначения столь необычного костного образования, которые связывали его с особыми свойствами мышц челюсти и языка, но впоследствии эти аргументы были опровергнуты. В настоящее время принято считать, что подбородок главным образом служит маркером половой принадлежности.

Теперь обратимся к другому важному компоненту лица – *щекам*. Их самым мощным сигналом является румянец – покраснение кожи, вызываемое приливом к нему крови. Это покраснение всегда начинается в зоне щек, где румянец наиболее очевиден, и может затем распространяться на все лицо, шею и изредка на верхнюю часть туловища. Румянец чаще бывает у женщин, чем у мужчин, и более свойствен молодым барышням, чем пожилым матронам. Покраснение сопровождается небольшим отеком кожи, и это придает ей поверхностный блеск, который заметен даже у чернокожих. Румянец бывает у представителей всех рас, и даже у глухих и слепых, поэтому он является базовой биологической особенностью нашего вида. Чарльз Дарвин в своем фундаментальном труде посвятил ему целую главу и пришел к выводу, что эта реакция отражает робость, стыд, скромность и указывает на «чрезмерное внимание к собственной внешности». Что касается сексуального значения румянца, согласно записям соответствующих эпох, девушки, которые краснели, будучи выставлены на невольничьих рынках для продажи в гарем, ценились выше тех, кто не заливался краской. Судя по всему, румянец является мощным сигналом при приглашении к интимной близости.

Будучи самым важным для человека органом чувств, *глаза* не только фиксируют различные призывы, но и посылают свои собственные. Мы постоянно устанавливаем и прерываем зрительный контакт во время беседы наедине, отслеживая изменения в настроении собеседника, и отводим взгляд в сторону во избежание слишком длительного пристального внимания. Однако любовники могут подолгу смотреть в глаза друг другу, не смущаясь и не выражая тем самым агрессивность. Они делают это по вполне определенной причине. Под влиянием сильных положительных эмоций наши зрачки сильно расширяются, и маленькое темное пятнышко в центре глаза становится большим черным диском. Это расширение зрачков служит мощным неконтролируемым сигналом, свидетельствующим о силе чувства, испытываемого к любимому человеку. Данное явление лишь недавно стало предметом научных исследований, хотя оно известно на протяжении многих столетий. В Средние века итальянские красавицы, чтобы добиться этого эффекта, закапывали себе в глаза экстракт белладонны. В наши дни в этом деле преуспели рекламодатели, которые, используя вместо белладонны тушь, увеличивают на фотографиях зрачки моделей, дабы те выглядели более привлекательно.

Еще одно изменение, происходящее с глазами под воздействием эмоций, – небольшое увеличение объема вырабатываемой слезными железами жидкости. Сие не означает, что те, кто влюблен, обязательно все время плачут, просто их глаза сильнее блестят. Это сияние в сочетании с расширенными зрачками является несомненным доказательством искренности чувств.

Различные движения глаз тоже служат сигналами приглашения к интимной близости.

Наряду с хорошо известным подмигиванием в некоторых культурах откровенным приглашением в постель является... вращение глазных яблок. Девушка, скромно потупившая взор, тоже посылает определенный сигнал, как и мужчина, слегка сощуривший глаза и выражающий таким образом свой интерес. Задержавшийся чуть дольше обычного взгляд при первой встрече подчас служит намеком на возможность более близких отношений в дальнейшем.

Приглашающая к интимной близости женщина может широко распахивать глаза, хлопая при этом ресницами. Возможно, потому, что подобные движения ресниц носят в значительной мере женский характер, в настоящее время размеры последних увеличивают в основном представительницы слабого пола. Это началось с использования туши, благодаря которой ресницы выглядели более тяжелыми и были заметнее, затем в ход пошли специальные щипчики для загибания, и наконец 60-е годы XX века ознаменовались созданием искусственных ресниц, которые наклеивали на натуральные. Сегодня только одна компания предлагает комплекты искусственных ресниц 15 стилей, включая Wispy-tipped Starry Lashes («Звездные ресницы с пушистыми концами»), «расширяющие глаза», и Ruggedy Lashes («Неровные ресницы»), которые «увеличивают маленькие глаза». Они крепятся к верхним векам точно так же, как другие экзотические изобретения вроде Cluster-lashes («Ресницы гроздьями»), Natural-fluff Lashes («Натуральные пушистые ресницы») и Super-sweepers («Суперопахала»). Для нижних век предназначаются Winged Under-lashes («Крылатые нижние ресницы»), «расширяющие глаза и делающие их ярче». Эту новую тенденцию увеличения длины ресниц наверняка в полной мере оценил бы влюбленный тробриандер, который имеет обыкновение откусывать ресницы у своей возлюбленной. К счастью для последней, они отрастают у нее на удивление быстро. И конечно, как и в случае со многими другими частями лица и тела, с помощью которых женщина может посылать сексуальные сигналы, она извлекает из ресниц максимум выгоды.

Брови. Над глазами человек имеет две уникальные полоски волос, располагающиеся в нижней части лба. Раньше считалось, что они предназначены для того, чтобы препятствовать попаданию капель пота в глаза, но на самом деле их основная функция заключается в передаче сигналов о переменах в настроении. Брови поднимаются в страхе и удивлении и опускаются в гневе, сдвигаются в тревоге и взмывают вверх, когда мы чем-то озадачены. При виде хорошего знакомого они быстро поднимаются вверх и так же быстро опускаются.

Безусловно, женские брови менее густы и кустисты по сравнению с мужскими. Следовательно, это половое отличие может быть преувеличено. Женщины немилосердно выщипывали брови, чтобы они были тоньше, и к 30-м годам прошлого столетия их толщина сократилась до размеров черты, проведенной карандашом. Но и это не было пределом, ведь когда-то японские невесты перед свадьбой полностью сбривали брови.

Сексуальную природу этого тривиального изменения женской внешности наглядно иллюстрирует тот факт, что в 1933 году девушка, устраивавшаяся на работу на должность медсестры, была предупреждена старшей сестрой, что отныне не должна выщипывать брови. Барышня подала иск, и суд потребовал от совета Лондонского графства вынести старшей сестре официальное порицание, но это требование было отклонено. Таким образом, пациенты больницы были избавлены от неуместной дополнительной сексуальной стимуляции.

Прежде чем покинуть зону *лица*, имеет смысл рассмотреть его напоследок как единое целое, а не совокупность компонентов. Это, вне всякого сомнения, наиболее выразительная часть того, чем наградила человека природа. Лицо может передавать всевозможные, едва уловимые эмоциональные послания при помощи множества разнообразных выражений. Сокращая и расслабляя определенные мышцы, особенно те, которые располагаются вокруг рта и глаз, мы выражаем целую гамму чувств – от радости и удивления до печали и гнева. Как источник сигналов приглашения к интимной близости лицо имеет чрезвычайно важное

значение. Дружелюбное и улыбающееся или настороженное и взволнованное, оно неизменно привлекает к себе внимание. Унылое лицо, отмеченное печатью безнадежности, может пробудить желание подойти к человеку и утешить его, а напряженное, суровое или угрюмое – противоположное. Все это хорошо известно, но лицо способно производить один весьма интересный долгосрочный эффект, который заслуживает краткого комментария.

Что касается выражений лица, оно может быть «включенным» и «выключенным». Лицо «включается» в процессе общения. Мы говорим «сделать счастливое лицо» или «сделать хорошую мину» и стараемся не «потерять лицо» на публике. Желая казаться дружелюбными, мы придаем лицу приветливое выражение и улыбаемся. В менее приятных обстоятельствах наше лицо мрачнеет или становится высокомерным. Оставаясь наедине с собой, мы «выключаем» лицо, и оно принимает выражение, типичное для того общего долгосрочного настроения, в котором мы пребываем в последнее время. Человек, испытывающий чувство тревоги, который прилагал все усилия, чтобы выглядеть беззаботным на вечеринке, теперь сидит с угрюмым видом, выдающим его истинное эмоциональное состояние, потому что его никто не видит. (Он и сам может не догадываться об этом, если не глядит на свое отражение в зеркале.) У счастливого и довольного жизнью человека, который старался выглядеть печальным на похоронах, лицо теперь расслабилось, и горестные складки в уголках губ и на лбу разгладились.

У большинства из нас долгосрочное настроение время от времени меняется, и наши лицевые мышцы не находятся подолгу в том или ином состоянии «выключенного» лица. Мы можем испытывать депрессию утром, но пребывать в отличном настроении вечером. И в моменты одиночества выражение лица будет меняться соответствующим образом. Люди, частенько подверженные тревоге или раздражению, находятся в иной ситуации. Существует опасность того, что выражение их «выключенного» лица станет постоянным и неизменным, и складки на лбу, вокруг рта и по бокам носа больше не будут разглаживаться.

Таким людям трудно «включать» лицо и принимать необходимое выражение в процессе общения. Озабоченный человек выглядит озабоченным, даже когда улыбается, приветствуя знакомого. Раздраженный человек выглядит раздраженным, даже когда смеется над шуткой. Выражение «включенного» лица просто накладывается на выражение «выключенного», вместо того чтобы заменить его. Благодаря этому лицо может кое-что рассказать нам о прошлом и нынешнем эмоциональном состоянии человека.

Неизвестно, как долго будут сохраняться эти морщины «выключенного» лица после кардинального изменения образа жизни. Если бытие, до сих пор полное тревог и забот, неожиданно изменится к лучшему, морщины не исчезнут за одну ночь. Если эта счастливая перемена происходит с уже немолодым человеком, они могут остаться навсегда. Несомненно, во всех подобных случаях старое, фиксированное выражение лица в течение какого-то времени сохраняется, хотя его послание уже будет не актуально, но я не слышал, чтобы проводились исследования по измерению продолжительности этого периода.

Между прочим, то же самое относится к позе тела. Она может быть согбенной, настороженной, напряженной, расслабленной и т. д. Регулируя работу мышц рук, ног и корпуса, мы можем менять ее в зависимости от социальных обстоятельств. Однако, как и в случае с лицом, продолжительное сохранение определенной позы приводит к ее фиксации, и изменение такой позы в соответствии с ситуацией становится чрезвычайно трудным делом. Если плечи постоянно опущены, это приводит к сутулости, которую не способен выправить даже миллионный выигрыш.

И наконец, мы добрались до венца человеческого тела – густой шевелюры на его голове, содержащей около 100 тысяч волос. В зависимости от расовой принадлежности они могут быть курчавыми, волнистыми или прямыми. Скорость их роста составляет приблизительно, 12,5

сантиметра в год, и каждый волосок растет в течение шести лет, прежде чем выпадет и его сменит новый. Следовательно, если волосы не стричь, они с годами отрастут до бедер, и это должно было придавать первобытному человеку очень необычный вид по сравнению с приматами других видов. В то время как волосяной покров на его теле почти исчез, буйная копна волос на голове была видна на большом расстоянии.

За исключением того, что многие мужчины с возрастом лысеют, в отношении волос между полами нет никаких различий. В биологическом плане и мужчины, и женщины длинноволосы, и эта особенность развилась в качестве видового идентификационного сигнала. Однако в культурном плане волосы часто подвергались видоизменениям, дабы стать источником сигнала половой принадлежности. Иногда более длинные волосы носили мужчины, но чаще бывало наоборот. В последние столетия представители сильного пола, как правило, коротко стриглись – это было средством борьбы с паразитами, и суровые армейские сержанты называли длинные мужские волосы лестницами для вшей. Женщины почти всегда носили волосы умеренной длины, тогда как мужчины нередко бросались из крайности в крайность. Было время, когда надевали длинные парики, и в наши дни эта традиция имеет продолжателей в лице британских судей. Тем не менее в современную эпоху сформировалась настолько прочная ассоциация между длинными локонами и слабым полом, что еще не так давно мужчина, носивший волосы, длина которых превышала установленный стандарт, рисковал подвергнуться насмешкам. В последнее десятилетие ситуация изменилась коренным образом, и молодые мужчины стали носить длинные волосы, утратившие функцию полового признака. Таким образом, пренебрегающие санитарией хиппи взяли верх над приверженцами гигиены, призывающими коротко стричь волосы.

Поскольку волосы всегда являлись источником сексуальных сигналов, они были предметом самого тщательного ухода. Как в древности, так и в наши дни люди прилагают немалые усилия для достижения требуемого эффекта. Самое старое из известных средств ухода за волосами включало «одну часть собачьих лап, одну часть финиковых косточек, одну часть копыт осла», и эту смесь следовало долго варить в масле и жире. Сегодня блестящие, струящиеся волосы остаются идеалом почти для всех девушек, и, как нам постоянно твердят рекламодатели, тусклые и безжизненные волосы резко сокращают шансы своих обладателей привлечь внимание потенциальных партнеров.

В этой инвентаризации сигналов человеческого тела его части рассматривались по отдельности, но представителя вида *Homo sapiens* нужно рассматривать в целом. Части тела подают сигналы не по отдельности, а одновременно, в определенной комбинации друг с другом и в соответствующей ситуации. Число таких комбинаций огромно, как и число ситуаций, составляющих чрезвычайно разнообразную среду социального взаимодействия. Входя в помещение или шествуя по улице, мы посылаем массу сигналов, как чисто биологических, так и культурно обусловленных. Мы всегда отдаем себе в этом отчет на подсознательном уровне и регулируем эти сигналы в соответствии с конкретной социальной ситуацией. Почти всегда мы стремимся передать сбалансированный комплекс сигналов, одни из которых приглашают к интимной близости, тогда как другие отвергают ее. Время от времени мы идем гораздо дальше в том или ином направлении, либо откровенно демонстрируя приглашение, либо занимая враждебную позицию по отношению к окружающим.

На протяжении этой главы, рассматривая различные сексуальные приглашения к интимной близости, я подробно останавливался на крайностях и выбирал наиболее показательные примеры, подтверждающие справедливость приводимых мною положений. Гульфики, корсеты и эпoletы, может быть, далеки от арсенала обычных сексуальных сигналов, используемых сегодня

обычным взрослым человеком, но они помогают привлечь внимание к менее изощренным средствам преувеличения половых признаков – узким брюкам, широким поясам и подкладным плечам, которые применяются более широко и менее демонстративно. Точно так же танец живота, возможно, представляет собой всего лишь экзотическое развлечение, но его включение в настоящее исследование помогает нам оценить менее экстремальные танцевальные движения, которые делают сотни тысяч юношей и девушек на вечеринках и дискотеках.

Независимо от того, совершенствуем мы свои сексуальные сигналы или относимся ко всему этому равнодушно, прибегаем к искусственным средствам (лишь немногие из нас не пользовались некоторыми из них) или отдаем предпочтение более естественному подходу, все мы постоянно посылаем сложный комплекс визуальных сигналов окружающим. Многие из этих призывов неизбежно связаны с нашими сексуальными качествами, и, даже не осознавая это в полной мере, мы не перестаем «считывать сигналы», исходящие от других людей. Тем самым мы готовим себя к важному социальному шагу, который подводит нас к осуществлению первого пробного контакта с потенциальным половым партнером и вхождению в сложный мир сексуальной интимной близости.

Сексуальные интимные отношения

В стремлении осознать себя как личность подрастающий ребенок должен отвергнуть ласковые материнские объятия. Став наконец взрослым, он остается наедине с собой. Будучи маленьким, ребенок безгранично доверял матери и был очень близок с ней. Теперь же его отношения со взрослыми строго ограничены – он держится от них на расстоянии. Слепая вера уступила место настороженности, зависимость – взаимозависимости. Нежные детские отношения сменились жесткими взрослыми.

Жизнь не перестала быть интересной. Существуют увлекательные науки, которые хочется изучать, заманчивые цели, которых хочется достигать, и социальный статус, который хочется повышать. Но куда делась любовь, которая побуждает спонтанно открываться другому человеку? Отношения взрослых людей совсем не таковы...

Все сказанное выше применимо как к молодой обезьяне, так и к молодому человеку. Схема одна и та же. Но с этого момента начинаются расхождения. Самец обезьяны уже никогда больше не познает прелестей подлинной любовной связи. До последнего своего дня он будет вести жизнь в мире без любви, мире соперничества и партнерства, конкуренции и сотрудничества. Самка обезьяны еще испытает любовь, став матерью, но, как и самец, никогда не будет иметь подлинной любовной связи с другой взрослой обезьяной. Дружеские отношения – да, партнерские – да, сексуальные – да, любовные – нет.

Однако у взрослого человека такая возможность существует. Он способен сформировать прочную и долгосрочную связь с представителем противоположного пола, которая представляет собой нечто гораздо большее, чем простое партнерство. Те, кто говорит, что брак – это партнерство, оскорбляют любовь и совершенно неправильно понимают ее природу. Мать и ребенок тоже отнюдь не партнеры. Малыш доверяет матери не потому, что она кормит и защищает его. Он любит ее за то, что она такая, какая есть, а не за то, что она для него делает. Партнер делает благо партнеру, ожидая получить от него взамен равноценное благо, но между любовниками формируются отношения, похожие на отношения между матерью и ребенком. Возникает полное взаимное доверие и вместе с ним полная телесная близость. В настоящей любви не дают и берут взамен, а только дают. Главное для каждого из любовников – что-то дать своему любимому, а поскольку в итоге и тот и другой что-то получает, это является для них просто приятным приложением к чувству.

Осторожному, расчетливому человеку вступление в такие отношения представляется рискованным шагом. Это противоречит правилам заключения договоренностей, которые он привык соблюдать, общаясь с другими людьми. Без определенной помощи низших центров его нервной системы высшие центры не позволили бы ему это сделать, но человеческий мозг подобную помощь оказывает. Очень часто вопреки всякой логике мы влюбляемся. У некоторых представителей нашего вида этот естественный процесс подавляется, и если они все же вступают в брачные или эквивалентные им отношения, сие больше походит на сделку: ты воспитываешь детей, я зарабатываю деньги. Подобная «покупка наследников» или «покупка статуса» стала обычной в наших переполненных человеческих зверинцах, но эта практика чревата опасностями. Таких партнеров держит вместе не внутренняя связь, а внешнее давление социальных условностей. Это означает, что естественный потенциал влюбленности все еще таится в мозге каждого из них и может в любой момент воплотиться в реальность, в результате

чего возникнет настоящая связь за пределами их формального союза.

Счастливики избавлены от подобного развития событий. Будучи молодыми людьми, они безотчетно влюбляются и формируют подлинную связь с любимым человеком. Этот процесс протекает постепенно, хотя иногда он совершенно незаметен. Любовь с первого взгляда – весьма популярная концепция. Однако это отнюдь не полное доверие с первого взгляда, а всего лишь сильное тяготение с первого взгляда. Переход от первого тяготения к окончательному доверию почти всегда представляет собой длинную и сложную последовательность постепенного развития близких отношений, и именно эту последовательность нам предстоит рассмотреть.

Самый простой метод заключается в том, чтобы проследить за двумя типичными любовниками, принадлежащими к западной культуре, на всем протяжении процесса формирования пары – от первого взгляда до первого полового акта. При этом следует помнить, что типичного любовника в реальности не существует, как не существует среднего гражданина или человека с улицы. Тем не менее для начала имеет смысл попытаться представить типичных любовников, чтобы впоследствии рассмотреть различные варианты.

Все животные осуществляют ухаживание в одной и той же определенной последовательности, и человек здесь не исключение. Для удобства мы разделим порядок этой процедуры у представителя рода *Homo sapiens* на 12 стадий и посмотрим, что происходит на каждой из них.

1. *Контакт глаз с телом.* Самая распространенная форма социального контакта – рассматривание людей на расстоянии. Один взрослый человек может за долю секунды определить физические качества другого взрослого человека. Глаза мгновенно снабжают мозг информацией, касающейся пола, размеров, форм, цвета кожи и волос, признаков статуса и настроения объекта. Одновременно с этим выставляется оценка по шкале, крайними значениями которой являются «чрезвычайная привлекательность» и «чрезвычайное уродство». Если все признаки указывают на то, что объект является привлекательным представителем противоположного пола, мы готовы перейти к следующей стадии последовательности.

2. *Контакт глаз с глазами.* В то время как мы рассматриваем других, другие рассматривают нас. Это означает, что время от времени наши глаза вступают в контакт. Когда мы встречаемся взглядом со знакомыми людьми, за моментом узнавания следует обмен приветственными сигналами, такими как улыбка, поднятие бровей, изменение позы, движения руками и возгласы. Если же мы встречаемся взглядом с незнакомцем, то обычно быстро отводим глаза в сторону, прерывая зрительный контакт, словно избегая пусть даже кратковременного вторжения в чужую частную жизнь. В случае когда один из двух незнакомцев продолжает пристально смотреть после установления зрительного контакта, второй может сильно смутиться или даже рассердиться. Если имеется возможность избежать такого взгляда, это происходит незамедлительно, даже при отсутствии в выражении лица и жестах признаков агрессивности. Сие происходит потому, что продолжительный взгляд является выражением агрессии между незнакомыми взрослыми людьми. В силу этого два незнакомца обычно рассматривают друг друга по очереди, а не одновременно. Тогда, если один находит другого привлекательным, он или она может слегка улыбнуться при повторном зрительном контакте. Если в ответ появится улыбка, за ней возможен следующий, более интимный контакт. Если ответом окажется безразличный взгляд, дальнейшего развития эта ситуация, как правило, не получает.

3. *Контакт голоса с голосом.* Если третья сторона, которая могла бы представить мужчину и женщину друг другу, отсутствует, на следующей стадии между ними происходит голосовой контакт. Разумеется, поначалу речь идет о тривиальных вещах. На этой стадии собеседники говорят о своих истинных чувствах довольно редко. В процессе беседы происходит дальнейший обмен сигналами, на сей раз не зрительными, а слуховыми. В мозг поступает информация о

тональности голоса, дикции, манере говорить и образе вербального мышления. Поскольку такой разговор ни к чему не обязывает, каждый из собеседников может прервать общение, если новые сигналы окажутся для него неприемлемыми, несмотря на привлекательность первых, визуальных, сигналов.

4. *Контакт руки с рукой.* Первые две стадии могут занять минуту, а могут длиться несколько месяцев, если один из потенциальных партнеров молча восхищается другим на расстоянии, не осмеливаясь вступить с ним в голосовой контакт. Точно так же контакт руки с рукой может произойти быстро, в форме рукопожатия при знакомстве, или откладываться на довольно длительное время. При отсутствии формального рукопожатия первый телесный контакт случится, вероятнее всего, под предлогом оказания поддержки, «спасения от опасности или указания направления. В таких случаях мужчина обычно берет женщину за руку, чтобы помочь ей перейти улицу или преодолеть препятствие. Если она приближается к опасному месту, он может воспользоваться случаем и быстро взять ее за руку, чтобы остановить или направить в обход. Если она поскользнулась или споткнулась, ее можно поддержать. Действия, не имеющие отношения к истинным чувствам, испытываемым потенциальными партнерами, имеют большое значение. Если мужчина прикасается к женщине, чтобы оказать ей ту или иную помощь, это ни его, ни ее не обязывает к каким-либо дальнейшим действиям. Женщина может поблагодарить и отправиться, куда шла. Оба подчас отдают себе отчет в том, что это только начало и впоследствии их отношения могут стать более близкими. Однако никто из них не сделал ничего такого, что указывало бы на вероятность данного результата, и у каждого есть возможность прекратить общение и при этом не задеть чувства другого. Только когда процесс развития отношений заходит достаточно далеко, контакт руки с рукой становится продолжительным. Это уже не жест оказания поддержки или указания направления, а откровенное проявление близости.

5. *Контакт руки с плечом.* До этого момента тела потенциальных партнеров не входили в близкий контакт, знаменующий большой прогресс в развитии отношений. Наиболее ранний вид такого прикосновения – объятие за плечо. Как правило, мужчина обнимает женщину за плечо и слегка прижимает к себе. Поскольку это действие практикуется между друзьями и не имеет в данном контексте сексуальной подоплеки, оно является самым простым предисловием к более близкому телесному контакту и едва ли встретит отпор. Объятие за плечо может восприниматься и как знак близкой дружбы, и как проявление любовных отношений.

6. *Контакт руки и талии.* На этой стадии мужчина обнимает женщину за талию. Это действие не практикуется среди представителей сильного пола, в каких бы дружеских отношениях они ни находились, и, стало быть, представляет собой открытое проявление любовной близости. Кроме того, рука мужчины теперь находится намного ближе к зоне гениталий женщины.

7. *Контакт рта со ртом.* Поцелуй в губы в сочетании с полным фронтальным объятием – крупный шаг вперед. При этом возникает возможность физиологического возбуждения, если действие длится достаточно долго или периодически повторяется. У женщины может увлажниться влагалище, а у мужчины – появиться эрекция.

8. *Контакт руки с головой.* Во время поцелуя руки начинают гладить лицо, шею и волосы партнера. Ладони сжимают затылок и виски.

9. *Контакт руки с телом.* На следующей стадии руки начинают исследовать тело партнера, сжимая, лаская и поглаживая его. Большим прогрессом является контакт мужской руки с женской грудью. Он усиливает физиологическое возбуждение до такой степени, что многим молодым дамам в этот момент требуется небольшой перерыв. Если формирующаяся связь не достигла достаточно высокого уровня взаимного доверия, более откровенные сексуальные

отношения на какое-то время откладываются.

10. *Контакт губ с грудями.* На этой стадии взаимодействие приобретает строго интимный характер. Для многих пар сие относится и к предыдущей стадии, но поцелуи и ласки при определенных обстоятельствах нередко можно увидеть в общественных местах. Подобные действия часто вызывают неодобрение со стороны окружающих, но в большинстве стран серьезные меры в отношении обнимающихся не предпринимаются. С поцелуями груди ситуация совершенно иная, хотя бы потому, что это предполагает их обнажение. Контакт мужских губ с женской грудью является последним из тех, что предшествуют контактам с гениталиями, и служит прелюдией к действиям, которые приводят не просто к возбуждению, а к оргазму.

11. *Контакт руки с гениталиями.* Если исследование тела партнера продолжается, рука неизбежно оказывается в зоне гениталий. После нескольких пробных ласк она начинает мягко и ритмично потирать их, имитируя движения, осуществляемые при коитусе. Мужчина гладит половые губы или клитор партнерши и может ввести палец или несколько пальцев, которые имитируют пенис, во влагалище. Подобная стимуляция может в скором времени привести к оргазму любого из партнеров и является традиционной формой кульминации отношений любовников на стадии, предшествующей половому акту.

12. *Контакт гениталий с гениталиями.* И наконец, наступает стадия совокупления. Если партнерша является девственницей, она неизбежно начинается с необратимого действия – дефлорации, или нарушения целостности девственной плевы. На этой стадии впервые возникает возможность другого необратимого действия, а именно оплодотворения. Необратимость этой заключительной стадии последовательности делает ее исключительной. Но если не удастся создать прочную связь, женщина может остаться беременной при отсутствии стабильной семейной ячейки. Каждая фаза служит дальнейшему укреплению связи, но в биологическом плане это заключительное действие осуществляется тогда, когда развившиеся ранее интимные отношения уже сделали свое дело и партнеры не хотят расставаться после того, как сексуальный порыв завершается оргазмом.

Таковы 12 стадий процесса формирования пары. В известной степени они, разумеется, определяются культурными нормами, но намного большая роль отводится анатомии и сексуальной физиологии нашего вида. Вариации, обусловленные сложившимися региональными традициями, а также характерными особенностями отдельных необычных индивидов, изменяют эту стандартную последовательность в самых разных направлениях, и мы анализируем их на фоне той типичной последовательности, которую только что рассмотрели.

Вариации имеют три основные формы: сокращение последовательности, изменение порядка действий и усложнение последовательности.

Самый экстремальный вид сокращения последовательности – принудительное сношение, или изнасилование. В данном случае последовательность от первой стадии до последней протекает максимально быстро, и продолжительность каждой из них сводится к минимуму. После осуществления зрительного контакта мужчина просто набрасывается на женщину, опуская все стадии возбуждения, и осуществляет контакт гениталий с гениталиями, как только ему удастся сломить сопротивление жертвы. Негенитальные телесные контакты нужны в данном случае только для того, чтобы подавить волю женщины и сорвать с нее одежду в зоне гениталий.

Если рассматривать изнасилование объективно, оно лишено двух важных компонентов – формирования пары и сексуального возбуждения. Опуская все промежуточные стадии последовательности, насильник не дает сформироваться связи между собой и женщиной, на которую он напал. Сие очевидно, но требует пояснения с биологической точки зрения, поскольку представители нашего вида нуждаются в формировании этой личной привязанности как средства обеспечения успешного воспитания потомства, которое может появиться в

результате полового акта. У других видов, представители которых мало или совсем не озабочены воспитанием потомства, изнасилование теоретически не создает каких-либо проблем. Оно происходит у них редко в силу физических трудностей, с которыми сталкиваются самцы-насильщики. Мужчина без пары рук, обладающих сильной хваткой, и речевого аппарата, с помощью которого он может озвучивать угрозы, оказался бы фактически неспособным совершить изнасилование, и в этом заключается двойное «преимущество» нашего вида, отсутствующее у других. Даже если у животных случается половой акт, похожий на изнасилование, видимость может быть обманчивой. Например, у многих видов хищников самцы во время совокупления держат самку зубами за загривок, словно препятствуя тем самым ее бегству. На самом же деле у них просто существует проблема с введением пениса во влагалище извивающейся самки. Если она невосприимчива, шансов у самца мало. Дело в том, что жестокий на первый взгляд акт захвата загривка у хищников представляет собой специализированное движение. Хотя оно напоминает действия мужчины-насильщика, в действительности это эквивалент нежного человеческого объятия. Челюсти самца смыкаются и не причиняют самке вреда. Таким же образом хищники переносят с места на место своих детенышей. Самец обращается с самкой как с котенком, и если она сексуально восприимчива по отношению к нему, то не противится и ведет себя так же, как в детстве, когда мать переносила ее, держа зубами за загривок.

Мужчина в состоянии сравнительно легко изнасиловать женщину. Если применения физической силы недостаточно, он может пригрозить нанести ей травму или убить. Кроме того, он может ввести ее в бессознательное или полубессознательное состояние либо позвать на помощь других мужчин. Если отсутствие сексуального возбуждения у женщины затрудняет введение пениса или делает его болезненным, мужчина, при определенных обстоятельствах, может использовать смазывающие средства.

Женщине эта процедура как минимум не доставляет ни удовольствия, ни удовлетворения, а как максимум может нанести сильную психологическую травму или причинить серьезное физическое повреждение. Шанс возникновения эмоциональной привязанности в результате этого насильственного сокращения обычной сексуальной последовательности есть только в случае, если мужчина и женщина были знакомы или женщина имеет мазохистские наклонности.

Я столь подробно остановился на теме изнасилования только потому, что оно тесно связано с другой формой сокращения сексуальной последовательности, которая распространена намного больше и имеет важное значение в нашей культуре. Назовем ее экономическим изнасилованием. В отличие от обычного оно происходит не в пустом доме или в лесозащитной полосе, а в прекрасно обставленных спальнях. Это акт спаривания партнеров, заключивших союз по расчету, не испытывающих друг к другу любви и не сформировавших подлинную связь.

В прошлом контролируемый родителями статусный брак был широко распространенным явлением. Сегодня он встречается все реже, но психологический вред, причиняемый им рожденным в таких семьях детям, чрезвычайно велик. Являясь свидетелями подобных отношений между родителями, они сами рискуют стать сексуально ущербными, неспособными осуществить последовательность формирования любовной связи, типичную для нашего вида. Их сексуальная анатомия находится в абсолютном порядке, механизмы физиологического возбуждения функционируют вполне эффективно, но способность реализовать этот природный потенциал в форме любовной привязанности существенно ограничена воздействием атмосферы, в которой они взрослеют. Такие дети подобно родителям будут испытывать трудности при выборе партнера, под давлением социальных условностей создадут такой же союз без любви, и рожденные ими тоже повторят их судьбу. Последствия этой культурной традиции вмешательства в естественный процесс формирования любовной привязанности ощущаются еще и сегодня,

хотя контролируемый родителями брак постепенно становится достоянием истории.

Разумеется, экономическое изнасилование представляет собой не столь экстремальную форму сексуальной последовательности, как караемое по закону, хотя бы потому, что оно, пусть и в сжатом виде, содержит все ее 12 стадий. На первый, поверхностный, взгляд оно может показаться очень сходным с полной последовательностью, ведь партнеры проходят все стадии вплоть до сношения, но если рассматривать их действия детально, мы увидим, что всем им недостает интенсивности, продолжительности и частоты.

Возьмем классический случай, когда юношу и девушку сводят вместе во имя экономических или статусных интересов их семей. В прежние времена процесс ухаживания обычно ограничивался несколькими короткими объятиями и поцелуями, следовавшими за продолжительными беседами. Затем, почти ничего не знаящие о физиологических и психологических особенностях друг друга, молодые люди оказывались на брачном ложе. Перед этим невесте говорили, что жених проделает с ней противную, но необходимую манипуляцию, дабы обеспечить рост численности нации, и что, пока он будет это делать, она должна лежать спокойно и думать об Англии. Жених получал элементарные сведения о женской анатомии и рекомендацию обращаться с невестой осторожно, поскольку, когда он проникнет в нее, у нее откроется кровотечение. В соответствии с этой информацией новобрачные старались выполнить свой супружеский долг как можно быстрее и без всяких затей, получая при этом минимальное удовольствие. Жена испытывает оргазм крайне редко, почти никогда. Муж лежит в постели с бесчувственным существом, являющимся его законной женой. При этом ее влагалище он использует фактически точно так же, как собственную руку для мастурбации. В общественной жизни, на людях, супруги выполняют ритуалы, создающие впечатление, что между ними существуют любовные отношения. Все формы публичного проявления близости подробно описаны и детально регламентированы в книгах по этикету, что не позволяет отличить подлинные чувства от фальшивых. Понимают, что это не так, только дети, которые интуитивно чувствуют, насколько неискренни их родители по отношению друг к другу. Так у них формируется модель семейной жизни.

Если это описание и представляется странным, то вовсе не потому, что такие браки сегодня не заключаются, просто их характерные особенности не так бросаются в глаза, как прежде. Теперь для маскировки подобных отношений в значительно большей степени используется афиширование любовных отношений. Родители не так активно участвуют в устройстве судьбы своих отпрысков, что тоже способствует маскировке. К экономической выгоде стремится один или оба партнера. Губы невесты шевелятся под фатой, но это вовсе не от обуревающих ее эмоций: она всего лишь подсчитывает, на какое содержание сможет рассчитывать в случае развода. Рядом с ней стоит жених. Вид у него отсутствующий, но он отнюдь не погружен в романтические мечты, а размышляет о том, какое впечатление произведет на друзей его женитьба на девушке из семьи, имеющей высокий социальный статус. Да, молодая жена больше не лежит неподвижно на брачном ложе, думая бог весть о чем. Она сопоставляет частоту собственных оргазмов со статистическими данными для своей возрастной группы, уровня образования, расового и социального происхождения. Если показатель оказывается ниже среднего, она нанимает частного детектива, чтобы тот выяснил, где ее муж расходует недостающие 1,7 оргазма в неделю. Тем временем супруг пытается определить максимальный объем спиртного, которое он может выпить вечером без ущерба для эрекции. Таковы реалии современной городской жизни.

Мы рассмотрели три формы сокращенной сексуальной последовательности – изнасилование, брак, контролируемый родителями, и так называемый брак-случку, нередко практикуемый в настоящее время. Одержимость частотой оргазмов, свойственная последней из

рассмотренных форм, представляет собой важное новое явление. Оно, похоже, уводит нас в сторону сокращения полной сексуальной последовательности, которую мы обсуждали. На самом деле это скорее усложнение, нежели сокращение, хотя не все так просто. По сути дела, наступила новая сексуальная революция, выразившаяся в том, что последним стадиям последовательности стало придаваться значительно большее значение и они существенно «модернизировались». Порядок ухаживания, столь важный для формирования пары, вместо того чтобы усложниться, упростился и сократился. Как же это произошло?

В прежние времена процесс ухаживания был продолжительным, но изобиловал суровыми ограничениями. На его эмоциональной глубине отрицательно сказывалось требование строгого подчинения формальным правилам. Стадия прелюдии и собственно половой акт были сильно сокращены вследствие невежества и антиэротической пропаганды. Мужчины решали эту проблему, посещая бордели и содержа любовниц. Женщины по большому счету не решали ее никак. В первой половине XX века ситуация изменилась. Родительский контроль стал слабее, и были предприняты серьезные попытки по введению сексуального образования. Начали публиковаться книги о любви в браке. Молодые люди получили относительную свободу в выборе партнера и избавились от необходимости соблюдать ограничения при ухаживании. Исчез институт дуэний – провожатых при молодой особе. Смягчились правила поведения при телесном контакте, и фактически все стадии сексуальной последовательности, за исключением тех, на которых осуществляется генитальный контакт, оказались дозволенными. Тем не менее предполагалось, что предсвадебные приготовления должны занимать значительное время. К моменту бракосочетания жених и невеста были уже довольно хорошо знакомы, как в личностном плане, так и в физиологическом. А тут еще наряду с новыми знаниями появились эффективные противозачаточные средства, благодаря чему половая жизнь в браке стала более разнообразной и насыщенной.

На предсвадебных стадиях у молодых пар вошли в обиход продолжительные занятия петтингом – объятия, ласки и поцелуи. Теоретически такие контакты не должны были выходить из определенных рамок, но на практике соблюдение этого правила оказалось довольно трудным делом. Причина очевидна. В отличие от своих предшественников из прежних эпох молодые люди могли пропускать первые стадии ухаживания, на которых формируется привязанность, но отсутствует сильное физиологическое возбуждение, и переходить к следующим, где осуществляется предварительная стимуляция. Посередине между ухаживанием и предварительной стимуляцией находится поцелуй в губы. Одиночный поцелуй представляет собой приятное действие, укрепляющее формирующуюся связь, но осуществленный многократно и энергично он становится отправной точкой любовной прелюдии.

Вследствие этого перед юношей и девушкой встала новая проблема. Продолжительный петтинг вызывал у первых длительную эрекцию, а у вторых – обильную смазку. Затем следовал один из трех альтернативных вариантов развития событий: молодые люди в соответствии с официальными правилами либо прерывали последовательность, испытывая сильную фрустрацию и разочарование, либо продолжали достигать удовлетворения, не прибегая, собственно, к сношению, либо нарушали запрет и совокуплялись. Если они выбирали второй вариант, то есть мастурбировали или доводили друг друга до оргазма с помощью ласк, и занимались этим в течение всего времени подготовки к свадьбе, существовала опасность того, что действия такого рода приобретут слишком большое значение в их сексуальных отношениях, а это повлечет за собой определенные трудности, когда они получат возможность вести нормальную половую жизнь. При третьем варианте развития событий молодые люди испытывали чувство вины и были вынуждены скрывать истинный характер своих отношений. Тем не менее, несмотря на эти трудности, продолжительный предсвадебный период

способствовал формированию прочной связи.

Затем, относительно недавно, произошла новая перемена. Хотя официальные правила остались прежними, соблюдаются они не так строго. Эффективность противозачаточных средств еще больше повысилась, и девственность для многих барышень утратила свое значение. Запрет на добрачные отношения, ранее нарушавшийся довольно редко, теперь, как правило, игнорируется. Отныне невинность не только не является добродетелью, она считается чуть ли не клеймом, чем-то вроде признака сексуальной ущербности. Половая жизнь до свадьбы вполне приемлема для молодых людей, если не для их родителей. В результате любовники больше не испытывают неудовлетворенности петтинга, которая была характерна для их предшественников, и не придают такого значения, как раньше, мастурбации. Процесс развития их отношений протекает естественным образом, проходя все 12 стадий сексуальной последовательности.

Какова же опасность этой новой ситуации, если она вообще существует, при наличии эффективных средств профилактики венерических заболеваний и контрацепции? Некоторые сетуют на «тиранию оргазма» – обусловленную новыми социальными реалиями потребность в максимальных показателях половой жизни. Они видят в ней угрозу для человека, который действительно любит своего партнера, но не способен на впечатляющие достижения в данной сфере.

Эта критика несколько близорука. Я уже упоминал об одержимости частотой оргазмов, но лишь в связи с браком без любви, современным эквивалентом экономического или статусного брака. Речь шла о том, что женщина может ощущать свою несостоятельность в сексуальном плане, поскольку даже во время полового акта она озабочена проблемами своего финансового или социального положения. Но сегодня любящим друг друга юноше и девушке будут смешны акробатические трюки в постели людей, не ведающих любви. Для тех, кто любит, в какую бы историческую эпоху они ни жили, мимолетное прикосновение к щеке любимого важнее шести часов в тридцати семи позах с нелюбимым человеком. Так было всегда, но современная молодежь имеет дополнительное преимущество, заключающееся в том, что нынешние социальные условия не требуют ограничиваться прикосновением к щеке. Люди вольны делать друг с другом все, что им заблагорассудится. Если между ними сформировалась прочная связь, для них в первую очередь имеет значение качество секса, а не его количество. Новые условия лишь предоставляют им свободу, но ни к чему не принуждают, как полагают некоторые критики.

Эти критики, похоже, забыли еще один нюанс. Когда юноша и девушка влюбляются друг в друга, они не пропускают начальные стадии сексуальной последовательности. Молодые люди не перестают держаться за руки только потому, что им не возбраняется половая жизнь. Кроме того, влюбленные едва ли столкнутся с особыми трудностями на последних стадиях последовательности. Эмоциональная насыщенность их отношений позволит им достигать оргазма за оргазмом без изощренных «борцовских» поз из современных руководств по технике секса.

По всей вероятности, самая большая опасность, грозящая сегодня молодым людям, носит экономический характер, поскольку они живут в сложном, экономически структурированном обществе. Отнюдь не случайно экономика играла столь важную роль при заключении браков в предшествующие эпохи. Тогда действовали строгие ограничения в отношении добрачных сексуальных связей, в результате чего страдала физиология, но был гарантирован социальный статус. Теперь же для молодой пары проблемой стал именно он, тогда как физиологические потребности удовлетворены в полной мере. Разве могут сегодня семнадцатилетние любовники, вполне половозрелые, сформировавшие прочную связь и ведущие полноценную сексуальную жизнь, самостоятельно приобрести жилье? Им остается либо ждать лучших времен в некоем

социальном гетто, либо выпасть из традиционной общественной структуры. Это нелегкий выбор, и данная проблема требует решения.

Мы затронули эту тему, рассматривая различные формы сокращения сексуальной последовательности. Оставим молодых любовников, полностью ее соблюдающих, но испытывающих при этом серьезные социальные проблемы, и вернемся к ее сокращениям. Как насчет сексуально активного человека, не знающего любви? Мы уже говорили о насильниках и людях, ограничивающих свою половую жизнь зачатием детей, но сегодня встречаются еще и сексуальные спортсмены. Каким же образом они сокращают последовательность развития отношений типичных любовников? Для них вся она сводится к поздним стадиям генитального контакта. В прежние времена именно это происходило во время посещения мужчиной проститутки. В этом случае не держались за руки, не обнимались, не шептали друг другу на ухо нежные слова, но быстро заключали сделку и сразу приступали к половому акту. Это можно было бы назвать коммерческим изнасилованием. Тогда юноша нередко получал подобным образом свой первый урок сексуальных отношений, но в настоящее время, когда ранние стадии последовательности нередко тоже, как и в случае с визитом в бордель, сильно сокращаются, потребность в таких профессиональных услугах отпала. Сегодняшнюю ситуацию наглядно иллюстрирует комикс, в котором вернувшаяся домой под утро девица, усталая, растрепанная, в измятой юбке, но с аккуратным макияжем, говорит: «Парни просто больше не хотят целоваться».

В результате сокращения данного типа максимально увеличивается активность в плане быстрого секса при минимуме формирования связи между партнерами. Такое поведение может способствовать повышению самооценки, но низводит сексуальные отношения до уровня отправления физиологической надобности вроде мочеиспускания. Ввиду этого неудивительно, что у «нестромого», не знающего любви сексуального спортсмена возникает желание вносить разнообразие в половой акт и делать его более изощренным. Если такой человек лишен эмоциональной глубины восприятия, которую придает отношениям сильная личная привязанность, ее приходится компенсировать физической активностью. Здесь весьма кстати приходят на помощь иллюстрированные руководства по технике секса, и есть смысл сделать краткий обзор некоторых из них, дабы посмотреть, что они рекомендуют.

Выбранный наугад образец из имеющихся ныне в продаже содержит несколько сотен фотографий, на каждой из которых изображена молодая пара, занимающаяся любовью. Не более 4 % этих снимков иллюстрирует какие-либо из первых восьми стадий рассмотренной выше сексуальной последовательности, зато собственно сношению посвящены 82 %. В каждой подобной книге описываются и изображаются от 30 до 50 поз. Это свидетельствует о том, сколь большое значение в настоящее время придается заключительной стадии последовательности. Если раньше цензура ограничивала демонстрацию любовных отношений изображением ранних стадий, то после упразднения этого института внимание публики сместилось с одного края спектра к другому. В этой тенденции скрыто следующее послание: нужно сделать половой акт как можно более разнообразным и сложным, а обо всем остальном забыть. Многие позы на иллюстрациях явно неудобны и даже, скорее всего, при продолжительном пребывании в них болезненны, если только к ним не прибегают цирковые гимнасты. Они призваны вносить в сексуальные отношения новизну и служить средством дополнительного физиологического возбуждения. Отныне главную роль играет не любовь, а сексуальная акробатика.

Разумеется, сами по себе эти позы не причиняют никакого вреда, а лишь разнообразят сексуальное поведение, но если одержимость ими заменяет и исключает эмоциональный аспект интимного взаимодействия между мужчиной и женщиной, это в конечном счете обесценивает их отношения. Они усложняют одни стадии сексуальной последовательности за счет

сокращения других.

Молодые люди, которые *нуждаются* в этих вариациях сношения, а не просто используют их время от времени, чтобы придать ощущениям новизну, по всей вероятности, не так уж любят друг друга. Впоследствии, пройдя стадию формирования пары, они могут понять, что некоторые изыски и новшества в их половой жизни способны придать чувствам определенную остроту, но, если между ними действительно существует любовь, необходимость в этом представляется, пожалуй, странной.

Сказанное вовсе не означает, что какие-либо из этих сексуальных действий, какими бы необычными и изощренными они ни были, следует порицать или запрещать – при условии, если они осуществляются взрослыми людьми, добровольно, в приватной обстановке и не причиняют никому физического вреда. Однако в некоторых странах такие изыски преследуются по закону. Примером являются орально-генитальные контакты, которые я опустил в приведенном выше перечне 12 стадий сексуальной последовательности – по той причине, что они не представляют собой явно выраженную стадию в процессе развития отношений между мужчиной и женщиной, от первой встречи до собственно полового акта. В большинстве случаев они происходят только после первого сношения, как дополнение к генитальным контактам. Впоследствии, когда половая жизнь становится регулярной, такие действия зачастую осуществляются во время любовной прелюдии. Образцы древнего искусства и исторические источники свидетельствуют о том, что контакты, о которых идет речь, имеют давнюю историю.

Согласно результатам исследований, проведенных недавно американскими специалистами, к орально-генитальным контактам перед половым актом прибегает примерно половина супружеских пар. Контакт мужского рта с женскими гениталиями зафиксирован в 54 % случаев, женского рта с мужскими гениталиями – в 49 % случаев. Хотя эти цифры значительно меньше показателей частоты других контактов прелюдии (контакты губ с губами, руки с грудью, губ с грудью, руки с гениталиями происходят в 90 % случаев), вряд ли стоит называть орально-генитальные контакты ненормальными. И все же, несмотря на это и на тот факт, что они широко распространены у других видов млекопитающих, такие действия нередко рассматриваются как противоестественные. Они порицаются иудейским и христианским кодексами поведения, даже если происходят между супругами, а кое-где считаются не просто аморальными, но противоправными. Как это ни удивительно, во второй половине XX века соответствующие законы действуют в большинстве штатов США. Только в Кентукки и Южной Каролине супруги могут осуществлять любые орально-генитальные контакты в приватной обстановке легитимно. Это означает, что 50 % американцев регулярно нарушают закон. Во всех штатах, где такие контакты запрещены законом, они считаются уголовным преступлением, за исключением Нью-Йорка, где данные действия подпадают под классификацию простого правонарушения. В штатах Иллинойс, Висконсин, Миссисипи и Огайо этот закон носит откровенно сексистский характер: уголовным преступлением считается только контакт женского рта с мужскими гениталиями, а обратное сочетание не является противозаконным.

Эти странные юридические ограничения редко применялись на практике в последние годы, когда появились в продаже и широко рекламировались ароматичные средства для влагалища, подвергались насмешкам, но время от времени в бракоразводных процессах орально-генитальные контакты всплывают в качестве одного из факторов «моральной жестокости». Указывалось также на то, что подобные законы создают почву для шантажа. Как уже отмечалось, в биологическом плане орально-генитальные контакты не причиняют человеку никакого вреда. Напротив, они придают эмоциональный накал любовной прелюдии и, стало быть, способствуют упрочению связи между супругами, то есть укрепляют семью, за что так ратуют церковь и государство.

Если мы попытаемся выяснить, в какой форме осуществляются сексуальные отношения этого типа у людей, то сможем определить различие между человеком и другими млекопитающими, практикующим орально-генитальные контакты. У людей они обычно начинаются с обнюхивания гениталий и прикосновений к ним носом, которые затем переходят в их облизывание. Реже встречаются ритмичные фрикции. Это действие весьма значимо, поскольку позволяет получить информацию о состоянии половых органов партнера. В отличие от человека представители других видов млекопитающих находятся в состоянии полной готовности к спариванию только в определенные сезоны или в определенные периоды менструального цикла, и один потенциальный партнер, особенно самец, должен выяснить степень возбуждения другого потенциального партнера, прежде чем совершить попытку совокупления. Прикладывание носа и языка к зоне гениталий позволяет проанализировать ее запах, вкус и текстуру. Стимуляция в ходе этих контактов, по всей вероятности, имеет второстепенное значение.

Человек находится в совершенно иной ситуации. Для него элемент стимуляции в данном случае имеет первостепенное значение. Рот используется скорее для возбуждения партнера, нежели для знакомства с состоянием его гениталий. Именно поэтому ритмичные фрикции играют у человека более важную роль, нежели прикосновения и облизывание. Женщина использует свой рот как псевдовлагалище, совершая движения головой, которые имитируют движения тазом. Мужчина тоже может воспользоваться языком как псевдопенисом, но, вероятнее всего, он будет ритмично нажимать им на клитор, массируя эту эрогенную зону точно так же, как сие происходит во время настоящего полового акта. Мужчина, применяющий подобную имитацию, имеет преимущество, заключающееся в том, что он может долго стимулировать женщину без своего собственного оргазма. Благодаря этому он дает партнерше возможность получить полное удовлетворение, поскольку зачастую ей для этого требуется больше времени, чем представителям сильного пола.

Данный факт объясняет, почему мужчины прибегают к сексуальной близости этого типа отнюдь не реже, чем женщины. Тем не менее в порнофильмах чаще можно увидеть женщин, осуществляющих орально-генитальный контакт, нежели мужчин. Для этого есть особая причина. Подобные фильмы традиционно предназначаются для мужской аудитории, и секс в такого рода продукции служит показателем статуса. Считается, что «подчиненная» поза мужчины при орально-генитальном контакте с женщиной умаляет его достоинство, а доминирующее положение во время «обслуживания» женщиной позволяет ему продемонстрировать свое превосходство. Здесь мы возвращаемся к поведению животных, а также к подчиненным позам. Когда коленопреклонение и поклон являются демонстрацией смирения, их биологическое значение заключается в склонении тела нижестоящего индивида перед вышестоящим. Для того чтобы приложиться к гениталиям, активный партнер должен склониться перед пассивным. Это относится к любой позе, но становится особенно очевидным, когда пассивный партнер стоит. Активный партнер (мужчина или женщина) должен встать на колени перед стоящим пассивным партнером, чтобы иметь возможность приложиться ртом к зоне гениталий. Такая поза напоминает смиренный поклон кающегося грешника. Неудивительно, что это действие, выполняемое женщиной по отношению к мужчине, столь привлекательно для тех, кто собрался на «мальчишник».

В случае с любовниками, находящимися в приватной обстановке, ситуация совершенно иная. Если только данная встреча не служит исключительно удовлетворению физиологической потребности, это действие доставляет удовольствие, а не демонстрирует повышение статуса. В силу различия в продолжительности времени, требующегося для достижения оргазма представителями разных полов, действие, выполняемое мужчиной, длится дольше, чем

действие, выполняемое женщиной.

Рассматривая вариации базовой сексуальной последовательности, мы до сих пор обсуждали пути ее сокращения и усложнения, но я говорил и о третьей возможности, а именно об изменении порядка действий. Описанная мною последовательность часто меняется – так или иначе. В своем изначальном виде она является не более чем приблизительным выражением общей тенденции порядка следования различных действий, с момента первой встречи до первого полового акта. В целом она отражает последовательность событий, но формализация определенных конкретных элементов во многих случаях существенно влияет на то, что, собственно, за чем следует. Приведем несколько примеров.

Первые три действия – контакты глаз с телом, глаз с глазами и голоса с голосом. Эти нетактильные взаимодействия редко меняют свое положение в последовательности. Впрочем, в наше время исключения возможны в тех случаях, когда первый разговор происходит по телефону, и иногда один из собеседников слышит от другого: «Было бы приятно познакомиться с вами после стольких заочных бесед». Разумеется, телефонные разговоры нельзя рассматривать как знакомство. Однако в сочетании со зрительным контактом они таковым и являются. Фраза «Мы познакомились в прошлом году» необязательно означает какой-либо тактильный контакт, это может быть комбинация зрительного и вербального действия. Тем не менее знакомство обычно включает в себя по крайней мере минимальный телесный контакт – рукопожатие. При знакомстве с кем-то важно в той или иной мере физически соприкоснуться с этим человеком. Поскольку в современной жизни мы встречаемся с множеством незнакомцев, неудивительно, что это первоначальное прикосновение имеет строго стилизованную форму. Более плотные телесные контакты означали бы слишком большую интимность для столь ранней стадии развития отношений.

В силу своей формальности рукопожатие зачастую оказывается в самом начале последовательности. Представитель третьей стороны просто говорит: «Я хочу представить вам такого-то», и через несколько секунд после зрительного контакта происходит контакт ладоней. Этот контакт может произойти даже чуть раньше, чем вербальный.

Сие базовое правило, согласно которому чем формальнее действие, тем больше вероятность того, что оно окажется в начале последовательности, наглядно иллюстрирует поцелуй в губы. Хотя, строго говоря, это первое из возбуждающих действий прелюдии, которое должно происходить во второй половине последовательности, а не в первой, оно оказывается впереди по времени в силу общепринятой условности – формального поцелуя при расставании, бытующего среди молодых людей. Важно то, что первым поцелуем обычно обмениваются, прощаясь. Он осуществляется в сочетании с полным объятием в позиции лицом к лицу, которое является большим шагом вперед по сравнению с менее интимными полуобъятиями за плечо и за талию. Этому поцелую присуща невинность несексуальных поцелуев, которыми обмениваются родственники при встрече и расставании. Молодые люди, проговорившие после знакомства несколько часов, могут в момент прощания обняться и обменяться формальными поцелуями, даже если они до этого не прикасались друг к другу. Эта ситуация разительно отличается от ситуации во время визита мужчины к проститутке, когда поцелуи просто-напросто выпадают из последовательности.

При обсуждении этих сексуальных вариаций я имел в виду главным образом современные цивилизованные общества. В других культурах, в том числе в племенных, существуют определенные отклонения, но общие принципы последовательности развития интимных отношений к ним все же применимы. Американские исследователи изучили около 200 человеческих культур и выяснили, что если активная прелюдия к половому акту не противоречит социальным нормам, она, как правило, обязательна. В большинстве обществ

используются почти все возбуждающие действия, но иногда они принимают специфическую форму. Например, нос время от времени замещает рот в качестве контактного органа, и вместо поцелуев используется трение или надавливание носом. В одних племенах взаимное прижатие носа к лицу осуществляется в те моменты, когда европейцы обычно поцелуются в губы. В других – контакты рта со ртом и носа с носом одновременны. Некоторые мужчины, стимулируя женщине грудь, вместо того чтобы целовать ее, трутся о нее носом. В третьих – поцелуй принимает форму приближения губ к лицу, сопровождающегося вдохом. В четвертых – партнеры посасывают язык и губы друг друга. Эти вариации деталей интересны сами по себе, но преувеличение их важности, что иногда случалось, означает недооценку сходства поведения всех человеческих существ на стадиях ухаживания и прелюдии к коитусу.

Рассмотрев последовательность сексуальных отношений представителей вида *Homo sapiens*, мы переходим к вопросу их частоты. Я не раз говорил, что человек является самым сексуальным из всех приматов, и это мнение порой подвергалось нападкам. Однако биологические свидетельства неопровержимы, и аргумент, что высокий уровень сексуальной активности, отмечаемый сегодня в некоторых регионах, является следствием цивилизованной жизни, не выдерживает никакой критики. Скорее, *низкий* уровень сексуальной активности в некоторых других регионах можно приписать реалиям современного бытия. Каждый, кто испытывал сильный стресс, знает, сколь негативно он влияет на либидо. Из этого следует, что, поскольку жизнь в урбанистических сообществах изобилует проблемами, высокий уровень половой активности убедительно свидетельствует о сексуальности нашего вида.

Буду более конкретным. Если я выскажу свое мнение в несколько иной форме, а именно что человек *потенциально* самый сексуальный из всех приматов, это не вызовет никаких возражений. Во-первых, другие приматы в своей сексуальной деятельности ограничены короткими периодами менструального цикла самки. В это время ее наружные половые органы характерно изменяются, что самцу у большинства видов отчетливо видно. Сие делает самку в его глазах сексуально привлекательной, хотя в другое время она не вызывает у него особого интереса. У людей активная фаза охватывает почти весь период менструального цикла женщины, и ее продолжительность примерно втрое превышает период активной фазы других приматов. Уже хотя бы поэтому сексуальный потенциал у человека в три раза выше, чем у его ближайших родственников.

Во-вторых, в отличие от самок обезьян женщина остается как сексуально привлекательной, так и сексуально восприимчивой в течение большей части беременности. Кроме того, по сравнению с ними после родов она гораздо быстрее вновь становится сексуально активной. И наконец, современный человек часто ведет активную половую жизнь на протяжении примерно 50 лет, и в этом среди других видов млекопитающих с ним могут сравниться очень немногие.

Люди не только обладают огромным сексуальным потенциалом – в подавляющем большинстве случаев они его полностью реализуют, поэтому я не вижу причины менять свое мнение. Человеческие существа в большинстве своем самовыражаются сексуально, находя партнеров и вступая с ними в близкие отношения. Но даже те, кто этого не делает или находится в условиях сексуальной изоляции, как правило, не утрачивают активность. Компенсацией отсутствия партнера для них обычно становится мастурбация, к которой они прибегают довольно часто.

Прежде всего человеческое сексуальное поведение отличается сложностью. Оно включает в себя не только собственно половой акт, но и ухаживание, порой утонченное, и активные возбуждающие действия. Другими словами, сексуальная деятельность интенсивно осуществляется на протяжении многих лет с небольшими перерывами на «мертвые периоды» в женском репродуктивном цикле, а ее действия продолжительны и разнообразны.

Длительность сексуальной жизни, свойственная нашему виду, достигается за счет добавления к наследию приматов многочисленных и разнообразных телесных контактов, речь о которых шла выше. Сие разительно отличает людей от представителей других видов, и, дабы убедиться в этом, лучше всего познакомиться с сексуальным поведением обезьян.

Обезьяны не формируют прочную связь со своими партнерами, и их ухаживание и прелюдия сведены к минимуму. Во время течки, когда самка находится в состоянии полной сексуальной готовности, она несколько раз в день поворачивается к самцу задом и слегка наклоняется вперед. Дальше все просто – он взгромождается на нее, вводит пенис, делает несколько быстрых толчков тазом, извергает семя, слезает, и они расходятся каждый по своим делам. Вся процедура обычно занимает несколько секунд. Вообще у многих животных половой акт длится очень недолго. У макак-боннет самец совершает от 5 до 30 фрикций. У ревунов этот показатель составляет от 8 до 28 (в среднем 17), и на половой акт уходит 22 секунды, а перед этим еще 10 секунд затрачивается на «корректировку» положения тела. Самец макаки-резус совершает от 2 до 8 толчков тазом за 3 или 4 секунды. Бабуины, согласно данным одного исследования, делают до 15 толчков за 7–8 секунд, в другой работе сообщалось о среднем показателе 6 фрикций за 8–20 секунд, в третьей – о 5–10 толчках, продолжающихся 10–15 секунд. В двух исследованиях жизни шимпанзе приводится средний показатель 4–8 толчков и максимальный 15 в одном случае, а также показатель 6–20 толчков за 7–10 секунд в другом.

Эти данные указывают на то, что наши волосатые родственники в деле спаривания не медлят. Однако в течение нескольких дней, когда самка находится в состоянии сексуальной активности, они осуществляют эти «мгновенные совокупления» очень часто. У некоторых видов половой акт повторяется несколько раз подряд с интервалом несколько минут. Южноафриканские бабуины, например, совокупаются по 3–6 раз с двухминутным перерывом. Макаки-резусы превосходят этот показатель, спариваясь от 5 до 25 раз с одноминутным интервалом. Складывается впечатление, что самец извергает семя только во время последнего полового акта, который отличается особой энергичностью, так что, возможно, сексуальное поведение обезьян более сложно, нежели это представляется на первый взгляд. Тем не менее оно заметно отличается от сексуального поведения представителей вида *Homo sapiens*.

У человека практикуется гораздо более длительная прелюдия к сношению, и само оно длится значительно дольше. Свыше 50 % людей тратят больше 10 минут на то, чтобы привести себя и партнера в состояние возбуждения, используя самые разные способы. После этого в большинстве случаев эякуляция может наступить всего через несколько минут после начала фрикций, но, как правило, мужчина старается продлить этот процесс. Он делает это потому, что в отличие от самок обезьян женщина способна испытать оргазм, сравнимый по эмоциональной глубине с его собственным, но для этого ей требуется от 10 до 20 минут. Таким образом, у обычной человеческой пары на прелюдию и половой акт уходит примерно полчаса, то есть в 100 раз больше, чем у обезьяньей четы. Правда, обезьяны способны повторять свои короткие совокупления с гораздо меньшим интервалом, нежели люди.

Самка обезьяны сексуально активна перед наступлением овуляции и остается в этом состоянии около недели. Она постоянно возбуждена. Возбуждение женщины не зависит от времени овуляции и никак не связано с менструальным циклом. Каждый раз оно достигается в результате стимуляции, осуществляемой мужчиной. Этот чрезвычайно важный момент, представляющий фундаментальное изменение в сексуальной системе приматов, неизбежно приводит к увеличению интенсивности и усложнению телесных контактов между партнерами и создает основу для человеческих сексуальных интимных отношений.

Здесь возникает вопрос о происхождении более сложных, чем у обезьян, человеческих сексуальных действий. Поскольку самцы обезьян почти ничего не делают, кроме того, что

взгромождаются на самку и совокупляются с ней, фактически с мужчинами их объединяют лишь ритмичные толчки тазом и эякуляция. Так откуда же взялись наши нежные, нерешительные прикосновения периода ухаживания и страстные ласки прелюдии к половому акту? Судя по всему, они ведут свое происхождение от отношений между матерью и младенцем, о которых шла речь выше. Едва ли какие-то из них являются «новыми действиями», возникшими в связи с сексуальной деятельностью. В поведенческом плане рождение любовного чувства очень напоминает возврат в пору младенчества.

Ранее, наблюдая за матерью и малышом, мы видели, как со временем снижается степень их телесной близости. Теперь, наблюдая за молодыми любовниками, видим, как со временем степень их телесной близости возрастает. Первые действия сексуальной последовательности фактически идентичны любым другим действиям социального общения взрослых людей. Затем, шаг за шагом, стрелки поведенческих часов начинают двигаться в противоположную сторону. От формального рукопожатия при знакомстве мы со временем переходим к держанию за руки, свойственному периоду младенчества. Юноши и девушки ходят, держась за руки, как они когда-то ходили с родителями. С ростом взаимного доверия их телесные контакты постепенно активируются, и в скором времени они уже соприкасаются головами, заключают друг друга в тесные объятия и целуются. По мере развития отношений молодые люди возвращаются все дальше в детство, в пору нежных ласк. Ладони снова гладят лицо, волосы и тело любимого человека. Наконец любовники обнажены, и впервые с тех пор, когда они были младенцами, интимные части их тел ощущают прикосновения рук другого человека. Как и тогда, вербальная компонента не играет особой роли, важна тональность. Зачастую произносимые ими слова напоминают детский лепет. Атмосфера безмятежности и взаимного доверия окутывает молодую пару, и, как и в детстве, суэта внешнего мира теряет для них всякое значение. На лицах влюбленных расплывается мечтательное выражение, похожее на выражение лица младенца, находящегося в объятиях матери.

Это возвращение к интимной близости, столь прекрасное для тех, кто переживает его, зачастую умаляется теми, кому оно недоступно. Возьмем лишь несколько крылатых фраз: «Первый вздох любви – это последний вздох мудрости», «Любовь – это болезнь, исполненная страданий», «Любовь слепа», «Нас легко дурачат те, кого мы любим», «Любовь – это неизлечимая болезнь», «Невозможно любить и при этом быть мудрым», «Те, кто любит, – глупцы, но таковыми их сделала природа». Даже применяемый в научной литературе термин «регрессивное поведение» имеет оскорбительный оттенок, тогда как требуется беспристрастное, объективное описание того, что происходит. Разумеется, когда взрослый человек ведет себя по-детски, во многих ситуациях это выглядит нелепо, но к случаю с молодыми любовниками, формирующими прочную связь, данное утверждение не относится. Интимные телесные контакты – лучшее средство установления такой связи, и те, кто отказывается от них из-за их «детскости», всегда в проигрыше.

Когда ухаживание переходит в стадию любовной прелюдии, детские мотивы в отношениях не исчезают. Напротив, они становятся еще более детскими, и стрелки часов возвращаются к поре сосания материнской груди. Формальный поцелуй, когда губы слегка касаются губ или щеки возлюбленного, приобретает энергичность и силу. Полностью задействуя мышцы губ и языка, партнеры целуют тело друг друга, словно пытаясь насытиться. Они посасывают его и ритмично сжимают губами, исследуют и облизывают языком, подобно голодным младенцам. Жадные губы влюбленных не ограничиваются ртом друг друга, они путешествуют по другим частям тела, как будто в поисках давно утраченного соска материнской груди. Они находят псевдососки в виде мочек ушей, пальцев ног, клитора, пениса и, конечно, не забывают настоящие соски.

Выше я говорил об удовольствии, доставляемом этими действиями в силу их сексуального характера. Но они доставляют удовольствие и потому, что вызывают ассоциации с оральным контактом с материнским соском. Эффект усиливается, если псевдогрудь заставить вырабатывать псевдомолоко. Эту функцию может выполнять слюна, цервикальный секрет и эякулят. Если оральные манипуляции женщины с пенисом продлятся до семяизвержения, ей в рот из этого псевдососка брызнет струя «молока». И кстати, еще в XVII веке в обиход вошло выражение «кормление молоком», обозначающее это сексуальное действие.

Даже когда прелюдия завершается и начинается собственно половой акт, действия, носящие детский характер, не уходят в небытие. У спаривающихся обезьян единственным телесным контактом, не считая генитального, является механическое удержание самцом самки с использованием всех четырех конечностей. Он держит ее не потому, что испытывает к ней какие-то чувства, а для того, чтобы сохранять равновесие во время быстрых толчков тазом. Мужчина и женщина тоже иногда держат друг друга, чтобы сохранить устойчивость, но они также осуществляют множество контактов, не несущих функцию «корректировки» положения тела, а служащих тактильными сигналами интимной близости.

И в заключение вернемся к иллюстрированным пособиям по технике секса, причем рассмотрим только те фотографии, на которых изображен половой акт. С их помощью можно определить частоту осуществления негенитальных контактов, сопровождающих фрикции. Не менее чем на 74 % снимков рука одного из партнеров держится за какую-либо часть тела другого или прикасается к ней отнюдь не с целью «корректировки» положения тела. Кроме того, практикуется множество вариантов объятий, поцелуев и контактов головы с головой, руки с головой и руки с рукой. Это свидетельствует о том, что для людей сношение включает акт спаривания взрослых приматов *плюс* контакты, свойственные отношениям матери и младенца, причем последние происходят на всем протяжении сексуальной последовательности, с начальных стадий ухаживания до апофеоза любви. Человек не просто совокупляется, осуществляя генитальный контакт, он занимается любовью – это выражение говорит само за себя – со своим избранником или избранницей. Именно поэтому все стадии человеческой сексуальной последовательности, включая сношение, могут способствовать процессу формирования связи пары, и предположительно именно поэтому у женщины развилась способность к сексуальной восприимчивости на протяжении длительного времени, далеко выходящего за рамки фазы овуляции. Можно сказать, что мы теперь осуществляем акт спаривания не для того, чтобы оплодотворить яйцеклетку, а для того, чтобы оплодотворить отношения. Это никоим образом не грозит демографическим спадом, ибо даже той небольшой части половых актов, которые совпадают по времени с овуляцией, вполне достаточно для появления на свет потомства в необходимом количестве, свидетельством чему является численность населения планеты, которая неуклонно возрастает.

Социальные интимные отношения

Изучение человеческих сексуальных интимных отношений суть наблюдение за возрождением интенсивных телесных контактов между взрослыми людьми, которые заменяют утраченные интимные отношения младенческой поры. В отличие от этого изучение человеческих социальных интимных отношений суть наблюдение за ограничением осторожных, сдержанных контактов, которое осуществляется по мере того, как в мозгу происходит борьба между противоречащими друг другу стремлениями к близости и уединению, зависимости и независимости.

Все мы время от времени устаем от большого числа окружающих нас людей и от их назойливых глаз. Обезьянья идея спрятаться от всего этого представляется нам весьма привлекательной. Впрочем, большинству из нас вполне достаточно нескольких часов одиночества, тогда как идея пожизненного монашеского отшельничества вызывает ужас. Человек является общественным животным, и обычный здоровый представитель *Homo sapiens* почитает продолжительную изоляцию суровым наказанием. Если не считать физические страдания и смерть, одиночное заключение представляет собой тяжелейшее испытание, какое только может выпасть на долю узника. Со временем он доходит до грани помешательства и начинает разговаривать с унитазом, лишь бы услышать эхо собственного голоса и хотя бы таким образом нарушить свое одиночество.

Робкий, некоммуникабельный человек, живущий в большом городе, подчас оказывается почти в такой же ситуации. Для таких людей, некогда знавших любовь родных и близких, одиночество может в скором времени стать невыносимым. Неспособные в силу своей стеснительности завести друзей, они могут в конце концов предпочесть смерть длительному отсутствию близких контактов. Эта базовая потребность в интимной близости заложена практически в каждом из нас. Такая близость порождает понимание, и все мы, за исключением монахов-отшельников, хотим, чтобы нас понимали по крайней мере несколько человек.

Речь идет о понимании не в рациональном или интеллектуальном, а в эмоциональном плане, и здесь один-единственный интимный телесный контакт делает больше, чем лавина красивых слов. Способность физических ощущений передавать эмоциональные чувства поистине поразительна. Возможно, в этом заключена как их сила, так и их слабость. Изучая последовательность интимных отношений, возникающих на протяжении всей жизни, от рождения до смерти, мы видели, что две фазы частых телесных контактов являются также двумя фазами прочных социальных связей – первая между матерью и ребенком, вторая между любовниками. Все указывает на то, что невозможно осуществлять многочисленные телесные контакты и не сформировать прочную связь с объектом этих контактов. Вероятно, именно интуитивное понимание этого и заставляет нас зачастую отказывать себе в удовольствии более свободной телесной близости. Мало сказать, что не принято, к примеру, обнимать коллег по работе. Сие не объясняет, каким образом возникла манера держаться особняком или соблюдать дистанцию. Нам придется заглянуть глубже, дабы понять, какие невероятные старания мы прилагаем для того, чтобы избежать прикосновения друг к другу в обычных повседневных ситуациях за пределами семейного круга.

Во-первых, это связано с большой перенаселенностью современных городов. Ежедневно мы сталкиваемся на улицах и в зданиях с таким числом людей, что просто не в состоянии вступить с

ними в близкие отношения, иначе работа во всех общественных организациях неизбежно прекратилась бы. Эта ситуация оказывает два противоречащих друг другу эффекта. С одной стороны, она вызывает стресс и неуверенность, а с другой – не позволяет обмениваться прикосновениями, которые снимали бы этот стресс и вызывали у людей уверенность в том, что у них все хорошо.

Во-вторых, это связано с сексом. Мы не можем позволить себе устанавливать бесчисленные социальные связи в результате интенсивных телесных контактов отнюдь не только из-за недостатка времени и энергии. Дело в том, что физическая близость между взрослыми людьми подразумевает сексуальные отношения, и почему, понять совсем нетрудно. Поскольку половой акт невозможен без физической близости, он стал в определенном смысле его синонимом. При коитусе даже самые большие «недотроги» должны вступать в телесный контакт с партнерами. При любых других обстоятельствах они могут уклоняться от такого контакта, но только не в этом случае. В Викторианскую эпоху некоторые ортодоксальные жены стремились максимально ограничить телесный контакт, надевая ночные рубашки с маленькой прорезью спереди, через которую муж вводил пенис во влагалище. Дело дошло до того, что в конце XIX столетия слово «близость» стало эвфемизмом для понятия «половой акт». Именно поэтому в XX веке взрослым людям, соприкасающимся физически как с представителями противоположного, так и своего пола, подчас было трудно избавиться от ощущения, что любой телесный контакт несет в себе сексуальный элемент.

Было бы неверно утверждать, что это абсолютно новая тенденция. Данная проблема существовала всегда, и близкие контакты между взрослыми людьми во все времена во избежание возникновения сексуального подтекста до определенного уровня ограничивались. Однако, судя по всему, в последние годы ситуация еще более усугубилась. Мы все реже бросаемся друг другу на шею от радости и все реже плачем в объятиях друг друга. Тем не менее наше базовое стремление к близким контактам сохранилось, и очень интересно наблюдать за тем, как мы решаем эту проблему в повседневной жизни за пределами лона семьи.

Собственно, решение заключается в формализации телесных контактов. Мы разделяем спонтанные близкие телесные контакты младенчества на фрагменты. Каждый фрагмент стилизуется и относится к определенной категории. Мы устанавливаем правила этикета (это слово позаимствовано из французского языка и буквально означает «установленный порядок поведения») и придерживаемся их. Технике объятия никого учить не надо. Как мы видели, это врожденное инстинктивное действие, свойственное всем приматам. Но объятие включает в себя множество элементов, и какой именно фрагмент, в какой строго стилизованной форме, в какой конкретной ситуации следует использовать, наш инстинкт не подсказывает. Животное может вести себя каким-то образом либо не вести себя никак, но человек может вести себя либо правильно, либо неправильно, и правила социального поведения довольно сложны. Однако это не означает, что нам запрещено изучать их в биологическом плане. Независимо от того, как они культурно обусловлены или каковы присущие им культурные расхождения, мы сможем лучше понять эти правила, если будем рассматривать их как элементы поведения приматов. Дело в том, что мы почти всегда имеем возможность отследить их биологическое происхождение.

Прежде чем мы приступим к изучению общей картины, позвольте привести один детальный пример, наглядно иллюстрирующий то, что я имею в виду. Речь пойдет о действии, которое не привлекало особого внимания в прошлом, а именно о похлопывании по спине. Вы можете подумать, что этот элемент поведения слишком тривиален и вообще не стоит внимания. Однако не следует пренебрегать ни одним, самым на первый взгляд незначительным жестом. Любое подергивание, почесывание, поглаживание и похлопывание способно изменить судьбу человека и даже нации. Если кто-то отчаянно нуждается в нежной ласке, а близкий человек отказывает

ему в ней, это может разрушить их отношения. Если лидер одной страны не отвечает на улыбку лидера другой страны, это может стать причиной войны. Значит, было бы неразумно пренебрежительно относиться к простому похлопыванию по спине, ведь из этих мелких действий складывается эмоциональная жизнь всех представителей рода *Homo sapiens*, и не только.

У вас когда-нибудь были тесные личные отношения с шимпанзе? Тогда вам хорошо известно, что похлопывание по спине свойственно отнюдь не только человеку. Если обезьяна рада встрече с вами, она подходит, обнимает, прижимается теплыми влажными губами к вашей шее и затем начинает ритмично похлопывать вас ладонями по спине. Это странное ощущение, поскольку, с одной стороны, данное действие является очень человеческим, а с другой – оно слегка отличается от такового. Поцелуй не совсем похож на человеческий, я бы описал его как «прижатие открытого мягкого рта», а похлопывание легче и быстрее, причем выполняется обеими ладонями, ударяющими попеременно. Тем не менее объятие, поцелуй и похлопывание у обоих видов в принципе одинаковы, и передаваемые с их помощью социальные сигналы у человека и обезьяны, похоже, идентичны друг другу. Это дает нам основание сделать вывод, что похлопывание по спине является для человека инстинктивным действием.

В первой главе я уже говорил о вероятном происхождении цепляния руками как движения намерения, которое означает: «Я прицеплюсь к тебе в случае необходимости, но в данный момент нужды в этом нет. Расслабься, все хорошо». В младенчестве нас похлопывают по спине лишь в качестве дополнения к объятию, но впоследствии это дружеское действие может производиться само по себе, без всякого объятия. Алгоритм таков: рука вытягивается в сторону собеседника, друга, просто знакомого, и с его спиной вступает в контакт только ладонь. С этой перемены начинается процесс формализации. Если видеть лишь похлопывание по спине без объятия, догадаться о его истинном происхождении невозможно. В то же самое время происходит другая перемена: зона тела, по которой производится похлопывание, расширяется. Младенца похлопывают, как правило, исключительно по спине, но более взрослого ребенка – почти по всем частям тела: по плечам, рукам, щекам, макушке, затылку, животу, ягодицам, бедрам, коленям и ногам. Расширяется и смысловое содержание этого действия. Успокоительный сигнал «все хорошо» становится поздравительным сигналом «все *очень* хорошо» или «ты хорошо постарался». Поскольку мозг, который хорошо постарался, находится внутри черепной коробки, вполне естественно, что похлопывание по голове является типичным поощрительным действием. Оно настолько прочно ассоциируется с похвалой ребенка, что впоследствии от этого жеста приходится отказываться, поскольку среди взрослых людей он приобретает оттенок снисходительности.

При переходе от ситуации «взрослый похлопывает ребенка» к ситуации «взрослый похлопывает взрослого» происходят и другие перемены. Наряду с головой табу становятся иные зоны тела. Отношение к похлопыванию по спине, плечу и руке остается тем же, но похлопывание по тыльной стороне ладони, щеке, колену или бедру приобретает легкий сексуальный оттенок, а по ягодицам – сильный. Однако ситуация ситуации рознь, и из этого правила существуют исключения. Если женщина похлопывает по тыльной стороне ладони или по бедру другую женщину, никакого сексуального намека может не быть. Возможно также, в форме комического преувеличения, похлопывание почти по любой части тела, не считающееся оскорблением. Человек, выполняющий такое действие, произносит по этому поводу шутливое замечание и одновременно треплет своего визави по голове или по щеке, как бы говоря: «Ну, ну, приятель!» Тем самым он демонстрирует, что этот контакт носит не сексуальный, а иронично-покровительственный характер и его не следует принимать всерьез. Конечно, элемент фамильярности здесь присутствует, но он не имеет ничего общего с нарушением сексуального

табу на прикосновение к определенным зонам тела определенным образом.

Дело усложняется тем, что из этого исключения существует одно интересное субисключение. Заключается оно в следующем. Взрослый человек (пусть это будет мужчина) хочет осуществить сексуальный телесный контакт с другим взрослым человеком (пусть это будет женщина). Он знает, что она отвергнет откровенный, неприкрытый контакт, поскольку это ей неприятно. Он знает, что она находит его сексуально непривлекательным, но желание прикоснуться к ней достаточно сильно, чтобы игнорировать ее негативные сигналы. Выход один – обратить все в шутку. Мужчина похлопывает женщину по колену и называет, например, смешной маленькой девчонкой. К несчастью для него, ему не удается скрыть свое вожеление, особенно те призывы, что посылает выражение его лица. Как правило, женщина разгадывает хитрость и реагирует соответствующим образом.

Наименьший сексуальный заряд среди подобных действий несет в себе похлопывание по спине. Оно сохранило свой изначальный смысл, и им обмениваются даже незнакомые люди в знак сочувствия или в качестве поздравления. Подобное происходит, к примеру, после автокатастрофы и в момент триумфа спортсмена. Когда участник дорожно-транспортного происшествия сидит в состоянии шока на обочине дороги, к нему подходит один из тех, кто помог ему выбраться из разбитого автомобиля, и задает бессмысленные вопросы вроде «Вы в порядке?», хотя совершенно очевидно, что он далеко не в порядке. Почти сразу человек осознает глупость того, о чем спросил, и прибегает к более эффективному средству утешения – телесному контакту. Наиболее вероятной формой такого контакта будет легкое похлопывание по спине. То же самое действие, только гораздо более энергичное, можно наблюдать при чествовании добившегося успеха спортсмена. Когда он, счастливый, возвращается со стадиона или со спортивной арены, болельщики, соревнуясь друг с другом, стараются как можно ближе подобраться к нему, чтобы похлопать по спине.

Мы уже прошли долгий путь от ситуации, когда мать нежно похлопывает свое крошечное дитя, но эта дорога еще не окончена, так как среди взрослых людей данное действие расширило диапазон своего применения даже за пределы тактильного контакта. Базовый тактильный сигнал в одном случае превратился в звуковой, а в другом – в визуальный. Аплодисменты, которыми благодарная публика награждает исполнителя, и махание рукой при встрече и расставании происходят от первичного жеста – похлопывания. Рассмотрим оба этих действия, вначале аплодисменты.

Меня давно удивляет широкое использование аплодисментов в качестве морального поощрения актера, музыканта и т. д. Резкие удары одной ладонью о другую представляются чуть ли не агрессивным действием, и такое же впечатление производят порождаемые ими звуки. Тем не менее для счастливого исполнителя эффект является противоположным. На протяжении столетий актеры жаждали видеть перед собой море аплодирующих рук.

Для того чтобы понять, в чем состоит притягательность аплодисментов, необходимо отыскать происхождение этого жеста в детстве. Исследования, проводимые с детьми в возрасте от шести до двенадцати месяцев, показывают, что хлопки в ладоши зачастую являются частью приветствия, адресуемого матери, когда та возвращается к ребенку после короткого отсутствия. Это действие может выполняться либо перед протягиванием рук в сторону матери, либо вместо него. Складывается впечатление, что малыш, увидев приближающуюся мать, хочет обнять ее и делает руками соответствующие движения. Но ее тело еще находится вне пределов досягаемости, и ладони младенца смыкаются в пустоте, хлопая друг о друга. На этой стадии хлопки производятся ладонями, а не запястьями, как у взрослых, когда они аплодируют.

Данное действие выполняли дети, матери которых их этому не учили. Другими словами, детские хлопки – это результат объятия пустоты вместо материнского тела. В таком случае

ритмичные аплодисменты, производимые запястьями, могут рассматриваться как своего рода похлопывания, дополняющие объятие пустоты. Аплодируя исполнителю, мы как бы похлопываем его по спине на расстоянии, поскольку не можем все разом ринуться на сцену, чтобы действительно сделать это в знак одобрения. Попробуйте аплодировать, и вы заметите, что ударяете ладонями друг о друга с разной силой. Одна из них словно играет роль спины исполнителя, а другая энергично похлопывает по ней. На самом деле двигаются обе ладони, но одна значительно энергичнее, чем другая. У девяти человек из десяти правая ладонь, которая обращена вниз, похлопывает левую, раскрытую вверх, и виртуально являющуюся спиной.

Время от времени даже в мире взрослых можно наблюдать проявления связи между первичным объятием и аплодисментами. Когда первый советский космонавт, триумфально вернувшийся в Москву, стоял на трибуне мавзолея на Красной площади среди руководителей СССР, его приветствовали толпы людей, которые, проходя мимо, протягивали к нему руки и аплодировали. На кинолентке, где запечатлено это событие, отчетливо видно, как один человек, которого переполняют эмоции, периодически прерывает аплодисменты, чтобы объять пустоту. Когда сила эмоций преодолевает подобным образом формализацию того или иного действия, мы имеем красноречивое доказательство его происхождения.

Россия демонстрирует нам еще одну интересную вариацию аплодисментов. В этой стране исполнители обычно аплодируют публике, а публика аплодирует им. Это вовсе не означает, как цинично полагают некоторые, будто русские артисты до такой степени страдают нарциссизмом, что аплодируют собственному мастерству. Они просто возвращают публике формализованное объятие. На Западе подобное не практикуется, хотя и здесь иногда можно увидеть широко распростертые руки исполнителя, ожидающего аплодисментов в конце выступления. Особенно часто к этому жесту прибегают цирковые артисты. В конце сложного номера они поворачиваются лицом к зрителям, принимают горделивую позу и широко разводят руки в стороны. Публика немедленно начинает аплодировать. Этот жест являет собой пример движения намерения. Распростертые руки готовы заключить зрителей в объятия, но не смыкаются в пустоте. Некоторые артисты кабаре, специализирующиеся на эмоциональных песнях, делают это во время выступления, стараясь пробудить у публики чувство сопереживания.

Хлопки ладонями иногда используются для вызова слуги, а в гареме они служили сигналом того, что пора привести танцовщицу. В таких случаях хлопки представляют собой не обычное быстрое, ритмичное, повторяющееся действие, а один или два сильных удара ладоней друг о друга. Это больше похоже на хлопки младенца, радующегося появлению матери. Послание тоже сходно. Ребенок призывает мать подойти ближе, и то же самое требуется от слуги.

Я уже говорил о том, что базовый тактильный сигнал расширился до звукового, который мы рассматриваем, и визуального в форме махания руками. Подобно хлопкам, махание обычно воспринимается как само собой разумеющееся, но и это действие тоже имеет некоторые неожиданные элементы и вполне достойно анализа.

Люди машут руками в знак приветствия или прощания, поскольку на расстоянии они так более заметны. Но дело не только в этом. Если вы понаблюдаете за теми, кому действительно очень нужно, чтобы их заметили, например, когда кто-то ловит такси или пытается привлечь внимание человека в толпе, который пока не видит его, то заметите, что они машут руками не в обычной, традиционной манере. Они поднимают одну руку вертикально вверх и покачивают ею из стороны в сторону движением от плеча. В еще более острой ситуации они поднимают обе руки и покачивают ими одновременно. Это действие максимально заметно на расстоянии. Люди не машут друг другу руками подобным образом, когда между ними есть зрительный контакт. Прощаясь с кем-то или приветствуя кого-то, кто уже находится в пределах видимости, мы обычно машем не всей поднятой рукой, а кистью и делаем это одним из трех способов. Первый

предусматривает движение кисти вверх и вниз. Когда кисть поднята, ладонь направлена вперед, а когда опущена, вниз. И здесь опять прослеживается вездесущее похлопывание. Приветствующая рука вытягивается вперед, чтобы обнять и похлопать, но, как и в случае с аплодисментами, расстояние вынуждает нас выполнять действие в пустоте. Различие заключается в том, что как и при аплодировании, дистанционное действие объятия и похлопывания дополняется звуковым сигналом, а в данном случае – визуальным. Рука поднимается вверх вместо того, чтобы вытягиваться вперед, как это происходит при реальном объятии, поскольку так действие заметнее. Что касается всего остального, разница между данными жестами невелика.

Вторая форма махания рукой обнаруживает дальнейшее видоизменение в сторону визуальности. Кисть вместо того, чтобы подниматься и опускаться, покачивается из стороны в сторону, при этом ладонь обращена вперед. Скорость движения примерно такая же, но это действие отстоит на шаг дальше от первичного похлопывания. Знаменательно то, что данная форма махания чаще используется взрослыми, нежели детьми, которые предпочитают изначальную версию движения кисти вверх и вниз.

Третий тип махания рукой большинству западных читателей неизвестен. Сам я видел его только в Италии, но он также практикуется в Испании, Китае, Индии, Пакистане, Бирме, Малайзии, Нигерии, странах Восточной Африки и среди цыган. (Весьма любопытное географическое распределение, которому я пока не могу найти объяснение.) Это действие напоминает жест подзывания, но стоит лишь увидеть, как его выполняют при прощании, и все сразу становится ясно. Как и первая форма, это действие поднимания и опускания, но в данном случае направленная вверх ладонь располагается горизонтально (как у человека, просящего что-либо) и производит движения вверх, в сторону тела своего обладателя. И опять по происхождению это движение похлопывания: при реальном похлопывании по спине часто можно наблюдать, как кисть принимает это положение – пальцы направлены вверх вдоль спины, в то время как локоть обнимающей руки опущен.

О данном типе махания есть две специализированные версии. Это приветственные жесты папы римского и английской королевы. В обоих случаях по неизвестной причине движения выполняются не от плеча, как при максимально заметном махании, и не от запястья, как при обычном поглаживании-махании, а от локтя. Папа обычно использует обе руки одновременно. Он медленно и ритмично подносит направленные вверх ладони к себе, выполняя серию движений намерения объятия. Но не все так просто, как может показаться, ибо руки понтифика не сгибаются непосредственно к груди. Их движения направлены частично к его телу, частично вверх, словно он намеревается прижать толпу людей и к себе, и к небесам, где, как предполагается, все они в свое время окажутся.

Королева Британии тоже машет от локтя, но только одной рукой, и пальцы ее направлены вертикально вверх. Ладонь обращена к телу монаршей особы, что подчеркивает обнимающий характер действия, предплечье медленно и ритмично вращается, а акцент делается на внутренней части вращательного движения. Подобным образом королева в стилизованной манере обнимает своих подданных и утешает их в печалях, виртуально похлопывая по спине.

Как и в случае с аплодисментами, иногда можно наблюдать, как под напором эмоций обнажается истинная природа формального действия махания. Приведу весьма наглядный пример. В маленьком аэропорту, где я проводил наблюдения за поведением людей, есть балкон, с которого встречающие могут видеть, как только что прилетевшие пассажиры спускаются по трапу самолета и идут к посту таможенного контроля. Он находится прямо под балконом, и хотя вновь прибывшие не могут прикоснуться к встречающим, которые машут им сверху, они проходят вблизи от них, прежде чем скрыться в здании аэропорта. Таковы декорации, а действие

разворачивается следующим образом. Когда двери самолета открываются и прилетевшие начинают спускаться по трапу, и они, и встречающие отыскивают друг друга глазами. Если вновь прибывший заметит встречающих прежде, чем те увидят его, или наоборот, он или они начинают энергично махать рукой от плеча в максимально заметной манере. Вот установился обоюдный зрительный контакт, и руками машут уже обе стороны. Какое-то время это продолжается, но путь до здания аэропорта неблизок, и в конце концов они обычно опускают руки. Радостные порывы ненадолго угасают (человеку, которого фотографируют, тоже трудно долго сохранять на лице улыбку), но людям не хочется казаться неприветливыми, поэтому у них неожиданно пробуждается интерес к другим объектам. Вновь прибывший изучает ландшафт летного поля или наклоняется, чтобы поднять сумку, непонятно как выскользнувшую из его руки. Встречающие обмениваются комментариями по поводу внешнего вида того, кого они ждут. Когда он подходит ближе и черты его лица легко различимы, обе стороны вновь начинают энергично махать руками и улыбаться, пока прилетевший не скроется в здании аэропорта. Спустя полчаса, когда пройден таможенный контроль и получен багаж, наступает пора первых телесных контактов – рукопожатий, объятий, похлопываний по спине, поцелуев.

Таков базовый сценарий. Разумеется, от него существует множество мелких отклонений, а в одном случае отклонение было впечатляющим и весьма красноречивым. Мужчина возвращался домой после длительного пребывания за границей. Стоило ему ступить на трап, как он и встречающие – члены его семьи – начали неистово махать друг другу руками. Подойдя к зданию аэропорта и увидев родных поближе, он счел, что в эмоциональном плане махания рукой недостаточно. Человек говорил слова любви, неслышимые близким, на глаза у него навернулись слезы, а руками он пытался выразить всю полноту обуревавших его чувств. В этот момент я увидел, что характер движений его рук претерпел определенные изменения. Обычное махание прекратилось, и на смену ему пришли движения, имитирующие похлопывание по спине. Теперь его рука была вытянута в сторону домочадцев, а не поднята вверх, что уменьшало ее визуально и делало менее заметной. Кисть повернулась в сторону и совершала энергичные быстрые поглаживающие движения в пустоте. Охватившие мужчину эмоции были столь сильны, что все вторичные условные видоизменения первичного действия объятия и поглаживания, которые помогают улучшить восприятие сигнала на расстоянии, делая его более отчетливо видимым, были отброшены под наплывом чувств, и на первый план вышло первичное поведение.

Эмоциональная глубина этой встречи подтверждалась тактильными приветственными контактами, следовавшими после того, как семья воссоединилась. Едва мужчина появился в зале, все 14 родственников принялись обнимать, тискать, целовать его и похлопывать по спине с таким энтузиазмом, что, когда страсти улеглись, он был в буквальном смысле слова эмоционально опустошен. Его лицо заливали слезы, а тело сотрясала крупная дрожь. В какой-то момент одна женщина, судя по всему его мать, не удовлетворившись объятиями, стала мять его щеки, словно это было тесто. Мужчина держал ее в объятиях и энергично похлопывал по спине. Однако после десятого страстного приветствия эмоциональный накал ситуации, похоже, начал сказываться на нем. Характер его движений при похлопывании существенно изменился. Условность снова была под наплывом чувств утрачена, и обнажилось происхождение формализованного действия. Если до этого махание рукой уступило место более ранней форме похлопывания пустоты, то на сей раз оно вернулось еще на один шаг ближе к своему первоначальному источнику. Похлопывание сменилось быстрыми повторяющимися действиями цепляния – последовательным сжиманием и разжиманием кисти. Это, вне всякого сомнения, было первоначальное движение намерения цепляния – то самое наследственное, от которого в результате специализации произошли остальные сигналы: тактильный – похлопывания, звуковой – аплодисментов и визуальный – махания. Это и есть пути преобразования так называемых

тривиальных действий человеческих интимных отношений.

Рассматривая все направления развития этого контакта, я пытался показать, каким образом можно увидеть хорошо знакомые действия в новом свете. Потребность взрослых людей в телесных контактах друг с другом очень велика и носит базовый характер, но она, как правило, проявляется во фрагментированных, видоизмененных или закамуфлированных формах в знаках, жестах и сигналах, которыми мы обмениваемся в повседневной жизни. Очень часто истинный смысл действий скрыт от нас, и мы вынуждены отслеживать их происхождение, дабы понять, что они означают. В приведенных выше примерах действие первичного контакта зачастую осуществлялось на расстоянии, но существует множество способов, с помощью которых мы все же имеем возможность вступать в реальный телесный контакт друг с другом, и очень интересно наблюдать за тем, какие формы он принимает. При этом будет полезно ненадолго вернуться к первичному объятию. Сегодня нечасто можно увидеть, как взрослые люди обнимаются на публике, но время от времени такое случается, и имеет смысл изучить эти ситуации.

Полное объятие. Если мы понаблюдаем за различными ситуациями с полным объятием взрослых людей, очень скоро нам станет ясно, что они делятся на три разные категории. Самая распространенная, как и можно было ожидать, – тесный контакт между влюбленными. Сегодня на ее долю приходится около двух третей всех публичных объятий. Оставшаяся треть делится на две категории, которые можно назвать «воссоединение родственников» и «триумф спортсмена».

Молодые любовники обнимаются на публике не только при встрече и расставании, а вот у более зрелых супругов подобное наблюдается редко, за исключением случаев, когда один из них на время уезжает или возвращается после разлуки. В другие моменты публичные телесные контакты, если они вообще случаются, ограничиваются символическими прикосновениями.

Между взрослыми родственниками, такими как братья и сестры или родители и выросшие дети, полное объятие происходит еще реже. Оно характерно для драматических ситуаций, когда, например, кто-то избежал гибели во время природной катастрофы либо попал в заложники и был освобожден. В этом случае наверняка последует «воссоединение родственников», а может быть, человека будут обнимать даже близкие друзья обоего пола, которые обычно обмениваются с ним рукопожатиями или символическими поцелуями в щеку. Эмоциональный накал подобной ситуации таков, что страстное объятие между двумя мужчинами, двумя женщинами или состоящими в дружеских отношениях мужчиной и женщиной не считается нарушением сексуальных норм. При менее высоком эмоциональном фоне такие объятия могли бы выглядеть несколько странными, но при накале страстей о табу забывают. В моменты триумфа или супердраматических событий наши культурные нормы позволяют обниматься и целоваться даже двум взрослым мужчинам. Но если бы они при менее напряженных обстоятельствах осуществили всего лишь фрагмент полного объятия – взяли за руки или прижались щеками друг к другу, то неизбежно произвели бы впечатление гомосексуальной пары.

Это различие существенно и требует объяснения. Оно демонстрирует, каким образом базовые телесные контакты фрагментируются и формализуются. Начнем с того, что полное объятие естественно между кем-то из родителей и ребенком и, следовательно, между родителем и повзрослевшим ребенком, хотя последнее происходит реже. Среди взрослых оно обычно для любовников и партнеров. В других случаях взрослые, испытывающие по той или иной причине потребность обнять друг друга, должны каким-то образом продемонстрировать отсутствие в своем контакте сексуального элемента. Для этого они используют какой-нибудь формализованный фрагмент полного объятия, который, по общему признанию, не имеет эротической подоплеки. Например, один мужчина может обнять другого за плечо, не подвергаясь риску быть заподозренным в гомосексуальных наклонностях как партнером по контакту, так и окружающими. Однако, если бы он осуществил другой фрагмент, скажем,

поцеловал мужчину в ухо, это немедленно вызвало бы ассоциации такого рода.

Ситуация меняется коренным образом, когда двое мужчин сжимают друг друга в объятиях и целуются в момент триумфа, трагедии или воссоединения, которого могло уже не быть. Здесь не может быть места сексуальной интерпретации, поскольку совершенно очевидно, что это действие носит не формализованный, а базовый характер. Окружающие понимают, что сильный эмоциональный накал ситуации побуждает пренебречь условностями. Они интуитивно осознают, что это возврат к первичному, досексуальному объятию младенчества, освобожденному от слоев последующей, взрослой стилизации, и воспринимают этот контакт как совершенно естественный. В самом деле, если два гомосексуалиста захотят осуществить телесный контакт на публике, не вызывая обычной в таких случаях враждебной реакции со стороны гетеросексуального окружения, они скорее заключат друг друга в объятия, нежели обменяются страстными поцелуями.

Изучая различные формальные фрагменты базового объятия, мы сможем понять, как в силу условностей они оказались в разных категориях, вследствие чего каждый из них посылает вполне определенный сигнал о характере отношений между «контактерами».

Но прежде чем приступить к этому изучению, рассмотрим последнюю, третью, категорию полного объятия, а именно триумф спортсмена. Объятие двух мужчин после страшной техногенной или природной катастрофы нам известно уже давно, а вот крепкое объятие футболистов после забитого гола – сравнительно новое явление. Как случилось, что эта ситуация вдруг возвысилась до уровня сильного эмоционального переживания? Чтобы понять сие, нужно вернуться на несколько веков назад.

Двумя тысячами лет ранее, когда наша планета была заселена еще не так плотно и отношения между членами общества определялись более четко, полное объятие являло собой обычную форму приветствия между равными. Объятие с поцелуем повсеместно практиковалось между мужчиной и мужчиной, женщиной и женщиной и мужчиной и женщиной, не состоящими в любовных отношениях. В древней Персии у мужчин, имеющих одинаковый статус, было принято целоваться в губы, тогда как поцелуями в щеку они обменивались с занимающими чуть более низкое положение. Однако в других регионах между равными был принят поцелуй в щеку. Эта традиция сохранялась в течение многих столетий, и ее можно было наблюдать еще в средневековой Англии, где мужественные рыцари обнимали и целовали друг друга при встрече, тогда когда их потомки обмениваются кивками и рукопожатиями.

В конце XVII века ситуация в Англии начала меняться, и несексуальное приветственное объятие быстро вышло из обихода. Эта тенденция возникла в городах и медленно распространилась по стране: численность населения там возрастала, и личные отношения людей становились все более сложными. В XIX веке появились новые ограничения. Отныне даже церемонные поклоны и реверансы, пережившие XVIII столетие, утратили свою роль в повседневной жизни и использовались только во время официальных мероприятий. В 30-е годы XIX века в обиход вошло рукопожатие – минимальный телесный контакт, – которое практикуется до сих пор.

Подобные тенденции имели место и в других регионах, но не всегда в тех же масштабах. В латиноамериканских государствах телесные контакты ограничивались в гораздо меньшей степени, чем на туманном Альбионе, и даже в XX веке дружеские объятия между взрослыми мужчинами оставались там вполне приемлемыми. А теперь вспомним «футбольное объятие». Футбол, зародившийся в Англии, в прошлом столетии быстро распространился почти по всему миру, особую популярность приобрел в Южной Америке. Когда команды с этого континента посещали Англию, страстные объятия их игроков после забитых голов поначалу вызывали недоумение и насмешки, но их великолепная игра в скором времени изменила ситуацию. С

годами похвала британских футболистов («Хорошо сделано, старик!») стала казаться чуть ли не скупой. Похлопывание по спине уступило место легким объятиям, а легкие объятия – страстным, и современные зрители уже привыкли наблюдать, как забившего мяч игрока энергично тискают ликующие товарищи по команде.

Здесь, совершив полный круг, мы возвращаемся к средневековым рыцарям и обычаям еще дальше отстоящего от нас античного мира. Остается выяснить, не распространится ли эта тенденция на другие сферы жизни. Такое вполне возможно, но нам не следует забывать об одном ограничении. Обнимающиеся на футбольном поле игроки находятся в откровенно несексуальной ситуации. Их роли четко определены, и их физическая мужественность демонстрируется жесткостью игры, в которую они играют. В социальной сфере, где роли определены не столь четко, ситуация иная, и традиционные ограничения нашего сложного общества будут, по всей вероятности, действовать еще долго. Исключения возможны только там, где выражение сильных эмоций является неотъемлемым компонентом, например, в актерской среде. Если кому-то объятия актеров и актрис за пределами сцены и киноэкрана представляются чем-то излишним и неуместным, следует помнить не только о том, что этих людей учили демонстрировать страсти без всяких усилий, но и о том, что в силу специфики своей профессии они очень часто испытывают эмоциональный стресс и поэтому нуждаются во взаимном утешении.

Оставим полное объятие и приступим к рассмотрению его менее экспансивных форм. До сих пор мы имели дело с максимальным фронтальным объятием, когда два партнера соприкасаются щеками и висками, а их руки крепко обнимают тела друг друга. Когда данное действие выполняется менее эмоционально, оно отличается от полного объятия по трем основным пунктам. Партнеры могут соприкасаться боками, а не стоять друг перед другом; тело партнера может обнимать только одна рука; головы обнимающихся обычно не соприкасаются. По моим данным, на публике среди взрослых людей частичное объятие такого типа встречается в шесть раз чаще, чем полное. Эта и другие подобные количественные оценки основаны на личных наблюдениях, подкрепленных детальным анализом 10 тысяч фотографий, выбранных наугад из множества современных журналов и газет.

Объятие за плечо. Наиболее распространенная форма частичного объятия – объятие за плечо, когда один партнер обнимает другого таким образом, что ладонь покоится на его дальнем плече. Оно встречается в два раза чаще, чем любая другая форма частичного объятия.

Первое различие, бросающееся в глаза при его сравнении с полным фронтальным объятием, состоит в том, что это преимущественно мужское действие. Если в полном объятии мужчина и женщина принимают более или менее равное участие, объятие за плечо мужчина выполняет в пять раз чаще, чем женщина. Причина проста: представители сильного пола выше ростом. Вследствие этого анатомического различия некоторые телесные контакты мужчинам осуществлять легче, чем женщинам, и объятие за плечо относится к такой категории.

Данный факт придает объятию за плечо особое качество. Поскольку в отношениях между мужчиной и женщиной его почти всегда выполняет мужчина, это означает, что в нем нет ничего женственного. Сие, в свою очередь, значит, что мужчины могут прибегать к нему в общении между собой, в качестве знака дружеского расположения, который не имеет никакого сексуального оттенка. Действительно примерно одно из четырех объятий за плечо происходит между мужчинами, и это единственная форма объятия, которая нередко встречается в чисто мужской компании. В плане использования его отличие от полного объятия разительно. К полному объятию мужчины могут прибегать только в особо драматичные моменты, связанные с высоким эмоциональным напряжением, а к объятию за плечо – в совершенно обыденных ситуациях.

Это правило не действует в отношении других типов частичного объятия, таких как объятие за талию. Поскольку представителям обоего пола выполнять его одинаково легко и рука при этом контакте располагается ближе к зоне гениталий, оно редко наблюдается между мужчинами.

Если мы перейдем от частичных объятий к фрагментам полного действия, то обнаружим примерно такие же различия. Одни составляющие объятия носят несексуальный характер и могут свободно использоваться мужчинами в общении друг с другом, в то время как другие имеют эротический оттенок и практикуются главным образом между любовниками.

Возложение руки на плечо. Когда один партнер кладет руку на плечо другого, это обычное действие, не являющееся объятием. Речь идет о простом сокращении объятия за плечо, которое используется в тех же ситуациях. Будучи чуть менее интимным, это действие еще больше распространено среди мужчин: они прибегают к нему в три раза чаще, чем женщины.

Сцепление рук. Это действие в 12 раз популярнее у женщин, чем у мужчин, которые предпочитают брать под руку представительниц противоположного пола, а не представителя своего. Дело в том, что в основе жест является женским. Когда это действие выполняется между мужчиной и женщиной, дама берет под руку кавалера в пять раз чаще. Такая ситуация полностью противоположна по отношению к ситуации с объятием за плечо, и, следовательно, если данное действие выполняется между представителями одного пола, оно имеет женственный оттенок. Ввиду этого неудивительно, что женщины практикуют его между собой чаще, чем мужчины.

Представители сильного пола берут друг друга под руку в двух случаях: если они являются латиноамериканцами, у которых культурные нормы предусматривают сравнительно большую свободу в отношении телесных контактов или если один из них старик, нуждающийся в физической поддержке.

Сцепление ладоней. Продолжая анатомически отдаляться от полного объятия через объятие за плечо, возложение руки на плечо и сцепление рук, мы наконец приходим к сцеплению ладоней (не путать с рукопожатием, о котором речь пойдет отдельно!). Хотя это более отдаленная форма контакта по сравнению с тремя предыдущими, при которой тела партнеров обычно не соприкасаются, она имеет с полным объятием кое-что общее, чего нет у других форм. Это взаимное действие. Я могу, к примеру, положить руку на ваше плечо, и вам при этом ничего не нужно будет делать, но если я возьму вашу ладонь в свою, то вы тоже будете держать мою ладонь в своей. Поскольку это часто случается между женщиной и женщиной и поскольку они делают это *оба*, данное действие носит ни мужской, ни женский, а скорее гетеросексуальный характер. В самом деле сцепление ладоней представляет собой полное объятие в миниатюре, и неудивительно, что сегодня на публике двое мужчин делают это крайне редко.

Однако так было не всегда. Во времена, когда у мужчин полное объятие практиковалось свободно, они могли держаться за руки в знак дружбы, не носящей сексуальный характер. Например, при встрече двух средневековых монархов, согласно летописи, «король Франции вел за руку короля Англии в свой шатер; следовавшие за ними четыре герцога тоже держались за руки». Со временем этот обычай вышел из обихода, и за руки стали «водить» друг друга только представители разного пола. В наши дни это действие видоизменилось в двух направлениях. В формальных случаях, когда, к примеру, мужчина сопровождает женщину на банкет или ведет по проходу между скамьями в церкви, он держит ее под руку. В более непринужденной обстановке они обычно просто держатся за руки.

Несмотря на эту общую тенденцию, в современном мире существуют особые ситуации, когда мужчины все же держатся за руки, например, актеры так выходят на аплодисменты, а группа людей исполняет гимн сообщества, к которому они принадлежат. Впрочем, даже при

этом они стараются встать так, чтобы каждый держался за руки с лицом противоположного пола, и только в крайних случаях, когда такой порядок физически невозможно соблюсти, он нарушается. Правда, уже сам факт наличия группы устраняет потенциальный сексуальный оттенок этого действия.

Еще одна стилизованная версия сцепления мужских ладоней возможна, когда один представитель сильного пола берет руку другого и поднимает ее вверх в знак победы. Хотя это действие происходит из мира бокса, сегодня его можно часто наблюдать среди политиков, поздравляющих коллег с одержанной победой. Оно приемлемо в этой ситуации в силу первичного агрессивного характера жеста поднятия руки. В своей более ранней форме, до того как оно стало сопровождаться сцеплением ладоней, это движение, вне всякого сомнения, было символом одержанной победы, свидетельствовавшим о том, что воин все еще способен нанести удар, тогда как его соперник сделать это уже не может. Это движение намерения нанесения удара сверху и тот же самый жест приняли в качестве своего знака приветствия коммунисты. Результаты исследования конфликтного поведения детей показали, что удар рукой сверху вниз является базовым боевым приемом, присущим человеку, и не требует обучения. Ввиду этого кажется любопытным факт, что современный боксер все еще использует движение намерения данного действия в качестве победного жеста, хотя в реальной схватке он применяет не его, а стилизованные «неестественные» фронтальные удары. Небезынтересно также отметить, что в неформальной драке, какие случаются во время уличных беспорядков, и полицейские, и хулиганы прибегают главным образом к более примитивной форме удара сверху.

Вернемся к мужчинам, держащимся за руки на публике. Существует еще одна определенная ситуация, когда это возможно. Речь идет о поведении священников, особенно высших иерархов католической церкви. Папу, к примеру, часто можно видеть рука об руку со своими последователями, как мужчинами, так и женщинами, и это служит наглядной иллюстрацией того, как хорошо известная публичная фигура может выйти за рамки условностей. Образ папы изначально лишен сексуальности, поэтому понтифик может выполнять в отношении совершенно незнакомых ему людей различные фрагментарные интимные действия – те, которые не могли бы себе позволить обыватели. Кто еще, к примеру, мог бы потрепать красивую девушку по щеке и не навлечь на себя при этом подозрения в сексуальных намерениях? Фактически папа ведет себя как «святой отец» – именно так обращаются к католическим священникам, – и может вступать в близкие телесные контакты со взрослыми незнакомцами, что реальный отец делал бы со своими реальными детьми. Принимая на себя роль суперотца, понтифик может пренебречь ограничениями на телесные контакты, которые должны соблюдать остальные, и вернуться к более естественным и изначальным близким отношениям, существующим между родителями и детьми. Если он все же кажется более сдержанным со своими последователями, нежели реальный отец с детьми, это связано не с ограничениями сексуального характера, а с необходимостью сохранять силы для управления семьей, состоящей из 500 миллионов чад.

До сих пор мы отдалялись от полного объятия, так сказать продвигаясь через плечи вниз, к предплечьям и далее к кистям, и в этом направлении уже не можем следовать дальше. Выясним, какие еще части тела входят в контакт друг с другом при полном объятии, и посмотрим, существуют ли и там источники полезных фрагментов, которые могли бы использоваться в повседневном общении.

Плотное соприкосновение туловищ и ног при полном объятии, судя по всему, таковым не станет, и причина этого очевидна. В результате такого контакта слишком сильно сближаются запретные зоны гениталий. Однако существует еще одна важная контактная зона, принимающая участие в полном объятии, а именно голова. Обуреваемые сильными эмоциями, партнеры соприкасаются щеками и висками, целуют головы друг друга, гладят их, и из этих действий

развились три важных фрагмента, широко используемых в повседневной жизни, – контакт головы с головой, контакт руки с головой и поцелуй.

Контакты с головой. Такие действия, как прикосновение к голове партнера рукой и соприкосновение головами, свойственны главным образом молодым любовникам. Между ними первое действие случается в четыре раза, а второе в два раза чаще, чем между более зрелыми партнерами, состоящими в браке, тогда как последние чаще обнимают друг друга за плечи.

Мужчины редко прибегают к взаимным контактам с головой. Если один представитель сильного пола прикасается рукой к голове другого, обычно это происходит в одном из трех случаев: оказание первой помощи, благословление или нанесение удара. Когда мужчина (или женщина) видит жертву несчастного случая, он получает сильные детские сигналы, посылаемые беспомощным человеком. Они никого не могут оставить равнодушным. В теленовостях и на газетных снимках часто можно увидеть, как кто-то поддерживает голову пострадавшего. С точки зрения медицины эффективность такой меры весьма сомнительна, но логика эскулапов в данном случае не действует. В большинстве случаев это не попытка оказания квалифицированной помощи, а инстинкт, связанный с родительской заботой о беспомощном ребенке. Человеку, не имеющему специальной подготовки, трудно оценить степень серьезности телесных повреждений жертвы аварии или несчастного случая и определить, в какой именно помощи пострадавший нуждается. Он инстинктивно приподнимает голову бедолаги и удерживает ее в этом положении, не думая о том, что тем самым может причинить еще больший вред. Мало кто будет в состоянии стоять рядом и хладнокровно размышлять, какие меры следует предпринять. Побуждение осуществить успокаивающий телесный контакт слишком сильно, но необходимо учитывать то, что это чревато непоправимыми последствиями. Маленьким мальчиком я видел, не понимая сути происходящего, как человек умер в результате подобной «помощи». Заботливые люди на руках перенесли попавшего в аварию в автомобиль, чтобы отвезти в больницу. Этот акт милосердия стоил ему жизни: во время такой транспортировки сломанные ребра проткнули легкие. Если бы его «бессердечно» оставили лежать на обочине шоссе до прибытия машины «Скорой помощи», в которой есть носилки, он мог бы выжить. Таково стремление осуществить телесный контакт с человеком, попавшим в беду, и оно не знает половых различий.

Возложение на голову руки епископа во время рукоположения в чин или конфирмации тоже лишено какого бы то ни было сексуального значения. Здесь опять прослеживается имитация отношений между кем-то из родителей и ребенком.

Агрессивный контакт руки одного мужчины с головой другого не требует особых комментариев, но представляет собой возможный источник близких отношений между представителями сильного пола. Если один мужчина испытывает побуждение прикоснуться из дружеских чувств к голове другого, но не решается сделать это из опасения быть заподозренным в чем-то предосудительном, он может прибегнуть к шутливому нападению. Вместо того чтобы погладить своего друга по голове, что имело бы явный эротический оттенок, он замахивается на него или хватает за шею, делая вид, что душит. Как шутливая борьба помогает родителю продлить период близких телесных контактов со своими подрастающими детьми, так и подобные нападения «понарошку» дают друзьям возможность сохранять близкие отношения, не утрачивая при этом мужественности.

Поцелуй. Мы подошли к последней из важных производных изначального объятия – поцелую, который имеет увлекательную и сложную историю. Если вы полагаете, что поцелуй представляет собой довольно простое действие, задумайтесь на минуту, насколько он в действительности многообразен. Вы целуете любимого человека в губы, старого друга противоположного пола в щеку, младенца в макушку; если ребенок поранит палец, вы целуете

рану, чтобы она «быстрее заживала»; готовясь встретиться с опасностью, вы целуете талисман; если вы игрок, то целуете игральные кости, прежде чем бросить их; если вы жених на свадьбе, то целуете невесту; если вы религиозны, то целуете перстень на руке епископа в знак почтения или Библию, принося присягу; если вы прощаетесь с кем-то и он уже находится вне пределов досягаемости, вы целуете свою руку и машете ею. Нет, поцелуй отнюдь не такое простое действие, как кажется на первый взгляд, и, чтобы понять его сущность, необходимо вновь повернуть стрелки часов истории назад.

Самыми чувствительными зонами человеческого тела являются кончики пальцев, клитор, головка пениса, язык и губы. Неудивительно, что губы часто используются в интимных телесных контактах. Вначале они сосут материнскую грудь, в результате чего не только получают молоко, но и испытывают приятные ощущения. Это доказано в ходе изучения поведения детей с аномалиями в развитии пищевода, которых приходится выкармливать парентерально. Когда им давали пустышку, они успокаивались и переставали плакать. Поскольку эти младенцы никогда не получали пищу естественным путем, удовольствие от ощущения во рту соски не могло быть связано с удовольствием сытости. Следовательно, дело, собственно, в соске. Таким образом, соприкосновение губ с чем-либо мягким является изначальным контактом, играющим важную роль.

По мере того как ребенок растет, между ним и матерью возникает контакт головы с головой. Младенец ощущает прикосновение ее губ к своей коже и своих губ к ее. Нетрудно понять, как этот ранний контакт трансформировался в акт дружеского приветствия. Обычно мать держит малыша таким образом, что если он к ней тянется, то касается губами ее щеки или виска. Как я уже говорил, в прежние времена, когда между однополыми взрослыми людьми полное объятие практиковалось более свободно, поцелуй в щеку служил обычной формой контакта между равными. Это был в определенном смысле первобытный приветственный поцелуй, позаимствованный из детства и не претерпевший больших изменений. Он существовал на протяжении столетий и дожил до сегодняшнего дня. В нашей культуре разнополые друзья и родственники целуются при встрече и расставании, и эти поцелуи не имеют никакого сексуального значения. То же самое относится к поцелуям между взрослыми женщинами. Что касается взрослых мужчин, ситуация в разных странах разная. Например, во Франции они целуются значительно чаще, чем в Англии.

Эволюция поцелуя в губы происходила в ином направлении. В разные исторические периоды и в разных местах он практиковался в определенной степени в качестве несексуального приветствия между приятелями, но такой контакт считался слишком интимным даже для близких друзей и со временем все больше и больше ограничивался сферой отношений любовников и партнеров.

Поскольку женские молочные железы являются признаком половой принадлежности и одновременно органом выкармливания потомства, лобзания их мужчиной носит откровенно сексуальный характер, несмотря на сходство с процедурой сосания молока младенцем. Разумеется, то же самое относится и к поцелую в зоне гениталий, а также к стимуляции эрогенных зон, в первую очередь бедер и ушей. Тем не менее некоторые части тела формально предназначаются для несексуального поцелуя особого рода, который можно назвать подчиненным или почтительным. Он в корне отличается как от дружеского, так и от сексуального поцелуя, и, чтобы понять его сущность, нужно выяснить, каким образом подчиненное лицо предстает перед доминантным.

Из результатов исследований поведения животных хорошо известно, что для того, чтобы умиротворить разъяренное доминантное животное, нужно казаться меньшим по размерам, чем вы есть на самом деле, и, соответственно, менее опасным для него. Если вы менее опасны для

него, значит, вероятность того, что оно будет рассматривать вас в качестве угрозы своему превосходству, минимальна. Доминантное животное просто проигнорирует вас, поскольку вы ниже, чем оно, как в метафорическом, так и в буквальном смысле слова. И если вы являетесь более слабой особью, это как раз то, что вам нужно (по крайней мере, в данный момент). Именно в связи с этим мы наблюдаем в поведении многих видов животных припадание к земле, съезживание, втягивание головы, опущенный взгляд и прочие типы пресмыкательства.

То же самое относится и к человеку. При отсутствии формальностей пресмыкательство имеет у нас тот же вид, что и у животных, но во многих ситуациях подчиненное лицо использует его стилизованные формы, которые варьируют в широких пределах от региона к региону и от эпохи к эпохе. Сие вовсе не препятствует тому, чтобы эти формы можно было проанализировать с биологической точки зрения, ибо все они без исключения проявляют врожденные черты, явно роднящие их с подчиненным поведением других видов животных.

Крайняя форма пресмыкательства у людей – простираание ниц, когда человек лежит на земле лицом вниз. Ниже этого положения просто некуда опуститься, если только зарыться в землю. Доминантное лицо может усилить эффект (что часто и происходило), взойдя на возвышение или сев на высокий трон. Этот акт изъявления абсолютной покорности был широко распространен в древних царствах, и его совершали пленные по отношению к тому, кто их пленил, рабы по отношению к хозяину и слуги по отношению к господину. Между распростертым и строго вертикальным положениями тела заключен целый ряд формализованных действий и поз, и мы проведем их краткий обзор в порядке возвышения.

За простираанием ниц следует поклон, бытовавший на Востоке, при котором человек становился на колени и кланялся, касаясь лбом земли. Далее идет коленопреклонение без поклона. Это действие тоже широко практиковалось в древнем мире, но к эпохе Средних веков его сменило преклонение одного колена. В те времена считалось, что полное коленопреклонение мужчина должен приберечь исключительно для Бога, который тогда почитался все-таки больше земных правителей. Сегодня коленопреклонение перед мужчиной можно наблюдать очень редко (исключением является ситуация, когда отдают почести королевским особам), но верующие не изменили древней традиции, и Господь сохраняет свой доминантный статус намного успешнее, нежели современные земные владыки.

Поднимаясь еще выше, мы доходим до реверанса. Это не что иное, как движение намерения преклонения колена. При реверансе одна нога слегка отставляется назад, как будто ее колено собирается опуститься и коснуться земли, а затем сгибаются оба колена, но отнюдь не до земли. Корпус при этом остается прямым. Вплоть до эпохи Шекспира реверанс делали как мужчины, так и женщины. По крайней мере в этом отношении существовало равенство полов. С появлением реверанса акт изъявления покорности еще больше сократился в объеме, и преклонение одного колена постепенно сошло на нет, сохранившись только в виде знака почитания монарших особ.

В XVII веке мужчины начали кланяться в пояс, тогда как женщины продолжали делать реверанс. В результате и того и другого действия человек склонялся перед доминантным лицом, но по-разному. С тех пор ситуация мало изменялась, разве что сократился объем и этих действий. Витиеватый мужской поклон времен Реставрации уступил место более простому и сдержанному поклону Викторианской эпохи, а реверанс сократился до короткого приседания. Сегодня женщины делают реверанс только перед могущественными правителями и королевскими особами, а мужской поклон, если он вообще выполняется, сводится к простому склонению головы.

Исключением из этого правила является завершение театрального представления, когда актеры и актрисы по неизвестной причине словно перемещаются на несколько столетий в

прошлое, отвешивая глубокие поклоны и делая изысканные реверансы. Весьма любопытно, что здесь мы иногда наблюдаем совершенно парадоксальные действия: актрисы кланяются так, как если бы они были мужчинами. Складывается впечатление, что этот возврат к равенству полов в совершении акта изъявления покорности отражает новую тенденцию к равенству женщин во всех остальных сферах, но если сие так, мужчины по крайней мере имеют все основания утверждать, что это женщины стали выполнять мужские действия, а не наоборот. Вполне вероятно, причина данного феномена совершенно иная и никак не связана с маскулинизацией женщины в нашем обществе. Когда-то актерами могли быть только мужчины, и половине из них приходилось играть женские роли. Возможно, когда современные актрисы кланяются, они, следуя традиции, имитируют своих предшественников-мужчин на женских ролях. Однако даже с учетом древних традиций такое объяснение представляется маловероятным. Скорее всего, они просто не хотят выделяться из труппы.

Сегодня приветственные поклоны прошлых эпох почти повсеместно уступили место намного более открытому и прямолинейному рукопожатию. Это действие уже не предусматривает даже малейшего наклона тела вперед. Таким образом, мы проделали путь от абсолютно горизонтального до совершенно вертикального положения тела. Сегодня все мужчины считаются равными по рождению, что находит отражение в манере приветствия.

Хотя все перечисленные формальные действия, кроме рукопожатия, не включают никаких телесных контактов, это отклонение от главной темы было необходимо в силу того, насколько они важны в связи с почтительным поцелуем. Я уже упоминал, что в древности двое равных целовали друг друга в губы, то есть на одном и том же уровне высоты тела. Для нижестоящего поцеловать в губы или даже в щеку вышестоящего было немыслимым делом. Если этот человек хотел выразить свои чувства посредством прикосновения губ, такое прикосновение должно было осуществляться на более низком уровне, соответствующем его положению. Для занимавших самое низкое положение это означало, что они должны были целовать туфлю доминантного лица. Для жалкого пленника даже это было слишком большой честью, и он целовал землю около туфли. Сегодня подобные зрелища – большая редкость, поскольку нынешние правители уже не те, что были прежде. Впрочем, еще в XX веке, к примеру, правитель Эфиопии публично удостоивался подобной чести со стороны своих подданных. Сленговые выражения «целовать грязь» и «лизать ботинки» до сих пор напоминают нам о том, каким унижениям подвергались люди в прошлом.

Тем, чье положение было не столь низким, разрешалось целовать полу одежды или колено доминантного лица. Так, епископ мог лобызать колено папы, но простой смертный мог рассчитывать только на то, что поцелует крест, вышитый на его правой туфле.

Поднявшись еще на одну ступень вдоль человеческого тела, мы доходим до поцелуя руки. Он раньше тоже выполнялся в отношении доминантных мужчин, но сегодня, если не считать высших иерархов церкви, руку целуют исключительно женщинам в знак уважения, да и то не во всех странах и в определенных этикетом ситуациях.

Итак, существуют четыре зоны тела, которые можно целовать в несексуальном контексте: щека в знак дружеского приветствия; тыльная сторона ладони в знак глубокого почтения; колено в знак изъявления покорности и ступня в знак выражения подобострастия. Чем ниже находится зона, к которой прикасаются губы, тем ниже статус целующего. Несмотря на всю помпезность и ритуальный характер этих действий, они очень напоминают типичные умиротворяющие жесты животных. Если освободить их от вычурных деталей культурных вариаций и рассмотреть в целом, даже наиболее изысканные образцы человеческого поведения на удивление близки к образцам поведения животных.

Ранее я привел перечень форм современного поцелуя, и некоторые из них не получили

должного объяснения. Это, в частности, целование игральные кости, перед тем как их бросить, целование талисмана и целование ранки у ребенка. Эти и другие похожие действия, призванные давать облегчение или приносить удачу, связаны с поцелуем выражения почтения, о котором уже шла речь выше. Целовать Бога, самое доминантное лицо, невозможно, поэтому верующим приходится прикладываться к его символам – кресту, Библии и другим предметам культа. Так как целование их символизирует целование Господа, считается, что это действие приносит удачу, поскольку умиротворяет его. Таким образом, любой талисман рассматривается в качестве священной реликвии. Игрок в казино Лас-Вегаса дует на рулетку, стараясь защитить себя от праведного гнева Всевышнего. Посылая воздушный поцелуй при прощании с друзьями, мы выполняем древнее действие, ибо когда-то целование собственной руки выражало большее раболепие, нежели целование руки доминантного лица. Являющийся единственным пережитком этого обычая современный воздушный поцелуй обусловлен лишь расстоянием между прощающимися, но ни в коей мере не стремлением изъяснить покорность.

Рукопожатие. Вместе с прощальным поцелуем мы оставляем сложный мир фрагментарного объятия и переходим к последнему из телесных контактов взрослых людей, имеющему большое значение и достойному того, чтобы рассмотреть его во всех подробностях, а именно к рукопожатию. Я уже говорил, что оно получило широкое распространение около 150 лет назад, но предшествовавшее ему пожатие руки практиковалось задолго до этого. В Древнем Риме оно использовалось в качестве знака принесения присяги и сохраняло эту изначальную функцию на протяжении почти двух тысячелетий. В Средние века рыцарь преклонял колени перед своим сюзереном и сжимал его руку, клянясь ему в верности. Встряхивание сжатых рук появилось еще в XVI веке. В пьесе Шекспира «Как вам это понравится» есть фраза «Они пожали руки и поклялись быть братьями», хотя в ту эпоху данное действие служило и знаком заключения соглашения.

В начале XIX столетия ситуация изменилась. Рукопожатие все еще практиковалось после произнесения торжественного обещания или заключения договора как удостоверяющее действие, но оно впервые стало использоваться в качестве простого приветствия. Причиной этой перемены стала промышленная революция, вызвавшая появление особого класса предпринимателей. Новоявленные дельцы постоянно заключали сделки, которые обязательно скреплялись рукопожатием. Эти сделки, договоры и соглашения стали новым образом жизни, и постепенно рукопожатие проникло во все слои общества. Со временем оно вытеснило все другие формы приветствия и сегодня повсеместно практикуется не только среди равных, но и между людьми, занимающими разное общественное положение. Если раньше существовал целый ряд альтернативных форм приветствия на каждый случай жизни, то сейчас мы обходимся одной-единственной. Сегодня президент приветствует фермера точно так же, как фермер приветствует президента, – они, улыбаясь, протягивают друг другу руки, пожимают их и встряхивают. Когда президент встречается с другим президентом, а фермер с другим фермером, они делают то же самое. С точки зрения телесной интимной близости времена, несомненно, изменились. И все-таки вездесущее рукопожатие в одном отношении упростило положение дел, а в другом сильно осложнило. Мы знаем, что при встрече следует обмениваться рукопожатиями. Но в какой момент нужно протягивать руку? И кто должен делать это первым?

Современные книги по этикету изобилуют противоречивыми рекомендациями, что ясно свидетельствует о запутанности вопроса. Одна утверждает, что мужчина ни при каких обстоятельствах не должен протягивать руку женщине, в то время как в другой говорится, что во многих регионах мира именно мужчине следует брать на себя инициативу. Одна предостерегает, что младший не должен первым подавать руку старшему, другая разъясняет, что каковы бы ни были сомнения, лучше рискнуть и протянуть руку, чем уязвить чье-либо самолюбие. Один

авторитет настаивает на том, что женщина должна встать, прежде чем протянуть руку, другой утверждает, что она вставать не должна. Неясно также, кто должен первым протягивать руку – мужчина-хозяин женщине-гостье или та ему, женщина-хозяйка мужчине-гостю или он ей. Кроме того, существуют разные правила для деловых и социальных ситуаций. Автор одной из книг договорился до абсурда: «Нет никаких правил относительно того, в какой момент нужно обмениваться рукопожатиями». Это похоже на крик отчаяния, поскольку на самом деле этих правил более чем достаточно.

Совершенно очевидно, что столь тривиальное на первый взгляд действие, как рукопожатие, включает в себе скрытые сложности, которые мы должны раскрыть, если хотим разобраться в этой непростой ситуации. Для этого необходимо выяснить происхождение данного действия. Занимающий подчиненное положение шимпанзе, стараясь умиротворить своего доминантного собрата, протягивает в его сторону обращенную ладонью вверх вялую руку, словно умоляя о чем-то. Если тот делает то же самое, обезьяны соприкасаются руками, и этот жест удивительно напоминает короткое рукопожатие. Первоначальное послание гласит: «Смотри, я совершенно безобиден и не осмелюсь напасть на тебя», а ответ означает: «Я тоже не буду нападать на тебя». Дружеский жест, похожий на рукопожатие, можно интерпретировать следующим образом: «Я не причиню тебе зла, я твой друг». Другими словами, когда подчиненный шимпанзе протягивает руку доминантному, это можно рассматривать как акт выражения смирения, когда же подчиненному шимпанзе протягивает руку доминантный, это явно акт утешения, а тактильный контакт, вне всякого сомнения, является выражением дружеского расположения. Тем не менее в своей основе это жест умиротворения, поэтому авторам книг по этикету следует давать недвусмысленные рекомендации – подчиненное лицо должно первым подавать руку доминантному.

Теперь обратимся к древнему человеческому пожиманию руки и рассмотрим его с той же точки зрения. Протягивая пустую ладонь, человек тем самым демонстрировал, что в ней нет оружия, и это объясняет, почему мы всегда используем для рукопожатия именно правую руку. Руку подобным образом может демонстрировать либо слабый сильному в знак смирения, либо сильный слабому в знак утешения, как в случае с шимпанзе. Трансформировавшийся во взаимное крепкое пожатие рук, этот жест стал знаком заключения соглашения между двумя мужчинами, которые, по крайней мере в данный момент, воспринимают друг друга как равные. Другими словами, ни один из них независимо от своего статуса не претендует на превосходство и демонстрирует отсутствие агрессивных намерений.

Это вполне правдоподобная версия происхождения современного рукопожатия, но существует еще одна, не менее правдоподобная, которая опять все запутывает. Одним из важных приветственных действий, осуществляемых мужчиной по отношению к женщине, было целование руки. Человек брал протянутую ему руку в свою, прежде чем приложить к ней губы. Со временем это действие стало стилизованным, и элемент поцелуя утратил былое значение. Когда губы мужчины только еще приближались к тыльной стороне женской ладони, они выполняли поцелуй в воздухе. В дальнейшем эта форма приветствия подверглась еще большей стилизации. Зачастую мужчина брал женскую руку, приподнимал и слегка наклонялся к ней. В таком виде это действие напоминает слабое рукопожатие, но без энергичного встряхивания. Один автор видел в этом единственный источник современного рукопожатия: «Как контактное приветствие, рукопожатие представляет собой позднюю производную “целования лица”, а “целование руки” выступает в роли связующего звена». В этом плане протягивание руки в значительной мере служит проявлением превосходства по отношению к подчиненному и, следовательно, в корне отличается от рукопожатия как символа заключения соглашения между двумя мужчинами.

Судя по всему, истина в том, что обе гипотезы верны, и это двойное происхождение является причиной путаницы в современных книгах по этикету. Дело в том, что сегодня рукопожатие выполняет далеко не единственную функцию. При помощи него мы здороваемся, прощаемся, заключаем договор или сделку, поздравляем, принимаем вызов, благодарим, соболезнуем, миримся и желаем удачи. Оно содержит в себе два элемента. В одних случаях рукопожатие символизирует дружескую связь, в других – только то, что люди дружелюбно настроены по отношению друг к другу в тот момент, когдажимают руки. Если яжимаю руку человеку, которому меня только что представили, это всего лишь дань вежливости, притом что неизвестно, как будут складываться наши отношения в дальнейшем.

Можно сказать, что современное рукопожатие – это двойное действие, маскирующееся под одинарное. «Рукопожатие соглашения» и «приветственное рукопожатие» разнятся по происхождению и выполняют разные функции, но, поскольку они имеют одинаковую форму, мы рассматриваем их исключительно в качестве дружеского рукопожатия. Отсюда и путаница. До начала Викторианской эпохи не было никаких проблем. Тогда существовало рукопожатие соглашения между мужчинами, означавшее: «Договорились!», и целование женской руки мужчиной, означавшее: «Познакомиться с вами – честь для меня». Но когда деловая жизнь тесно переплелась с общественной, эти две формы контакта перемешались. Энергичное рукопожатие соглашения сделалось мягче и слабее, а в целовании руки исчез сам элемент поцелуя, и сжатие ладони стало крепче.

Хотя сегодня мы ничего не имеем против рукопожатия, в XIX веке во Франции его называли «американским фокусом», и оно нередко встречало там неодобрение, особенно когда мужчины-гости обменивались им с девушками. Причина заключалась не в том, что оно предусматривало интимный телесный контакт, просто французы продолжали воспринимать рукопожатие в его старой мужской роли. На их глазах мужчины-гости в момент знакомства «заключали соглашение» с молодыми девушками, устанавливая тем самым дружескую связь с ними, что считалось абсолютно неприемлемым. Разумеется, иностранные гости полагали, что они всего лишь проявляют вежливость.

Это возвращает нас к недоразумениям и путанице в книгах по этикету. Основная проблема – кто кому должен подавать руку первым. Не будет ли оскорблением не подать ее и тем самым проявить недружелюбие или подать и тем самым проявить намерение поцеловать руку в видоизмененной форме? Результаты анализа социальных ситуаций свидетельствуют о том, что приходящие в смятение люди решают эту проблему, отслеживая малейшие сигналы языка тела. Они улавливают едва заметное движение намерения протягивания руки и стараются сделать так, чтобы их жест выглядел одновременным с жестом лица, с которым обмениваются рукопожатиями. Их смятение усугубляет тот факт, что при использовании большинства других видов приветствий подчиненное лицо действует первым, дабы продемонстрировать уважение. Рядовой первым отдает честь офицеру. В прежние времена младший всегда первым кланялся старшему. Но в отношении целования руки положение дел было иным. Дама должна была подавать руку первой. Ни один воспитанный мужчина не хватал женщину за руку, не дождавшись от нее сигнала. Поскольку целование руки имеет отношение к происхождению рукопожатия, это правило в большинстве случаев все еще действует. Мужчина ждет, пока женщина подаст ему руку для рукопожатия, словно она подает ее для поцелуя. Тем не менее не подать женщине руку первым сегодня, когда исчез элемент поцелуя, равносильно заявлению со стороны мужчины, что он офицер, а она рядовой и что она должна первой отдавать ему честь. Отсюда все предостережения и невразумительные рекомендации специалистов по этикету.

Другое происхождение рукопожатия, связанное с заключением соглашения, еще больше запутывает ситуацию. Более слабый мужчина обычно подает руку первым, дабы

продемонстрировать более сильному свои дружеские намерения. Во время соревнований проигравший обычно первым подает руку победителю, поздравляя его, чтобы показать, что, несмотря на поражение, он сохраняет дружеское расположение к нему. Таким образом, если молодой менеджер протягивает в знак приветствия руку старшему коллеге, это может быть расценено либо как дерзость («вы можете поцеловать мне руку»), либо как смирение («вы – победитель»). И опять же эта проблема обычно решается при отслеживании малейших движений намерения и попытке осуществить одновременное действие.

С учетом сложного прошлого и запутанного настоящего можно было бы ожидать, что рукопожатие в современном мире, который становится все более неформальным, постепенно исчезнет. В определенных ситуациях так и происходит. Социальные приветствия приобретают в основном вербальный характер. Примерно в середине XX века специалисты по этикету объявили, что в настоящее время в Великобритании рукопожатия между мужчинами при знакомстве уходят в прошлое. Несмотря на это, рукопожатия между представителями сильного пола более распространены, чем между мужчиной и женщиной и между женщинами. По моим наблюдениям, две трети рукопожатий происходит между мужчинами, а в остальной трети рукопожатия между мужчиной и женщиной случаются в три раза чаще, чем между женщинами. Эти цифры хорошо вписываются в историю рукопожатия, ибо мужчины унаследовали его в качестве знака заключения соглашения, а затем еще и наделили функцией приветствия. Женщины, обменивающиеся рукопожатиями с мужчинами, унаследовали его в качестве поцелуя руки, но пока еще не сумели занять равные с мужчинами позиции в бизнесе, и, стало быть, для них это отнюдь не знак заключения соглашения. И конечно, женщины никогда не целовали ручки женщинам, поэтому они очень редко пожимают руки друг другу.

Последняя особенность этого телесного контакта, которая может показаться очевидной, но на самом деле является весьма примечательной, заключается в том, что в него не вступают любовники. В большинстве стран этого не делают даже супруги. Спросите англичанина, который состоит в браке, скажем, 12 лет, когда он в последний раз приветствовал свою жену при помощи рукопожатия, и в ответ скорее услышите, что это было 12 лет назад, а не 12 дней. Это, вне всякого сомнения, наименее чувственный из всех телесных контактов. Остальные рассматриваемые в настоящей главе – от полного объятия до поцелуя – несут в себе мощный сексуальный заряд. Все они происходят из одного изначального источника и осуществляются в большей степени между любовниками и партнерами, нежели между взрослыми людьми, выступающими в другой роли. Между мужчинами в большинстве случаев телесные контакты возможны только в особых ситуациях. В отличие от них рукопожатие происходит не из нежного объятия, а из действия, символизирующего заключение соглашения между мужчинами, и поэтому оно не породило подобных проблем. Даже причастность к его истории поцелуя женской руки не вызвала никаких сложностей, поскольку это было формализованное действие выражения почтения, лишенное какой бы то ни было сексуальности. Следовательно, мужчины могли тряхнуть друг другу руки хоть до появления синяков на ладонях, не подвергаясь ни малейшему риску быть заподозренными в нетрадиционной сексуальной ориентации. Сама процедура рукопожатия производит впечатление жесткого, энергичного действия, даже на расстоянии непохожего на то, как держатся за руки влюбленные.

В настоящей главе мы исследовали поведение взрослых людей на публике и видели, как ничем не сдерживаемые интимные телесные контакты младенчества подверглись ограничению, формализации и классифицированию. Возможно, это произошло потому, что взрослым людям нужны бóльшая независимость и бóльшая мобильность, а интенсивные телесные контакты препятствуют им в достижении этого. Это объясняет сокращение времени, затрачиваемого на телесные контакты, но не уменьшение их интенсивности. Возможно, сие произошло потому, что

взрослые люди не особенно нуждаются в телесных контактах. Но если так, почему они тратят столько времени на чтение книг, просмотр телевизионных передач и прослушивание песен, не в последнюю очередь согретых интимной близостью? Возможно, наша «неприкасаемость» связана с соображениями статуса, с тем, что мы не желаем, чтобы к нам притрагивались нижестоящие, и не осмеливаемся прикасаться к вышестоящим. Тогда почему мы избегаем телесных контактов с равными? Возможно, мы не хотим, чтобы наши телесные контакты путали с контактами, происходящими между любовниками. Но как это объясняет тот факт, что и влюбленные ограничивают свои интимные контакты на публике?

Чтобы найти ответ на эти вопросы, нужно осознать, что в данной картине явно чего-то недостает. Судя по всему, этим скрытым фактором является прочная связь, формирующаяся между теми, кто вступает в близкие телесные контакты. Нельзя быть близкими физически, не будучи близкими эмоционально. Сегодня мы избегаем близости, даже когда нуждаемся в ней. Наши отношения с людьми слишком избирательны, слишком поверхностны, слишком неопределенны и порой слишком неискренни, чтобы мы отважились рискнуть вступить с кем-либо в телесный контакт. В безжалостном мире бизнеса мы можем отвергнуть девушку, с которой только что обменялись рукопожатиями, или предать коллегу, физическая близость с которым ограничивалась возложением руки на плечо. А что, если бы наши телесные контакты с ними были более разнообразными и интенсивными, без какой-либо сексуальной подоплеки? Тогда, вне всякого сомнения, мы проявляли бы значительно большую осмотрительность при принятии жестких решений. И если мы не осмеливаемся подвергать себя такой опасности, устанавливая подобные взаимоотношения, которые не подчиняются никакой логике, то наверняка не желаем, чтобы нам напоминали об их существовании, демонстрируя на публике. Поэтому молодым любовникам лучше обниматься наедине, а если они будут игнорировать наше требование, мы возведем его в ранг закона. Мы объявим публичную демонстрацию близких отношений преступлением. И это не преувеличение. В некоторых вполне цивилизованных странах запрещено целоваться в общественных местах. Ласковое прикосновение оказывается аморальным и противозаконным. Нежность приравнивается к воровству. Скрывайте свои интимные отношения, чтобы другие не увидели, чего они лишают себя!

Мне не раз приходилось слышать, что если бы все поборники общественной морали обнялись, погладили друг друга по лицу и поцеловались, они бы поняли, что пришло время предоставить людям возможность проявлять искренность в своих отношениях, не вызывая ни у кого зависть. Однако дело совсем не в них. В том, что сложилась такая ситуация, виновато общество. Переполненный зверинец, в котором мы живем, не самое подходящее место для публичного проявления близости. Мы наталкиваемся друг на друга на улице и извиняемся вместо того, чтобы обняться и рассмеяться. Нас всюду окружают незнакомцы, поэтому мы ведем себя сдержанно. Нам кажется, что у нас нет иной альтернативы. Единственная компенсация – близкие отношения в частной жизни, но зачастую нам не даны и они. Похоже, наша публичная сдержанность распространилась и на поведение в кругу семьи. Многие находят выход в том, что наблюдают за любовными страстями на экране телевизора, читают о них в книгах или журналах либо слушают душещипательные песни. Некоторые прибегают к иным, более изощренным методам, о чем речь пойдет дальше.

Особые виды интимных отношений

Изучение поведения младенцев и любовников позволяет сделать вполне определенный вывод: степень физической близости между двумя людьми зависит от степени их взаимного доверия. Сегодня нас окружает множество незнакомцев, которым мы не доверяем или по крайней мере не доверяем полностью и от которых по этой причине стараемся держаться на расстоянии, прибегая к всевозможным ухищрениям. Но безумие современной городской жизни способствует возникновению стрессов, а стрессы порождают тревогу и чувство неуверенности в себе. Интимная близость приносит умиротворение, и чем дольше мы находимся в разлуке с дорогими нам людьми, тем больше нуждаемся в телесном контакте.

Если наши любимые любят нас достаточно сильно, нам будет хватать обеспечиваемой ими близости, чтобы противостоять вызовам современного динамичного и агрессивного мира. Но предположим, нам не удалось сформировать прочную связь с друзьями или любовниками и у нас нет детей. Что делать в этом случае? Или представим, когда-то мы сформировали прочные связи, но со временем они разрушились или стали откровенно формальными, и любовное объятие и поцелуй превратились в такие же условности, каковым является рукопожатие. Что тогда? Многие ответили бы, что нужно просто смириться, но у этой проблемы есть решения, и одно из них – услуги профессионалов, обеспечивающих столь нужные нам телесные контакты.

Кто же эти профессионалы? Это любые незнакомые или не очень хорошо знакомые люди, которые при оказании каких-либо специальных услуг прикасаются к нам. Условность при этом необходима, поскольку мы не любим признаваться в том, что испытываем тревогу и неуверенность и нуждаемся в умиротворяющем прикосновении себе подобных. Это снижает нашу самооценку и вредит нашему имиджу сильного, независимого человека. Следовательно, нужно получить свою дозу интимной близости в некой скрытой форме.

Один из наиболее популярных и широко распространенных методов заключается в том, чтобы заболеть. Разумеется, ничего серьезного, легкое недомогание, которое побудит других поддержать и утешить вас, используя телесные контакты. В большинстве своем люди воображают, что заболели вследствие несчастливого стечения обстоятельств, случайно став жертвами инфекции. К примеру, заболев гриппом, они считают, что такое могло бы произойти с каждым, кто, подобно им, ходил по переполненному магазину, ехал в битком набитом автобусе или общался с приятелями и знакомыми на вечеринке, где люди чихали и кашляли, распространяя вокруг болезнетворные микроорганизмы. Однако факты говорят не в пользу этого мнения. Даже в разгар эпидемии гриппа многие люди, в равной мере подвергающиеся воздействию инфекции, остаются здоровыми. Как же им удается избежать болезни? Почему не заболевают, в частности, многие врачи, которые больше чем кто-либо рискуют?

Значит, многие заболевания, судя по всему, не являются следствием невезения. В современном городе люди, страдающие различными инфекциями, встречаются повсюду, и никто не застрахован от контакта с ними. Если мы не поддаемся воздействию патогенов, это вовсе не означает, что нам удастся избежать их. Дело в том, что наш организм наделен высокоэффективной защитной системой, которая уничтожает болезнетворные микроорганизмы миллионами. Если мы заболеваем, это не значит, что на сей раз нам просто не удалось избежать их воздействия – скорее защита организма почему-то дала сбой. Одна из причин как раз и заключается в постоянных стрессах, вызываемых напряженным ритмом городской жизни.

Сниженный иммунитет рано или поздно становится причиной того, что те или иные болезнетворные микробы, кишачие вокруг нас, поражают организм. Впрочем, болезнь иногда может сослужить добрую службу, ибо мы ложимся в постель и наконец обретаем комфорт, которого нам так не хватало прежде. Этот феномен можно было бы назвать синдромом временного младенца.

Плохо чувствующий себя мужчина – слабый и беспомощный – начинает посылать жене мощные псевдомладенческие сигналы. Та реагирует автоматически, как «временная мать», и проявляет заботу – укладывает его в постель (колыбель), приносит бульон, чай с лимоном и лекарства (детское питание). Тональность ее голоса становится мягче (материнское воркование), она прикладывает ладонь к его лбу и осуществляет другие контакты, которых супругу так не доставало, когда он был здоров. Эффект такого поведения поразителен, и в скором времени мужчина вновь на ногах, готовый, как и прежде, противостоять вызовам окружающего его мира.

Сие отнюдь не симуляция. Для того чтобы стимулировать необходимую псевдородительскую заботу, человек действительно должен быть болен и выглядеть соответствующим образом. Этим объясняется большое число недомоганий, нетяжелых, но вызывающих сильную слабость организма. Итак, важно не просто болеть, но производить впечатление больного человека.

Некоторым эти комментарии могут показаться циничными, но здесь нет никакого цинизма. Если стресс вызывает у нас потребность в теплом отношении со стороны самых близких людей, значит, это ценный социальный механизм, которым не следует пренебрегать.

Несмотря на впечатляющий прогресс в сфере здравоохранения, болеем мы все еще очень часто. Конечно, госпитализация – это крайняя мера, в основном люди лечатся амбулаторно или вообще обходятся народными средствами. Наиболее распространенные недомогания – простуда, грипп, головная боль, аллергия, боль в спине, тонзиллит, ларингит, гастрит, язва, диарея, кожная сыпь и т. п. Сегодня на них приходится подавляющее большинство случаев заболеваний.

В Великобритании, к примеру, ежегодно осуществляется свыше 500 миллионов покупок лекарств для лечения легких недомоганий, и на душу населения приходится примерно по 10 случаев заболеваний за 12 месяцев. Каждый год на лекарства тратится около 100 миллионов фунтов. При этом свыше 70 % заболеваний не требует вмешательства врача.

Причина такого положения дел проста. Численность населения неуклонно возрастает, и жителей в городах становится все больше, что неизбежно влечет за собой повышение уровня испытываемых ими стрессов. Затраты на медицинские исследования, в результате которых разрабатываются все более эффективные лекарства, весьма велики, тем временем и восприимчивость к болезням становится больше. Следовательно, необходимы дальнейшие разработки, и мы шаг за шагом двигаемся все дальше и дальше в воображаемое будущее без болезней, которое не наступит никогда.

Но представим, что свершилось чудо и причины всех болезней искоренены. Шансы на то, что такой медицинский феномен произойдет, ничтожны, но даже если бы это случилось, у «временного младенца» остается альтернатива. При отсутствии инфекции всегда можно получить нервный срыв. Небольшие психические расстройства имеют то преимущество, что для их возникновения не нужны микробы, а во всем остальном они не менее действенны в плане обретения душевного комфорта, чем инфекционные заболевания. В самом деле они настолько эффективны, что даже адвокат убийцы может апеллировать к «временному помешательству», оправдывая своего подзащитного, и тот получит меньший срок заключения в силу ограниченной ответственности. То есть с преступником поступают точно так же, как если бы он был «временным младенцем». А вот ссылка на то, что во время убийства у него был насморк, вряд ли бы ему помогла...

Главным недостатком психических расстройств является то, что при их легких формах отсутствуют внешние симптомы, необходимые для стимуляции стремления утешить и обеспечить душевный комфорт. Эмоционально подавленный человек вынужден прилагать немало усилий, чтобы вызвать требуемую реакцию. Внутренних страданий недостаточно, но, устроив истерику, он получит возможность добиться того, что ему нужно. Если нервный срыв принимает форму буйства, человек рискует оказаться в отделении милиции, но и в этом случае не все потеряно, ибо у него все равно есть возможности вступить в телесный контакт с другими людьми, пусть и не с теми, с кем ему хотелось бы. И только если он полностью потеряет контроль над собой, то окажется в полном одиночестве, одетый в смирительную рубашку.

Вторая возможность слезь в постель и оказаться в зоне внимания при отсутствии внешних источников инфекции заключается в использовании собственной патогенной микрофлоры – микробов, которых человек всю жизнь носит в своем организме. Чтобы понять, как это происходит, необходимо выяснить, что он собой, собственно, представляет как источник микрофлоры.

Многие люди, судя по всему, полагают, что все микробы являются болезнетворными, но это не так. Любой инфекционист подтвердит, что это не более чем миф современной гигиенической религии, чьи адепты очищают себя от всех известных микроорганизмов с помощью дезинфектантов. Их святой водой является антисептический раствор, а божеством – абсолютная стерильность. Разумеется, существуют болезнетворные микроорганизмы, которые следует уничтожать. Этого никто не отрицает. А как насчет полезных микробов, чье главное занятие в жизни заключается в уничтожении других микробов – вредных?

Дело в том, что каждого из нас защищает целая армия дружественных микроорганизмов, которые помогают нам сохранять здоровье. Один квадратный сантиметр здоровой, чистой кожи содержит в среднем около 5 миллионов таких микробов, а один кубический сантиметр слюны – от 10 миллионов до миллиарда. При каждой дефекации мы теряем 100 миллионов микроорганизмов, но их число быстро восстанавливается. Это нормальное состояние взрослого человека. Если бы нам удалось избавиться от своей микрофлоры, организм оказался бы в меньшей степени защищен от чужеродных, действительно вредных микробов, вирусов и бактерий, с которыми мы время от времени сталкиваемся. Об этом свидетельствуют результаты экспериментов с лабораторными животными, стерильными в этом отношении. Следовательно, микробы, содержащиеся в нашем организме, – большая ценность. Однако нам приходится расплачиваться за их услуги, так как они тоже могут становиться агрессивными, когда мы подвергаемся чрезмерному стрессу. Некоторые болезни возникают не из-за проникновения в организм инфекции, а вследствие внезапного и резкого роста численности наших «нормальных» микробов. Традиционные меры общественной гигиены, препятствующие распространению инфекций, в данном случае бесполезны, поскольку источник болезни находится внутри организма. В первую очередь это относится к расстройствам пищеварительной системы, столь распространенным в нашем изобилующем стрессами мире. Когда у нас возникают проблемы с желудком, мы виним в этом некачественную пищу, а в действительности почти все легкие кишечные расстройства связаны с эмоциональными нарушениями, возникающими в результате неспособности адаптироваться к трудностям современной жизни. Словом, кто хочет заболеть – заболет!

Третья возможность восполнения дефицита внимания предусматривает более радикальную меру. Человек, не страдающий нервными расстройствами и внутренними болезнями, но отличающийся чрезмерной рассеянностью и беспечностью, может оказаться подверженным всякого рода несчастным случаям. Упав и сломав лодыжку, он получает прекрасный шанс посетовать на свою беспомощность, чтобы тут же получить требуемую помощь и моральную

поддержку. Но так ли случайны подобные беды? Разумеется, многие травмы непреднамеренны, но тем не менее вызывает удивление, насколько сильно варьирует подверженность им у разных людей. Не так давно было проведено исследование, в ходе которого изучалось эмоциональное состояние пациентов стационаров, и тех, кто попал на больничную койку в результате несчастного случая, объединили в контрольную группу. В ходе работы выяснилось, что у этих людей гораздо больше эмоциональных нарушений, чем у остальных.

Таким образом, наш испытывающий стресс искатель душевного комфорта имеет в своем распоряжении несколько способов, с помощью которых может оказаться или показаться беспомощным и получить то, что ему нужно. Тот, кто слегка недужит время от времени, имеет значительное преимущество, и если это преимущество нельзя получить одним способом, всегда можно прибегнуть к другому. Тем не менее данный метод повышения степени интимной близости имеет недостатки. Во всех случаях человек предстает в роли больного и вынужден играть пассивную роль. Чтобы вызвать сочувствие, он должен принизить себя либо в физическом, либо в духовном плане перед теми, от кого надеется получить свою долю внимания. Совсем не так обстоит дело у молодых любовников, которые «смягчаются» на взаимной основе, что не способствует снижению их социального статуса. Кроме того, когда пациент выздоравливает и восстанавливается, заботы и нежное отношение к нему резко прекращаются. Единственный способ продлить удовольствие заключается в том, чтобы стать хроническим больным, который, как гласит народная мудрость, «наслаждается плохим самочувствием». Помимо сохранения более низкого статуса, это чревато другой опасностью – развитием болезни. Огонь вожделенной близости может выйти из-под контроля и спалить дом. Даже когда метод, о котором мы сейчас говорили, используется в качестве краткосрочной меры, всегда существует риск причинения организму долгосрочного вреда, о чем прекрасно известно людям, страдающим язвой. Но для многих, кто справляется с трудностями современной жизни ценой чрезмерного стресса, такой риск вполне оправдан. Временная передышка лучше, чем отсутствие всякой передышки. Если им посчастливится, они получают время, чтобы подзарядить свои эмоциональные батареи, и благодаря этому смогут и дальше противостоять сегодняшнему чрезвычайно многолюдному человеческому сообществу.

Хотя в большинстве случаев получаемый таким способом душевный комфорт исходит от близких заболевшего, которые начинают относиться к нему с повышенным вниманием, он может получать его и от незнакомцев, а именно от медицинского персонала. Врачи в силу особенностей своей профессии имеют право на интимные телесные прикосновения, запретные для большинства взрослых людей. Интуитивно осознающие эту важную особенность своей работы, они прекрасно знают о целительном эффекте душевной беседы, уверенного прикосновения руки, считающей пульс, простукивания по грудной клетке, манипуляций с головой при осмотре глаз и рта. Для некоторых людей эти телесные контакты лучше таблеток.

Иногда врач отправляет пациента на больничную койку лишь на основании нарушений в эмоциональной сфере. При внешних источниках стрессов в данной мере нет необходимости. Оставаясь дома, такой пациент не подвергается разрушительным воздействиям окружающего мира. Если же причина кроется в нем самом, изоляция от внешней среды ему не поможет. Эмоциональное напряжение исходит изнутри семьи? Тогда даже собственная спальня человека не станет для него подходящим убежищем, где он мог бы свернуться калачиком и обрести душевный комфорт, в котором так нуждается. В этом случае единственным вариантом остаются больница и короткие часы посещения.

Медицинское решение, как мы уже выяснили, наряду с достоинствами обладает серьезными недостатками, поэтому искателю душевного комфорта следует продумать другие пути. Если он религиозен, всенамного проще. Человек сможет найти утешение в беседе со священником или

своими единовѣрцами.

Что остается неверующим? Существует целый мир ухода за телом, в котором профессионалы трут, массируют и делают гладким его любой участок, какой им только укажут. По ходу дела они в процессе телесных контактов решают многие проблемы эмоционального характера. Когда молодая женщина делает массаж клиенту, для него это в чем-то такая же интимная процедура, как если бы он занимался с ней любовью. В некотором смысле это даже нечто большее, поскольку она активно контактирует с его телом, применяя всевозможные тактильные приемы – поглаживания, надавливания, постукивания, пощипывания. В результате мужчина обретает вождѣленный душевный комфорт даже без непосредственного сексуального контакта.

Однако на Западе отношение к массажу не совсем такое, каким бы оно могло быть. В нашей культуре возобладала тенденция устранения из этой чрезвычайно полезной во всех отношениях процедуры воображаемого эротического элемента путем дискриминации по половому признаку: мужчинам делают массаж мужчины, женщинам – женщины. Но даже столь радикальный шаг не способствовал широкому распространению в обществе этой абсолютно безобидной формы умиротворяющего телесного контакта. Он способствовал лишь появлению инсинуаций относительно гомосексуального характера массажа. Только боксеры-тяжеловесы и борцы могут ложиться на массажный стол без опасений быть заподозренными в чем-то предосудительном, точно так же, как этого могут не опасаться футболисты, обнимающиеся на публике после забитого гола, в силу своей очевидной мужественной агрессивности. Теоретически процедура массажа независимо от половой принадлежности сторон не содержит ни малейшей сексуальной подоплеки, но на практике дело обстоит иначе, и поэтому большинство людей, которые не могут позволить себе посещать массажный салон вследствие общественного предубеждения, вынуждены искать другие источники близкого телесного контакта.

Один из путей решения проблемы – участие в том или ином виде физической деятельности, предусматривающей разнообразные тактильные контакты, группы людей, что исключает возможность уединения потенциальной пары. К примеру, это могут быть занятия с инструкторами в тренажерном зале.

Традиционный вариант – ограничение телесных контактов наименее интимными частями тела. Здесь мы вступаем в абсолютно приемлемую с общественной точки зрения сферу работы парикмахеров и косметологов, сделав перед этим небольшую паузу только для того, чтобы бросить последний сочувственный взгляд на массажистов. Некоторые из них предпринимали попытки ввести подобные ограничения, объявляя в рекламе, что они массируют только руки и ноги.

Мы ежедневно выставляем свою голову на всеобщее обозрение, а значит, она требует ухода. Парикмахеру дозволено осуществлять телесный контакт с клиентом в силу характера его профессиональной деятельности, однако прикосновение к голове, как мы выяснили ранее, обычно допускается только между людьми, находящимися в очень близких, любовных отношениях. Между взрослыми незнакомцами такое прикосновение почти табу. Из этого следует, что для человека, жаждущего телесных контактов, данную брешь способен заполнить парикмахер. Сие вовсе не означает, что косметическая сторона парикмахерского дела не имеет значения, просто она дополняется телесной близостью, которой многим из нас так недостает.

История ухода за головой, имеющего двойное – косметическое и интимное – назначение, насчитывает тысячелетия. Если же принимать в расчет наших предков-приматов, счет пойдет на миллионы лет. Наблюдение в зоопарке за обезьянами, перебирающими пальцами волосы на голове друг друга, не оставляет никаких сомнений в наличии в этой процедуре интимной компоненты. Если бы ее целью была только чистка, она не приводила бы обезьян, которые ей

подвергаются, в состояние столь очевидного блаженства. То же относится и к виду Homo sapiens с тем лишь исключением, что мы не можем распространить эту процедуру на все свое тело, в отличие от покрытых шерстью обезьян. Заказывая шить одежду, мы чувствуем ловкие, деликатные прикосновения пальцев закройщика, снимающего мерку, и у нас возникает смутное, давно ушедшее в подсознание ощущение, которое испытывали наши предки.

У обезьян «уход» за волосами является средством формирования социальных связей, поэтому неудивительно, что на ранних этапах нашей истории профессиональный парикмахер был редкостью. За волосами обычно помогали ухаживать близкие люди. Это было естественно, поскольку наши предки в то время жили племенами и каждый член социальной группы лично знал всех остальных ее членов. Позже на смену племенным поселениям пришли многолюдные города, и люди стали жить в окружении незнакомцев, при этом уже в Древнем Риме в обиход начали входить сложные прически. Но на общественную сцену профессиональные парикмахеры, чьи позиции со временем неизменно укреплялись, вышли на исходе Средних веков. Сначала они сами посещали дома своих клиенток, но постепенно наиболее предприимчивые стали открывать салоны, работавшие гораздо более эффективно. От модниц там не было отбоя! Однако оказание профессиональных парикмахерских услуг стало широко практиковаться лишь во второй половине XIX века. В 1851 году в Лондоне было уже 2338 парикмахеров, а спустя 50 лет эта цифра выросла до 7771, намного обогнав в пропорциональном отношении прирост населения города. Одна из причин такой разительной перемены, вне всякого сомнения, носила экономический характер, но существовала и другая, состоявшая в том, что женщины Викторианской эпохи были чрезвычайно ограничены в телесных контактах, и визит к парикмахеру являлся чуть ли не единственной возможностью осуществить такое взаимодействие. Ограничения в том, что мы сегодня называем сексом, были в ту пору настолько строги, что легкое поглаживание руки парикмахера по голове, должно быть, доставляло женщине огромное наслаждение. Все больше представительниц слабого пола все чаще посещали парикмахерские салоны. В XX веке эта практика распространилась из городов на сельскую местность и охватила практически все женское население Великобритании.

Сознавая, что их клиентки в большей степени жаждут интимных прикосновений, нежели простого видоизменения внешности, парикмахеры расширили пространственную сферу своей деятельности. Ни один открытый участок лица и тела не остался без внимания специалистов. Очень популярным стал маникюр. Возникло такое явление, как косметология. Женщины начали делать маски и массаж лица, пытаясь разглаживать морщины. Востребованным оказался макияж. «Красота, – писал журнал Vogue в 1923 году, – это занятость с полным рабочим днем». Нет смысла отрицать, что главным мотивом всех этих процедур было достижение визуального эффекта, но телесные контакты, осуществлявшиеся в процессе его достижения, несомненно, имели огромное значение. Визит в современный салон красоты – это далеко не в последнюю очередь жажда тактильных ощущений.

По сравнению с женщинами у мужчин меньше возможностей такого рода. Некоторые делают в салоне маникюр и массаж кожи головы, а кое-кто время от времени бреется, но большинство лишь стригутся, и это все. Интересно, что парикмахеры стараются максимально усилить ощущение телесной близости, превращая процедуру стрижки в настоящий ритуал. Если вы мужчина, обратите внимание, когда в следующий раз посетите парикмахерскую, что очень часто щелчку ножниц, после которого очередная прядь волос падает на пол, предшествует другой щелчок, в воздухе. Этот «холостой» щелчок не имеет никакой практической функции и используется исключительно для создания впечатления активной деятельности вблизи головы, или, другими словами, сложности контакта.

Несмотря на это, телесные контакты в ходе этой процедуры носят весьма ограниченный

характер. У обладателя длинных волос они еще более ограничиваются, поскольку работы для ножниц остается меньше, а голову большинство мужчин моют дома. Впрочем, в крупных городах появление новых стилей способствует расширению диапазона парикмахерских услуг, и будущее покажет, станет ли это долгосрочной тенденцией. Неизвестно, сколько просуществует новая мода, и, если она укоренится, все равно потребуются время для ее всеобщего признания. Мужчины старшего поколения несправедливо называют длинные волосы женственными, забывая о том, что когда-то короткая стрижка стала средством борьбы с распространением вшей. Сегодня, когда эта борьба уже не актуальна, неразумно настаивать на том, что все мужчины должны коротко стричься.

Единственный «косметический» контакт, который доступен мужчинам в большей степени, чем женщинам, – пользование услугами уличного чистильщика обуви, но в наше время данная профессия исчезает. В большинстве крупных городов это теперь чуть ли не аттракцион. Если не считать орально-генитальные контакты, о которых мы уже говорили, сие, по всей вероятности, единственная ситуация в жизни современного мужчины, когда он имеет возможность видеть, как кто-то, сидя на низкой скамеечке, осуществляет с ним тактильный контакт, и наверняка это единственная ситуация, когда такой контакт публичен. Поза чистильщика обуви создает настолько сильное впечатление подобострастия, что, возможно, она и явилась причиной исчезновения этой профессии. В прошлом чистильщики с большей готовностью демонстрировали подобное раболепие, за что получали щедрые чаевые, но с ростом уважения к человеческой личности такое откровенное самоуничижение стало почти неприличным. Символическое целование ног – это для нас уже слишком, поэтому чистильщики обуви быстро становятся вымирающим видом. Не то что бы мы стали невосприимчивыми к услугам, унижающим человеческое достоинство, – такой вывод был бы слишком лестным для нас, а просто не хотим, чтобы кто-то *видел* нашу восприимчивость к ним.

До сих пор речь шла о таких профессионалах телесных контактов, как врачи, массажисты, спортивные инструкторы, косметологи, парикмахеры, закройщики, мастера маникюра и чистильщики обуви. К этому списку можно добавить представителей родственных профессий – изготовителей париков и шляп, а также мастеров педикюра. В особых комментариях нуждается деятельность дантистов, хирургов, гинекологов и многих других медицинских специалистов. Контакты стоматолога с полостью рта вызывают скорее неприятные, нежели блаженные ощущения. Хирург, чьи контакты с телом гораздо более глубоки, чем телесные контакты самых страстных любовников, тоже не оказывает особого влияния на нашу эмоциональную сферу в силу использования анестезии. Действия гинеколога во время осмотра напоминают контакты рук с гениталиями, осуществляемые любовником, но и они не приносят душевного комфорта. Сегодня благодаря строго профессиональной атмосфере обе стороны испытывают меньшее смущение и стараются не допускать недоразумений в столь деликатной области. Если прикосновение к руке при прослушивании пульса способно оказывать на женщину благотворное влияние в эмоциональном плане, то прикосновения к половым органам столь интимно, что она попросту «закрывается» и никакого удовольствия не испытывает.

Когда-то осмотр пациентки представлял для добропорядочного гинеколога настоящую проблему. В целях сохранения приличий использовались самые разные ухищрения. 300 лет назад доктор пробирался в будуар беременной женщины на четвереньках, дабы она не увидела обладателя пальцев, которым предстояло ощупывать самые интимные части ее тела. В более позднюю историческую эпоху ему приходилось работать в полутьме и принимать роды под одеялом на ощупь. На одной гравюре XVII века гинеколог изображен сидящим у постели роженицы с простыней, заправленной ему за воротник наподобие салфетки, чтобы он не видел действия своих рук. Неудивительно, что перерезание пуповины было весьма опасной операцией.

Несмотря на все эти странные меры предосторожности, мужчина-акушер постоянно находился под огнем критики, и всего лишь 200 с небольшим лет назад учебник по теории и практике акушерства был провозглашен «самый непристойной и постыдной книгой, когда-либо видевшей свет». Обычно подобная критика исходила от мужчин, а в результате страдали женщины. На протяжении столетий сексуальный характер контактов при принятии родов был барьером на пути эффективного медицинского обслуживания. Очень часто квалифицированные мужчины-акушеры вовсе не допускались к постели роженицы, и роды принимали, как в Средние века, повитухи. Может быть, поэтому показатели смертности родильниц и новорожденных были так велики!

Это сексуальное табу на телесные контакты стало причиной настоящей демографической катастрофы и оказало большое влияние на ход истории. Потребовались долгие годы и множество разбитых человеческих судеб, прежде чем возобладал здравый смысл и удалось отринуть старинные предрассудки. Это стало возможным только благодаря строжайшему соблюдению мужчинами-акушерами кодекса профессионального поведения. И все-таки даже сегодня порой слышны отголоски прежних страхов, и современный гинекологический осмотр остается для женщин довольно неприятной процедурой.

Существует лишь одна сфера деятельности, где сексуальные контакты не вызывают подобного негативного отношения. Это актерское искусство. Актеры и актрисы, включая балерин и балетных танцовщиков, оперных певцов и певиц, а также фотомодели во время представления или фотосессии обнимают, целуют и ласкают друг друга, как того требует от них режиссер. Если такие контакты предусмотрены сценарием, они не выходят за рамки социального «закона», и представители актерского племени имеют возможность находить в них душевный комфорт на работе. Для столь рискованной и ненадежной профессии такая возможность, несомненно, является большим плюсом, хотя иногда это порождает определенные трудности. Сложно изображать страстную любовь к кому-то, даже к коллеге-актеру, и не начать испытывать к нему определенные чувства, и такое случается часто – в ущерб другим интимным отношениям в «реальном» мире. Если сексуальные контакты имитируются достаточно достоверно, подавить естественные биологические реакции, которые обычно их сопровождают, нелегко.

Еще один опасный вид телесного контакта свойствен шоу-бизнесу. Звезды, появляющиеся в общественных местах, нередко оказываются в окружении пылких поклонников, которые стараются во что бы то ни стало прикоснуться к своему кумиру. При удачном исходе звезда получит моральное удовлетворение, но дело может кончиться синяками и даже серьезными физическими повреждениями. Это стремление любой ценой вступить в телесный контакт с тем или иным музыкантом, певцом и даже политиком в последнее время приобрело повальный характер. Девушки, сопровождающие поп-звезд во время гастрольных туров, поистине мало перед чем останавливаются...

Начав разговор об отношениях между поп-звездами и их поклонниками, мы ушли в сторону от ситуации, когда прикосновения являются неотъемлемой частью самой профессиональной деятельности. Массажист или парикмахер *должен* прикасаться к клиенту, иначе он не сможет выполнять свою работу, но певцу не нужно ни к кому прикасаться, как никому не нужно дотрагиваться до него, для того чтобы он мог петь песни. Тот факт, что в результате его деятельности к нему стремятся прикоснуться люди, имеет второстепенное значение. Это относится и к представителям других профессиональных сфер, например к полицейским.

Работа полицейского заключается не в том, чтобы прикасаться к людям, но у него диапазон таких «касательств» гораздо больше, чем у остальных. Он может дотрагиваться до нас так, как мы не позволили бы делать это никому другому. Он может взять ребенка за руку на улице, не

вызвав никаких комментариев по этому поводу. Он может отталкивать людей, сдерживая толпу, и это тоже воспринимается как само собой разумеющееся. Он не стесняется в средствах, когда нужно кого-то «успокоить», и это сходит ему с рук, поскольку служитель выполняет свои профессиональные обязанности. Только в крайнем случае, когда он явно превышает служебные полномочия и выходит за определенные рамки, мы можем обрушить на него свой гнев. Иногда это переходит все границы, о чем свидетельствуют сцены массовых беспорядков, слишком часто наблюдаемые в последнее время на улицах крупных городов. Предоставив полицейским ограниченное право прикасаться к нам, мы находим злоупотребление этим правом неприемлемым, как если бы хормейстер вел себя неподобающим образом по отношению к хористам или учитель по отношению к ученикам. Таким образом, если полицейские будут злоупотреблять своей властью, люди начнут их ненавидеть, что чревато непредсказуемыми последствиями. Лишь в таких странах, как Великобритания, где полицейские выходят на дежурство безоружными, во время уличных беспорядков заметны признаки ограничений, налагаемых на обе стороны. Такое впечатление, будто сам факт, что и те и другие вынуждены вступать в более тесный телесный контакт, хватая друг друга руками, вместо того чтобы использовать камни, палки или огнестрельное оружие, оказывает на них сдерживающее воздействие. Конечно, даже при отсутствии оружия кто-то может лишиться глаза или получить иную травму, но такие случаи довольно редки. По сравнению с результатами беспорядков в других странах – раскроенными черепами и залитыми кровью лицами – побоища в Лондоне и других британских городах выглядят почти цивилизованно. По иронии судьбы британцы вернулись к более интимной форме безоружного боя.

Существует широко распространенное кинематографическое клише: двое «крутых» пытаются решить с помощью кулаков старые разногласия. Зрители прекрасно знают, что, если во время драки они сделают друг из друга отбивную, это станет началом новой великой дружбы. Если двое громил с покрытыми синяками лицами чуть живые лежат на земле, можно не сомневаться в том, что сейчас один из них выплюнет выбитый зуб и скривит окровавленные губы в добродушной ухмылке, глядя на своего оппонента, имеющего столь же плачевный вид. Наши герои помогут друг другу встать на ноги и отправятся в бар (обычно поблизости оказывается питейное заведение). Теперь мы можем быть уверены в том, что отныне их ничто не разлучит и они будут вместе бороться со злом. В конце фильма один из них погибнет, спасая жизнь другому. Он испустит дух на руках своего товарища, по лицу которого еще не так давно ожесточенно молотил кулаками.

Мораль таких «шедевров» в том, что пылкий враг лучше, чем уравновешенный друг. Иными словами, любой близкий телесный контакт, даже такой, как драка (при условии, что она носит личный характер), способен формировать взаимную привязанность между двумя, казалось бы, непримиримыми противниками. Разумеется, это не может служить оправданием насилия, и такой способ выяснения отношений не рекомендуется в качестве универсального средства, но игнорировать данный феномен тоже было бы неразумно.

В последнее время безличное насилие достигло таких масштабов, что эта тема практически стала табу. Для общества, отличающегося либерализмом в сексуальной сфере, насилие независимо от его масштабов и контекста недопустимо с философской точки зрения. В широком смысле, в каком он и должен восприниматься, лозунг «Занимайтесь любовью, а не войной» не вызывает возражений, но послание, лежащее в основе ритуальной кинематографической драки, возможно, подведет нас к мысли о том, что из этого общего правила имеет смысл сделать исключение. Я отнюдь не призываю решать все проблемы с помощью кулаков, а просто пытаюсь представить ситуацию, когда два человека подавляют свою агрессивность до такой степени, что даже откровенная провокация не заставит их дотронуться друг до друга пальцем. Такая крайняя

позиция отказа от какого бы то ни было насилия может породить новую форму социальной отчужденности. Приведем пример.

Если два человека по той или иной причине охлаждаются друг к другу, их отношения могут просто умереть в атмосфере лицемерной сдержанности. Тонкая, жесткая усмешка сдерживаемой ярости ранит не хуже ножа. Иногда эмоциональный взрыв, сопровождающийся не слишком насильственным, но тем не менее агрессивным физическим взаимодействием, способен разрядить атмосферу подобно долгожданной грозе и ослабить разрушительное напряжение. Постоянно ссорящиеся партнеры, возможно, впервые за несколько месяцев вступят в телесный контакт, пусть даже они будут при этом яростно трясти друг друга за плечи, вместо того чтобы обняться. Хотя подобные прикосновения носят явно враждебный характер, порой они способствуют примирению, и игнорировать этот факт только потому, что он идет вразрез с настроениями в обществе, значит, не принимать во внимание мощное эмоциональное воздействие, которое оказывает телесная близость на привязанность между двумя человеческими существами.

Сходный образец поведения представляет собой шумная возня детей, подобную которой иногда затевают между собой находящиеся в дружеских отношениях взрослые. Эти контакты тоже оказывают мощное эмоциональное воздействие, поскольку сопровождаются безмолвным посланием: «Хотя мое поведение кому-то покажется агрессивным, ты же знаешь, что на самом деле это не так». Однако ситуация может оказаться двусмысленной. Послание человека, который в шутку с силой шлепает друга по спине, иногда имеет противоположный смысл: «Хотя можно подумать, что я только притворяюсь агрессивным, по моим действиям ты можешь понять, что это не притворство». Он использует шлепок по спине, поскольку тот стал формализованным общепринятым шутливым жестом, но сопровождающими действиями и силой шлепка дает товарищу понять, что вовсе не шутит.

Подобная двусмысленность возможна и в ситуации со ссорящимися партнерами, которая упоминалась выше. Если повод серьезен, один из них может схватить другого за плечи и начать трясти: Это означает: «Хотя мне очень хочется дать тебе в зубы, я ограничиваюсь только этим». Однако, если ссора началась, что называется, на пустом месте, даже самый умеренный из агрессивных контактов будет выглядеть именно как проявление агрессии.

Скрытые опасности шутливой потасовки иногда становятся очевидными, когда двое мальчишек устраивают во дворе ленивую возню. Поначалу они соблюдают условия шутливой агрессии. Каждый толчок по корпусу или захват руки выполняется с определенной силой – достаточно внушительно, но не настолько, чтобы это выглядело слишком грубо. Если этот тонкий баланс нарушается и одному из ребят становится больно, настроение меняется. Тот, кто почувствовал боль, наносит ответный удар уже с большей силой, и возникает опасность перерастания шутливой возни в настоящую драку. Момент этой перемены уловить сложно, поскольку борьба «понарошку» зачастую неотличима от реальной. Обычно первые признаки проявляются на лицах, когда добродушная улыбка сменяется выражением ожесточенности и на щеках появляется румянец или же они, напротив, бледнеют.

Подобные изменения в мимике можно наблюдать на лицах профессиональных борцов. «Злодей» умышленно нарушает правила, чем выводит из себя «героя», который апеллирует к судье и вызывает сочувствие у зрителей. Набрасываясь на противника, он тоже переходит от обычных борцовских приемов к более агрессивным под одобрительный рев публики. Но в данном случае даже «неконтролируемая» агрессия является формализованной, и зрители прекрасно осведомлены об этом. Если один борец действительно причиняет боль другому, схватка немедленно прекращается.

Оставим эти опасные для здоровья телесные контакты и перейдем к более безобидным,

например к тем, которые происходят на танцплощадке. В качестве сферы деятельности, где имеются профессионалы, которым позволено осуществлять прикосновения, танцы предоставляют весьма ограниченные возможности. Действительно, взрослый человек, стремящийся к той или иной форме телесного контакта, может удовлетворить свое желание, прибегнув к услугам учителя танцев. Существуют танцевальные залы, где имеются профессиональные партнерши, танцующие за деньги в соответствии с установленным тарифом, но есть множество мест, где можно танцевать совершенно бесплатно. На вечеринках, дискотеках и в танцевальных залах незнакомые люди могут приглашать друг друга и кружиться в интимном фронтальном объятии, а те, кто уже находится в дружеских отношениях, имеют возможность воспользоваться ситуацией, чтобы впервые установить телесный контакт друг с другом. Танцы являются единственным способом одномоментного радикального увеличения степени телесной близости. Если то же самое полное фронтальное объятие осуществится между чужими или недостаточно хорошо знакомыми людьми за пределами танцевальной площадки, это будет иметь совершенно иной эффект. Танец, если так можно выразиться, обесценивает значение объятия, сильно снижая порог, при котором один человек может обнять другого без риска получить отпор. Объятие способно совершить чудо, но если этого не происходит, формальность ситуации позволяет выйти из нее, сохранив лицо.

Как и многие другие формы телесной близости, танцы имеют долгую историю, уходящую корнями в наше животное прошлое. В поведенческом плане их базовый элемент представляет собой повторяющееся движение намерения. Если понаблюдать за брачными танцами разных птиц, станет ясно, что они обычно начинают выполнять одно движение, затем прерывают его, начинают делать другое, прерывают и его, повторяют первое и так далее. Танцуя перед самкой, самец энергично поворачивается из стороны в сторону, наклоняется вперед и назад или подскакивает и приседает. Складывается впечатление, что он находится в состоянии душевного разлада с самим собой, поскольку у него попеременно возникают противоречивые побуждения. В ходе эволюции ритм этих движений намерения стал фиксированным, и брачный танец превратился в ритуал, являющийся прелюдией к спариванию. Каждому виду свойственна своя форма этого ритуала.

Большинство наших танцевальных движений имеет то же происхождение, но у нас они не приняли фиксированную форму, а формировались в соответствии с культурными предпочтениями разных народов и поэтому отличаются таким разнообразием. Многие из них представляют собой движения намерения пойти в ту или иную сторону, но, вместо того чтобы выполнить это действие, мы прерываем его, двигаемся назад или делаем круг и начинаем все снова. В прошлые времена многие танцы напоминали представления: пары, держась за руки, кружились по залу, периодически останавливались, менялись партнерами и продолжали кружиться. Затем, встречаясь снова, они шутливо раскланивались и делали реверансы. И народные, и бальные танцы, как правило, включали сложные фигуры с поворотами. Телесные контакты были настолько строго ограничены, что какие-либо проблемы сексуального характера просто не могли возникнуть. Все движения являлись формализованными, и это заранее снимало щекотливые вопросы.

Ситуация резко изменилась в начале XIX века, когда Европу захлестнула новая танцевальная мода. Началась эпоха вальса. Впервые партнеры держали друг друга в объятиях, и эта публичная телесная близость сразу стала причиной скандала. Требовалось срочно что-то придумать, чтобы успокоить общественность. Когда речь шла о способе, с помощью которого может осуществляться простой контакт руки с рукой, я упоминал об одной уловке, получившей широкое распространение. Рука в этом случае протягивается демонстративно, чтобы поддержать человека, направить его или не дать ему упасть. Это позволяет преодолеть важный барьер и

вступить в телесный контакт, не создавая двусмысленности. То же самое произошло и с вальсом. В самом начале своей истории это был невероятно быстрый танец, и партнерам приходилось крепко держаться друг за друга, чтобы не потерять равновесие. Сие и стало уловкой «поддержки», благодаря которой вальс смог проникнуть в танцевальные залы, а затем его темп сразу замедлился, что позволило партнерам прилюдно обняться.

Представители старшего поколения, которым подобные радости были незнакомы, негодовали. Вальс, сегодня представляющийся несколько старомодным, в те времена назывался самым отвратительным танцем, какой когда-либо видели прошлый и нынешний века. Автор «Записной книжки для дам», опубликованной в начале Викторианской эпохи, посвятила 10 страниц нападкам на эту ужасную манеру публично прижиматься друг к другу. Вот небольшая выдержка из ее комментариев по этому поводу: «Спросите мать, согласится ли она доверить свою дочь человеку, танцующему вальс? Спросите влюбленного молодого человека, сможет ли он спокойно смотреть на то, как его возлюбленная кружится в руках другого мужчины? Спросите мужа, допустит ли он, чтобы его жену обнимал незнакомец?» Волна возмущения не спадала, и еще меньше чем 100 лет назад один учитель танцев из Филадельфии объявил вальс аморальным на том основании, что во время него даму обнимает кавалер, которого она могла до этого ни разу не видеть. Но противники вальса все-таки проиграли эту битву, и «порочный» вальс восторжествовал в танцевальном зале, став первым в череде разнообразных танцев, предусматривающих фронтальное объятие. Эти танцы тоже вызывали в разное время недовольство общественности.

Завезенное в Европу из Южной Америки в 1912 году танго, конечно, встретили в штыки. Поскольку этот танец включал в себя «весьма красноречивое боковое движение бедрами», которое вызывало у бдительных ревнителей морали ассоциацию с половым актом, он тут же был отнесен к категории безнравственных.

Едва танго утвердилось на сцене, как началась эра джаза, и отчаявшиеся учителя танцев созвали срочную конференцию, чтобы обсудить новую угрозу их уважаемой профессии. Они выступили с официальным протестом по поводу этого нового безумия, заявив, что корни джазовых танцев следует искать в негритянских борделях. Но самый необычный критический выпад, напечатанный в газете, звучал следующим образом: «Эти танцы и музыка с чудовищным ритмом привезла из Центральной Африки в Америку банда большевиков, и цель их заключалась в том, чтобы сокрушить христианскую цивилизацию во всем мире». Сие проливает свет на недавние заявления, будто нынешняя волна студенческих беспорядков и наркомании тоже является частью красного заговора.

В самом начале своей истории джаз породил несколько стилей, и танцы под их музыку предусматривали еще более интенсивные телесные контакты. В 40-е годы XX века это был джиттербаг, в 50-е годы – рок-н-ролл, но затем произошло нечто странное. По какой-то причине, время для понимания которой, вероятно, еще не наступило, танцевальные пары разъединились. В 1960-е годы танцевальное объятие стало быстро выходить из обихода. В настоящее время только партнеры старшего возраста продолжают прижиматься друг к другу, кружась по залу. Молодые держатся друг от друга на расстоянии и в основном остаются на месте. Началось все с твиста, а в скором времени появилось множество альтернативных стилей – хич-хайкер, шейк, манки и фраг. К концу 60-х годов ситуация с этими новыми танцами настолько запуталась, что со временем они слились в безымянный гибрид, который танцевали под поп-музыку. Все они имели одну и ту же важную особенность – отсутствие прикосновений. Возможно, причина этой знаменательной перемены кроется в усилении либерализма в сексуальной сфере. В Викторианскую эпоху молодые пары были лишены возможности вступать в телесные контакты в приватной обстановке, и объятие вальса имело для них большое значение, но, если сегодня

нравы гораздо свободнее, кому какое дело до разрешенного при определенных условиях объятия? Это все равно как если бы нынешние молодые люди заявили: «Нам это не нужно, у нас есть возможность заниматься кое-чем поинтереснее».

На этом мы завершаем обзор способов, с помощью которых взрослые люди достигают телесной близости. Во всех случаях – от врачей до любителей танцев – эта близость включает в себе нечто большее, чем просто физический контакт. Ни в одном из них прикосновение не осуществляется ради прикосновения, и всегда существует предлог для того, чтобы мы прикоснулись к кому-то или кто-то прикоснулся к нам. Тем не менее очень часто складывается впечатление, что контакту придается большее значение, нежели тем действиям, которые являются для него предлогом. Возможно, однажды, когда уровень стресса, порождаемого современной жизнью, станет еще выше, появится профессиональный специалист по прикосновениям, который начнет продавать объятия, как пирожки, не прикрываясь какой-либо иной деятельностью. И может быть, спрос на его услуги будет равносителен признанию факта неспособности достигнуть близости с родными и близкими людьми.

Как бы то ни было, мы всегда имеем возможность прибегнуть к извечному заменителю телесной близости, а именно к беседе. Вместо утешительных объятий мы обмениваемся утешительными словами. Мы улыбаемся и разговариваем о погоде. Это плохая замена с точки зрения эмоционального обмена, но все же она лучше полной изоляции чувств. И если мы все еще жаждем более тесного контакта, существуют другие альтернативные варианты: прикосновение к животному или к неодушевленному предмету, олицетворяющему человека, с которым мы хотели бы быть близки, а если ничего другого не остается, всегда можно прикасаться к самому себе. Способы использования в качестве такой замены животных, вещей и собственного тела мы обсудим в следующих трех главах.

В мире, полном незнакомцев, мы стремимся в полной мере сохранить тактильные контакты с любимыми людьми, чтобы обеспечить себе душевный комфорт и иметь силы противостоять стрессам. Если вследствие равнодушия или занятости они не хотят или не могут пойти нам навстречу в этом стремлении, мы можем испытывать острый дефицит телесной близости. Если в силу своих морально-нравственных или каких-либо других убеждений родные проявляют излишнюю сдержанность в ласках и полагают, что тактильные удовольствия являются чем-то не совсем само собой разумеющимся, даже в кругу самых близких и любимых людей мы можем оказаться в одиночестве. Однако человек – чрезвычайно изобретательное существо, и, если мы лишены того, чего нам очень недостает, наша находчивость всегда позволит найти ту или иную замену этому.

Если мы не можем найти любовь внутри семьи, то рано или поздно начинаем искать ее в другом месте. У недополучающей должного внимания жены появляется любовник, у мужа – любовница. К сожалению, эти заменители могут стать угрозой сохранения семейной жизни. Они конкурируют с отношениями в семье и иногда полностью вытесняют их. Менее разрушительный альтернативный вариант обсуждался в предыдущей главе – это услуги специалистов, которым в силу характера их профессиональной деятельности дозволено осуществлять телесные контакты. Преимущество данного варианта заключается в том, что они не составляют конкуренцию отношениям в семье. Массаж, при условии что он осуществляется строго в профессиональных рамках, не может служить основанием для развода. Однако профессиональный специалист по прикосновениям во всех отношениях, в том числе в физиологическом, является обычным взрослым человеком и в этом качестве представляет потенциальную сексуальную угрозу. Об этой угрозе редко говорят открыто, и если вспоминают, то, как правило, в шутливом контексте. Тем временем общество налагает все новые и новые ограничения на деятельность в сфере специализированных телесных контактов. Отрицается само их существование. Люди ходят на танцы не для того, чтобы прикоснуться друг к другу, а ради развлечения. Люди посещают врача потому, что подцепили вирус, а не потому, что нуждаются в душевном комфорте. Люди идут в парикмахерскую для того, чтобы сделать прическу, а не для того, чтобы там ласкали им голову. Разумеется, все эти официальные функции вполне законны и важны. Они должны быть таковыми, чтобы за ними могло скрываться стремление к дружескому телесному контакту. В тот момент, когда они утратят свое значение, неудовлетворенная потребность станет слишком очевидной и нам придется искать ответы на некоторые важные вопросы, касающиеся нашего образа жизни, что едва ли вызовет у кого-либо восторг.

На уровне подсознания мы понимаем, что происходит, и поэтому косвенным образом связываем те самые руки, которые могли бы ласкать нас. Мы делаем это, соблюдая условности и кодексы, способствующие уменьшению наших сексуальных страхов. Обычно мы не задумываемся, почему так поступаем, а просто следуем абстрактным правилам этикета и говорим друг другу, что то или иное действие не принято. Не принято указывать пальцем, не говоря уже о прикосновениях. Не принято проявлять чувства.

Так что же нам делать? Ответ на этот вопрос очевиден. Если самые близкие люди неспособны дать нам то, в чем мы нуждаемся, а искать близости у незнакомцев мы опасаемся, наш путь лежит в ближайший магазин домашних животных. Животные не создают проблем и не

задают вопросов. Они лизут наши руки, трутся о наши ноги, спят у нас на коленях. Мы можем обнимать, гладить и даже целовать их.

Традиция содержания домашних животных широко распространена в обществе. В США ежегодно на них тратится свыше 5 миллиардов долларов, в Великобритании – 100 миллионов фунтов, в Западной Германии – 600 миллионов марок ^[10]. Несколько лет назад во Франции этот показатель составлял 125 миллионов франков, но сегодня данная сумма увеличилась уже вдвое.

«Стандартными» домашними животными являются кошки и собаки. В США их 90 миллионов. Каждый час там рождается 10 тысяч котят и щенков. Во Франции свыше 16 миллионов собак, в Германии 8 миллионов и в Великобритании 5 миллионов. Статистические данные о числе кошек отсутствуют, но их наверняка не меньше, чем собак.

Если сложить все эти цифры, получается, что только в четырех упомянутых странах имеется 150 миллионов кошек и собак. Допустим, каждый владелец одного из этих животных ласкает своего питомца в среднем три раза в день, то есть примерно 1000 раз в год. Если умножить этот показатель на 150 миллионов, получится весьма внушительная цифра, которая означает, что огромное число американцев, французов, немцев и англичан вступают в телесные контакты не с другими американцами, французами, немцами и англичанами, а с представителями животного мира.

Мы похлопываем друг друга по спине, обнимаясь, и гладим друг друга по голове, если являемся супругами или любовниками, родителями или детьми. Но этого явно недостаточно, что доказывает наличие в наших домах миллионов кошек и собак. Будучи ограничены культурными нормами в контактах с себе подобными, мы восполняем их телесной близостью со своими любимыми домашними питомцами.

Эта ситуация вызывает в последнее время резкую критику. Один автор, осудив чрезмерное увлечение домашними животными, которое, по его мнению, отражает прискорбную неспособность современных цивилизованных людей близко общаться друг с другом, подчеркнул, что в настоящее время выделяется больше средств на предотвращение жестокого обращения с животными, нежели на предотвращение насилия в отношении детей. Доводы, приводимые в поддержку содержания домашних животных, отвергаются как нелогичные и лицемерные. Аргумент, что это помогает нам изучать образ жизни «братьев меньших», называется бессмысленным ввиду высокой степени антропоморфизма отношений – почти в каждом случае. Домашние любимцы очеловечиваются. Большинство хозяев относятся к ним, как к людям, а не как к животным. Аргумент, что животные беспомощны и нуждаются в нашей помощи, считается односторонним с учетом того, что многие дети страдают от побоев родителей, а жены от деспотичных мужей. Почему в наш просвещенный век люди допускают, чтобы в военных конфликтах погибали и получали ранения сотни тысяч детей, в то время как наши кошки и собаки ни в чем не нуждаются и пользуются квалифицированной медицинской помощью? Как случилось, что в XX веке во время войн погибли 100 миллионов человек, в то время как миллиарды долларов тратятся только на питание домашних животных? Почему мы намного добрее к представителям других видов, нежели к себе подобным?

Это убедительные доводы, и от них нельзя отмахнуться, но они содержат существенный изъян. Безусловно, нянчиться с кошкой и игнорировать ребенка – это чудовищно, и такое действительно иногда случается. Но использовать это как аргумент против заботы о кошке просто глупо. Весьма сомнительно, чтобы кошка «крала» ласки у ребенка. Если по какой-либо причине малыш не получает любви от родителей, отсутствие домашнего животного едва ли исправит эту ситуацию. Почти всегда такому любимцу отводится роль либо дополнительного источника телесных контактов, либо заменителя людей для осуществления этих контактов, если их по какой-то причине нет. Утверждение, что то самое внимание, которое уделяется животным,

недополучают люди, абсолютно несправедливо.

Представьте на минуту, что какая-нибудь эпидемия уничтожит всех домашних животных. На что будет направлена человеческая любовь к ним? На окружающих? Как это ни печально, вероятнее всего, нет. Миллионы людей, многие из которых одиноки и не могут, по разным причинам, иметь близкие отношения с себе подобными, лишатся единственного источника телесных контактов. Пожилая дама, жившая одна со своими кошками, вряд ли начнет ласкать почтальона. Маловероятно, что мужчина, привыкший гладить по голове свою собаку, в ее отсутствие будет чаще гладить по голове своего сына-подростка.

Действительно, члены идеального общества не нуждаются в подобных заменителях или дополнительных источниках близости, но запретить содержать домашних животных – это все равно что пытаться лечить симптомы, а не искать причину болезни. Даже в идеальном, наполненном любовью и свободном от ограничений на телесную близость обществе мы будем уделять много времени своим домашним питомцам – не в силу необходимости, а ради дополнительного удовольствия, и эти отношения ни в коем случае не будут конкурировать с нашими отношениями с другими людьми.

Заключительный довод в защиту домашних животных таков: если мы способны проявлять нежность к животным, это по крайней мере свидетельствует о нашей способности проявлять нежность вообще. Однако вновь возникает вопрос: коменданты концлагерей тоже были добры к своим собакам, так что же это доказывает? Лишь то, что даже гнусные человеческие существа могут быть нежными. То, что совпадение этой нежности к животным с жестокостью к людям возмущает нас до глубины души и делает эту жестокость еще более ужасной, не должно заслонять от нас сам факт. Он служит постоянным напоминанием о том, что человек, если он не испорчен, как это ни парадоксально звучит, дикостями цивилизации, по природе своей наделен большим потенциалом нежности и стремления к телесной близости. Если вид людей, ласкающих своих домашних питомцев, убеждает нас в том, что они являются существами, способными любить и стремящимися к близким контактам, уже одно это служит ценным уроком, о котором следует всегда помнить, тем более в мире, становящемся с каждым годом все более безличным и бессердечным. Если люди в силу обстоятельств бывают безжалостны, нам нужны доказательства того, что так не должно быть, что это не является естественным состоянием человека. Раз способность любить домашних животных служит таким доказательством, благонамеренным критикам стоит хорошо подумать, прежде чем обрушиваться с нападками на эту добрую традицию, какой бы неразумной она ни казалась с определенных точек зрения.

Какова же природа телесных контактов человека с животными? Почему, к примеру, мы похлопываем собаку и гладим кошку, но редко поступаем наоборот? Почему животное одного вида вызывает желание вступить с ним в контакт одного типа, а животное другого вида в контакт другого типа? Чтобы получить ответ на эти вопросы, рассмотрим анатомию соответствующих видов. Домашние животные выступают в роли заменителей людей-компаньонов, и, следовательно, их тело заменяет человеческое. Однако с анатомической точки зрения эти тела сильно различаются. Собака не способна обнять нас лапами. И кошку мы не можем заключить в объятия, потому что даже самая большая не крупнее ребенка, но при этом мягкая и гибкая. Значит, нам приходится корректировать свои действия соответствующим образом.

Начнем с собак. Нам хочется обнять своего любимца, но поскольку собачьи лапы препятствуют этому, приходится ограничиваться элементом похлопывания, входящим в комплекс «объятие – похлопывание». Протянув руку, мы похлопываем питомца по спине, голове или по боку. У большой собаки спина достаточно широкая, поэтому она вполне пригодна для замены

человеческой.

С кошками все иначе. Они невелики, и их тело не очень подходит для энергичного похлопывания. На ощупь шелковистая кошачья шерсть больше похожа на волосы человеческой головы, нежели собачья. Мы склонны гладить волосы любимого человека, стало быть, интуитивно погладим и кошку. Точно так же, как собачья спина заменяет нам человеческую спину, кошачья шерсть заменяет нам человеческие волосы.

Может сложиться впечатление, что мы автоматически похлопываем собак и гладим кошек. Но все не так просто. Это связано исключительно с особенностями строения, присущими домашней собаке и домашней кошке. Тот, кто имел дело с прирученным гепардом, львом или тигром, знает, что в данном случае ситуация меняется. Хотя все эти звери относятся к кошачьим, у них широкая спина, больше напоминающая спину собаки, нежели их родственницы кошки. И шерсть у них жесткая, как у собаки. Поэтому их похлопывают, а не гладят. В то же время крошечную комнатную собачку с длинной мягкой шерстью ласкают, как кошку.

Лошадей, как и собаку, тоже похлопывают, но, как правило, не по спине, а по шее. Лошадиная шея – идеальная замена человеческой спине, поскольку она располагается примерно на одинаковой с ней высоте. В этом отношении лошадь предпочтительнее собаки, чья шея маловата для похлопывания. Кроме того, рост лошади очень комфортен для контакта головы с головой, тогда как в случае с собакой приходится либо наклоняться к ней, либо поднимать ее. Нередко можно видеть, как любитель лошадей стоит, прижавшись головой к морде животного и обнимая руками его шею.

Для многих людей домашний любимец заменяет не просто компаньона, а ребенка. В этом случае имеют значение размеры животного. С кошками в этом плане нет никаких проблем, но «классическая» собака слишком велика, поэтому селекционеры специально выводили породы маленьких размеров, сопоставимых с размерами ребенка. Таких собак, подобно кошкам, кроликам и маленьким обезьянкам, можно брать на руки, не прилагая особых усилий, так как это наиболее популярная форма телесного контакта с домашними животными. Результаты анализа большого массива фотографий, изображающих владельцев домашних животных со своими питомцами, свидетельствуют о том, что в 50 % случаев животное держат на руках, как если бы это был малыш. Второе место с показателем 11 % занимает похлопывание. Далее следуют полюбование одной рукой (7 %) и близкий к нему по показателю контакт щеки с телом животного, обычно в зоне головы. Еще один часто встречающийся контакт – поцелуй в губы (5 %), причем целуют всех, от попугаев до китов. Кто-то может подумать, что кит мало подходит на роль объекта интимных телесных контактов. Капитан Ахаб^[11] наверняка пришел бы в изумление, узнав, что девушка способна целовать кита, но в последнее время подобные картины в океанариумах нередки. Дрессированные киты и их более мелкие родственники дельфины стали главными любимцами публики. Округлые лбы, ассоциирующиеся с лобастой головой младенца, вызывают непреодолимое желание прикоснуться к ним, пощекотать и погладить, когда улыбающиеся морды выныривают из воды у бортика бассейна.

Ручных птиц, таких как голуби и попугаи, часто подносят к лицу и прижимают к щеке, чтобы ощутить мягкость их оперения. Кроме того, их нередко кормят изо рта в рот. Поскольку размеры пернатых исключают объятие и похлопывание, контакты сводятся к поглаживанию пальцем и почесыванию за ухом.

Чем ниже мы опускаемся по эволюционной лестнице, тем меньше остается у нас возможностей для интимной близости. У большинства людей прикосновения к рептилиям, амфибиям, рыбам и насекомым вызывают неприятные ощущения. Черепаху, обладающую гладким, твердым панцирем, еще иногда гладят, но ее чешуйчатые родственники не вызывают ни малейшего желания вступить с ними в дружеский телесный контакт. Исключением, по всей

вероятности, являются лишь гигантские удавы. Должным образом прирученный питон может дать своему хозяину то, чего не даст ни кошка, ни собака, а именно полное объятие. Обернувшись кольцами вокруг человека, он сокращает и расслабляет свои мышцы, совершая волнообразные движения, что создает ощущение, которое невозможно описать словами. Его можно только испытать. Однако вследствие необычности их способа питания и скверной репутации, которой они пользуются со времен скандала в Эдеме, не говоря уже об ужасе, испытываемом нами перед их более мелкими и очень ядовитыми родственниками, большие змеи никогда не были особо популярны в качестве домашних питомцев, даже среди людей, жадных до объятий.

Случаи интимных телесных контактов с рыбами практически неизвестны, если не считать чувственные поцелуи в руку, осуществляемые ручными гигантскими карпами, когда они выныривают из воды, прося пищу. Эти рыбы так широко разевают рот, что даже пролетающая мимо птица может соблазниться возможностью короткого интимного контакта с ними. Я видел фотографию, на которой изображен вьюрок, запикивающий в широко разинутый рот такого карпа насекомых, явно предназначенных для птенцов. Если птица не устояла перед соблазном такого странного телесного контакта, что уж говорить о человеке...

До сих пор мы рассматривали только дружеские и родительские телесные контакты, но у некоторых людей тесное общение с животными представляет собой сексуальное взаимодействие. Такие случаи нечасты, но они имеют долгую историю и ссылки на них встречаются в искусстве и литературе с древних времен. Они делятся на две категории. Либо мужчина совокупляется с животным, как правило, домашним, либо происходит мастурбация. В последнем случае мужчина или женщина понуждают животное вступать с ним или с ней в орально-генитальный контакт, чтобы достигнуть сексуального возбуждения. Столь противоестественные контакты красноречиво свидетельствуют о степени отчуждения между людьми, которые, по всей видимости, существовали в обществе. Тем не менее, если вспомнить, как миллионы наших современников гладят, берут на руки и целуют своих питомцев, стоит ли удивляться, что в очень редких случаях телесная близость с животными принимает столь экстравагантные формы?

Когда речь идет о контактах между людьми и животными, как правило, подразумеваются домашние и сельскохозяйственные животные. Однако контролируемые человеком животные в больших количествах содержатся также в зоопарках и исследовательских лабораториях. Там тоже бывают контакты, которые не всегда встречают одобрение в обществе.

Посетители зоопарка хотят не только увидеть зверей, но и дотронуться до них, и это последнее желание столь велико, что является постоянной головной болью для администрации. Об этом наглядно свидетельствует официальная документация медицинской части любого крупного зоопарка. На каждую вывихнутую лодыжку или порезанный палец здесь приходится одна укушенная рука либо расцарапанное лицо. Иногда повреждения, причиняемые обитателями зоопарка его посетителям, бывают весьма серьезны, но их причиной редко становится беспечность со стороны служащих. Достаточно привести два характерных примера. В медицинскую часть крупного зоопарка прибежала женщина с орущим ребенком, у которого была искалечена кисть руки. Пока ему оказывали помощь, выяснилось, что он умолял мать, чтобы та разрешила ему дотронуться до взрослого самца гориллы. Уступив его просьбам, женщина взяла сына под мышки и перенесла за защитный барьер с табличкой, предупреждавшей об опасности животного, чтобы малыш мог просунуть руку сквозь прутья клетки. Обезьяна неправильно истолковала дружественный жест и не раздумывая впилась зубами в руку ребенка. Несмотря на очевидность собственного неблагоразумия, женщина пыталась возложить вину за это прискорбное происшествие на администрацию зоопарка.

Во втором случае пожилой джентльмен вознамерился в том же самом зоопарке непременно приласкать... тигрицу. Несмотря на пытавшихся удержать его служащих, мужчина перепрыгнул через защитный барьер, но при этом сломал ногу, и его пришлось отправить в больницу. Пока он находился на излечении, тигрицу отправили в другой зоопарк для спаривания. Выписавшись, неугомонный любитель кошачьих вновь появился в зоопарке, подошел к знакомой клетке и увидел в ней леопарда. Он пришел в ярость и отправился к директору, чтобы спросить, куда тот дел его подругу. Директор вначале оторопел, но после разговора с посетителем выяснил, что этот несчастный человек недавно потерял жену, с которой прожил в любви и согласии долгие годы, и перенес свою привязанность на ту самую тигрицу. Поскольку это животное, по его мнению, стало воплощением покойной жены, он хотел установить с ней контакт в этой новой форме, даже рискуя жизнью.

Это крайние проявления поведения, но их можно увидеть в зоопарках по всему миру. Если желание прикоснуться к другому человеческому существу является неосуществимым либо вследствие личной трагедии, либо в силу культурного табу, почти всегда находится способ осуществить его, каковы бы ни были последствия.

И наконец обратимся к четвертой категории контактов между людьми и животными, осуществляющихся в мире науки. В исследовательских лабораториях в ходе медицинских исследований ежегодно погибают миллионы животных, и контакты между научными сотрудниками и объектами их интереса вызывают в последнее время все более ожесточенные дебаты. Ученый не испытывает к подопытному животному никаких чувств – ни любви, ни ненависти. Его позиция проста: если он может уменьшить человеческие страдания, принеся в жертву жизни подопытных мышей, у него нет иного выбора. Он избежал бы этого, если бы имел такую возможность, но он ее не имеет и отказывается ставить жизнь животных выше жизни людей. Однако правомочность такой позиции довольно часто яростно оспаривается.

Лучше всего мнение ее многочисленных противников отражают слова Джорджа Бернарда Шоу: «Если вы не можете достигнуть знания, не мучая при этом собаку, вы должны действовать без знания». Более умеренный взгляд на эту проблему высказывают те, кто считает, что часто эксперименты с использованием лабораторных животных бессмысленны, их результаты бесполезны во всех отношениях, а проводятся они исключительно ради удовлетворения праздного любопытства представителей академического мира. Как это ни удивительно, подобное мнение высказал и Чарлз Дарвин в письме к одному знаменитому зоологу: «Физиологический эксперимент на животных оправдан при проведении реального исследования, но только не тогда, когда он ставится из мерзкого любопытства». Позже кто-то из практикующих психологов указывал на то, что «Одним из последствий навязчиво поведенческого и механистического подхода является очевидная черствость при проведении экспериментальной работы с низшими животными, зачастую при отсутствии достойной цели».

В XX веке из года в год число разрешенных экспериментов над животными возрастало. В Великобритании в 1910 году оно составляло 95 тысяч, к 1945 году превысило 1 миллион, а в 1969 году достигло 5,5 миллиона, и проводили их 600 учреждений. Широкие масштабы этой деятельности начали вызывать комментарии в политических кругах, и в 1971 году один из членов британского парламента выступил с протестом: «Я знаю, что целью этих экспериментов является сохранение человеческих жизней, но у меня возникает вопрос: достойна ли сохранения человеческая раса, использующая в достижении научного прогресса столь аморальные методы?»

Необходимо разделить два типа критики в этих и других замечаниях относительно широкомасштабного использования животных в научных исследованиях. Первый тип – антропоморфный, согласно которому животные рассматриваются в качестве символических людей, вследствие чего отвергается идея причинения им боли в каких бы то ни было целях, а

второй – гуманитарный, и согласно ему животные считаются *подобными* людям в том, что способны испытывать страх, боль и горе, и отвергается идея, что они могут страдать в человеческих руках. Впрочем, второй тип допускает некоторую степень страданий, но только если они сведены к минимуму и только если исследования имеют целью уменьшение еще больших страданий.

Ученые отвечают на эти два типа критики следующим образом. В первом случае говорят: «Скажите это матери, чей ребенок стал жертвой приема талидомида – транквилизатора с очень вредным побочным эффектом, который при употреблении во время беременности оказывает разрушительное воздействие на плод. Если бы было проведено больше экспериментов на животных, он родился бы здоровым». Или: «Скажите это матери, чей ребенок умер от дифтерии. Еще несколько лет эта болезнь ежегодно уносила жизнь нескольких тысяч детей, но сейчас благодаря вакцине, разработанной исключительно в результате экспериментов над животными, она практически исчезла». Или: «Спросите у матери ребенка, больного полиомиелитом, какие чувства она испытывает по поводу того факта, что каждые три дозы вакцины, которая могла бы спасти ее дитя, стоят жизни лабораторной обезьяне».

Противники вивисекции полагают, что пусть лучше умирают или страдают дети, чем подопытные крысы. Их заботит судьба животных, и в то же время они проявляют удивительную черствость по отношению к людям. Эта ситуация перекликается с ситуацией с домашними животными, но здесь есть существенное отличие. К домашним питомцам и людям вполне можно проявлять доброту в равной мере. Одно не исключает другое, и, как мы уже видели, аргументы против содержания домашних животных весьма неубедительны. Но в данном случае невозможно быть одинаково добрым и к подопытным мышам, и к детям. Необходимо сделать трудный выбор.

В отношении более умеренной критики второго типа ученые говорят: «Мы согласны, что страдания животных нужно сводить к минимуму, но это не так просто. В последнее время многое делается для того, чтобы эксперименты были как можно менее болезненными и чтобы этим процедурам подвергалось как можно меньше животных, а там, где возможно, вообще обходились без них. Благодаря этому можно ожидать, что число животных, ежегодно погибающих в лабораториях, будет неуклонно снижаться». Однако, как показывают приведенные мною цифры, все это далеко от истины. Более щадящие методы внедряются отнюдь не повсеместно, а исследовательские программы приобретают все более широкие масштабы. Кроме того, по словам специалистов, одна из основных проблем состоит в том, что эксперименты невозможно ограничить теми сферами, которые непосредственно и очевидно связаны с конкретными формами страданий. Многие из величайших и наиболее полезных открытий совершаются в результате экспериментов над животными в ходе чистых, а не прикладных исследований. Утверждение, что опыты над животными не должны проводиться, поскольку в данный момент их результаты не имеют очевидного применения в медицине, равносильно попытке застопорить научный прогресс в целом.

Этот тезис вызывает все большее беспокойство у наименее эмоциональных и наиболее образованных критиков. Как далеко, выражаясь словами Дарвина, должны зайти «реальные исследования», прежде чем на сцене появляется «мерзкое любопытство»? При чтении некоторых научных журналов, особенно по экспериментальной психологии, невозможно избавиться от ощущения, что кое-кто из исследователей зашел слишком далеко. Именно они порождают в обществе сомнения относительно целесообразности научных исследований в целом. Часть экспертов считают, что пришло время радикально пересмотреть многие исследовательские проекты, иначе в долгосрочной перспективе научному прогрессу будет причинен большой ущерб.

Зададимся вопросом, почему контакты между человеком и животным в лаборатории вызывают столь ожесточенные споры и такую сильную озабоченность. Ответ вполне и даже слишком очевиден: хотя и соглашаясь с тем, что эти действия оправданны и необходимы, мы не можем смириться с мыслью, что человек причиняет животному страдания. Ну а как быть с тем, кто, обнаружив у себя на кухне мышь или крысу, убивает ее палкой, или с тем, кто оставляет на кухне приманку с ядом, обрекая ту же мышь или крысу на смерть? Мы не критикуем их. У нас не учреждаются общества защиты синантропных грызунов – мышей и крыс, населяющих наши жилища, но именно эти животные, только используемые в научных экспериментах, вызывают столько комментариев. Умерщвление дикой крысы одобряется, так как она может быть источником инфекции, а лабораторной порицается, хотя ее смерть тоже способствует предотвращению распространения болезней.

Чем объяснить такую непоследовательность? Очевидно, что это мало связано, если так можно выразиться, с нашей объективной заботой о благополучии крыс – синантропных или ручных. Если бы нас действительно волновала судьба лабораторной мыши как уникальной формы животной жизни, мы бы не обрушивались с такими ожесточенными нападками на ее мучителей. Нет, просто наша реакция намного сложнее, нежели мы можем представить. Мы реагируем на дикую крысу как на агрессора, вторгшегося на нашу суверенную территорию, и чувствуем себя вправе защищать эту территорию всеми доступными средствами. Ну а как насчет лабораторной? Не ее ли предки принесли нам эпидемию чумы? Да, действительно, но сейчас она выступает в новой роли, и мы должны понимать, в чем заключается эта роль, если хотим понять природу эмоций, вызываемых у нас ее смертью.

Начнем с того, что лабораторная крыса более не бич, а слуга человечества. Отношение к ней сравнимо с отношением врача к пациенту, которого он готовит к операции, но затем, в экспериментальных целях, ее заражают раком те же самые руки, которые давали ей корм. Специфичны и отношения между фермером и принадлежащим ему домашним скотом. Он заботится о животных, а потом убивает их. Тем не менее мы не осуждаем его поведение, как не осуждаем действия человека, травящего крыс на своей кухне. Так что же мы имеем? Последовательность отношений между человеком и животным в лаборатории предусматривает заботу, а затем причинение боли и смерть. Последовательность отношений между человеком и животным на ферме предусматривает заботу, а потом типовое умерщвление. Последовательность отношений между человеком и животным на кухне предусматривает причинение боли и смерть. Другими словами, мы не возражаем против умерщвления после заботливого обращения или после причинения боли, но возражаем против причинения боли после заботливого обращения. Роль лабораторной крысы в исследовательской работе сравнима с ролью преданного слуги, которого ценит хозяин, но лишь до тех пор, пока его смерть не станет выгодна. Эта аллегория предательства и является причиной всех проблем.

Противники экспериментов над животными горячо оспаривают такую интерпретацию, утверждая, что они думают именно о крысе, а не об этих символических отношениях. Но если только они не строгие вегетарианцы, в буквальном смысле слова не способные обидеть муху, то это заблуждение. Если эти люди когда-либо принимали медицинскую помощь, значит, они лицемеры. Однако, если они честны, то признаются, что на самом-то деле их заботит *предательство близости*, присущее символическим отношениям между человеком и лабораторной крысой.

Теперь следует пояснить, почему я уделил столько внимания этому образцу человеческого поведения, который на первый взгляд не имеет никакого отношения к теме настоящей книги. Проблема экспериментаторов состоит в том, что им, чтобы успокоить общественность, снова и снова приходится рассказывать, как хорошо они обращаются с лабораторными животными и как

замечательно тем живется в чистых светлых клетках в ожидании исполнения возложенной на них важной миссии. Их противников больше всего как раз и возмущает резкий контраст между этими условиями и тем, чем такая жизнь в итоге кончается. Ибо, как мы видели на протяжении всей книги, забота означает доверие, и крыса, в качестве символического слуги, полностью доверяет своему хозяину, который, сначала хорошо обращаясь с ней, по истечении определенного времени причиняет ей боль и заражает смертельной болезнью. Если бы это предательство случилось изредка и по суперсерьезной причине, большинство критиков, пусть и неохотно, мирились бы с такой необходимостью, но, поскольку подобное происходит миллионы раз каждый год, они не могут спокойно относиться к столь многочисленным фактам эмоционального предательства. Если человек способен умышленно причинять боль животному, которое ему доверяло и с которым он совсем недавно заботливо обращался, как можно доверять ему в личностных отношениях? Как может он хорошо относиться к своим настоящим детям, если постоянно обманывает своих лабораторных «детей»? Именно подобные опасения не дают покоя противникам проведения экспериментов с животными, хотя они остаются невысказанными.

Данная иллюстрация имеет определенное сходство с уже упоминавшейся – о коменданте концлагеря, который хорошо обращался со своей собакой и обрекал на смерть узников. В том случае доброта по отношению к животным служила для нас свидетельством того, что даже чудовище в человеческом облике не лишено способности испытывать нежные чувства. В данном случае все наоборот: человек, добрый по отношению к людям, в то же время способен причинять боль подопытным животным. Нас пугает именно этот контраст. Глядя, как добродушного вида военный похлопывает по спине свою собаку, мы не можем не думать о том, способен ли он отдать приказ вести огонь по людям. Глядя на счастливого отца, играющего со своими детьми, мы не можем не думать о том, способен ли он проводить эксперименты с животными. Мы начинаем путаться в системе ценностей. Наша вера в связующую силу телесной близости начинает колебаться, и мы восстаем против того, что называем жестокостью науки.

Нам прекрасно известно, что этот бунт не оправдан, поскольку научные исследования приносят человечеству огромную пользу, но их сущность в корне противоречит нашим понятиям о значении близких отношений, и мы ничего не можем с собой поделать. Тем не менее, заболев, мы бежим в аптеку за таблетками и не вспоминаем о лабораторных животных, которые умерли в ходе разработки этих таблеток.

Данная ситуация сложна для широкой общественности, но не представляет никакой сложности для ученых, ибо они не видят в своих отношениях с лабораторными животными никакого символизма. Исповедуя безжалостно объективный подход к своей работе, они еще на студенческой скамье преодолели эмоциональные трудности. Если они проявляют заботу о подопытных животных, то только для того, чтобы те оптимально соответствовали требованиям, предъявляемым к экспериментальным образцам, а не для того, чтобы удовлетворить свою эмоциональную потребность в телесной близости. Иногда это требует самодисциплины, поскольку даже при самом строгом интеллектуальном контроле телесные контакты способны сформировать привязанность. Подчас в большой лаборатории можно увидеть стоящую где-нибудь в углу клетку с жирным кроликом, ставшим своего рода талисманом данного учреждения, к которому все относятся как к домашнему питомцу и никто не помышляет использовать его в экспериментах. Этот кролик уже выступает совершенно в иной роли.

Людям, не принадлежащим к миру науки, провести такую грань трудно. Для них все животные – обитатели Диснейленда. Если они расширяют собственные горизонты с помощью документальных телевизионных фильмов и начинают забывать игрушечные образы зверюшек своего детства, это происходит в компании не специалистов фармакологических компаний, а

натуралистов, которые наблюдают за жизнью животных, а не манипулируют ею.

Таким образом, проблема экспериментатора остается неразрешенной. Подобно хирургу, оперирующему пациентов, чтобы спасти им жизнь, он старается улучшить чью-то участь, но в отличие от хирурга не получает за это благодарности. Подобно хирургу он объективен и чужд эмоциям на работе. И в том и в другом случае чувствительность была бы губительна. В случае с хирургом это менее очевидно, поскольку за пределами операционного блока он может играть роль заботливого целителя. В операционной же этот специалист обращается с телами пациентов хладнокровно и беспристрастно. Если бы сие было не так, нам всем пришлось бы рано или поздно пострадать из-за этого. Если бы экспериментатор привязался к лабораторным животным и начал относиться к ним как к домашним питомцам, очень скоро он просто не смог бы проводить исследования, результаты которых помогают людям противостоять болезням. Он бы пришел в ужас от того, чем ему приходится заниматься. Точно так же, если бы хирург позволял себе проникаться сочувствием к страданиям пациентов, скальпель в его руке мог бы однажды дрогнуть... Если бы лежащие на операционном столе слышали разговоры врачей, они, наверное, были бы поражены их порой шутливым, порой деловитым тоном и оказались бы неправы. Высочайшая интимность проникновения в тело другого человека острым инструментом требует полного отключения чувств от происходящего. Если бы хирург проявлял во время операции эмоции, следующий близкий телесный контакт у его пациентов происходил бы с сотрудниками похоронного бюро.

В этой главе мы рассматривали использование живых заменителей людей в жаждущем телесных контактов мире. Если такие действия любовны, как в случае с поглаживанием и похлопыванием домашних питомцев, они доставляют большое удовольствие, но если контакты не согреты любовью, как в случае с лабораторными животными, то и никакого удовольствия нет. В целом на них приходится множество случаев тактильного взаимодействия, и в этом отношении представители фауны имеют для нас большое значение. Говоря о содержании домашних животных, мы подразумевали, что их владельцами являются взрослые люди, но дети старшего возраста тоже активно контактируют с ними, проявляя в подражание папам и мамам псевдородительскую заботу о них. Поскольку кошки и собаки, как правило, считаются псевдодетьми настоящих родителей, зачастую юные псевдородители больше привязаны к представителям других видов, к которым взрослые обычно относятся с пренебрежением – кроликам, морским свинкам и черепахам. Эти животные, не испорченные суперлаской, представляют отдельный, более закрытый, мир, где юные псевдородители могут найти замену человеческим телесным контактам.

На долю маленьких детей остаются игрушечные животные, которые заменяют заменителей. Они любят их, как если бы те были живыми существами, и испытываемая ими привязанность к плюшевым мишкам не менее сильна, чем привязанность старших братьев и сестер к любимому кролику или обожаемому попугаю. У многих девочек любовь к мягким игрушечным животным сохраняется даже тогда, когда они становятся взрослыми. На одной газетной фотографии, запечатлевшей освобожденных пассажиров захваченного террористами самолета, девочка-подросток судорожно прижимает к себе плюшевого медвежонка Тедди, и это говорит о многом. Когда у нас возникает сильная потребность в успокаивающем телесном контакте, для этого подойдет даже неодушевленный предмет, и это тема следующей главы.

Использование неодушевленных предметов

На рекламном щите в Цюрихе висит большой плакат с двумя изображениями одной и той же мужской головы, располагающимися рядом друг с другом. Головы идентичны, за исключением характерной детали: во рту одной – сигарета, во рту другой – детская соска. Предполагается, что смысл очевиден, поскольку изображения не сопровождаются ни единым словом. Не осознавая этого, дизайнеры сказали о значении курения гораздо больше, нежели намеревались. Они наглядно и весьма красноречиво объяснили, почему тысячи людей готовы подвергать себя риску тяжелых заболеваний и даже мучительной смерти.

Разумеется, плакат призван пристыдить взрослых курильщиков, заставить их почувствовать себя малыми детьми, но его содержание можно интерпретировать и в противоположном смысле. Если мужчина с соской во рту получает благодаря ей какое-то успокоение, подобно ребенку, это означает, что он выглядит инфантильным. Что ж касается другой головы, здесь проблема решена. Как и соска, сигарета приносит успокоение, но элемент инфантильности при этом отсутствует. Если содержание плаката интерпретировать так, оно может восприниматься как поощрение курения для тех, кто еще не открыл для себя его успокаивающий эффект. Курите, и сможете успокаиваться, не выглядя при этом незрелыми!

Даже если мы не будем превратно истолковывать благонамеренный посыл подобным образом, он все равно свидетельствует о серьезности проблемы курения, которая приобрела глобальные масштабы. Этот вопрос привлек к себе серьезное внимание лишь в последнее время. Во многих странах была проведена кампания по предупреждению курящих об опасностях, которым они подвергаются, наполняя свои легкие канцерогенным дымом. На телевидении запретили рекламу сигарет, провели многочисленные дискуссии на тему, как не допустить приобщения детей к этой пагубной привычке, и т. д. Эффект был двояким: некоторые бросили курить, но многие другие настолько встревожились, что стали выкуривать лишние сигареты, дабы хоть как-то успокоиться. Другими словами, хотя наконец данная проблема была признана очень тревожной, решится она, судя по всему, нескоро. Просто говорить людям, что они не должны что-то делать, поскольку это вредно, мера явно недостаточная, способная давать результаты лишь в краткосрочной перспективе. Это все равно что с помощью войн решать проблему перенаселенности земного шара. Погибнут миллионы людей, но как только военные действия закончатся, рождаемость сразу повысится, и численность населения вновь резко возрастает. Точно так же во время каждой антитабачной кампании тысячи людей бросают курить, но после ее завершения акции производителей табачных изделий очень скоро вновь взлетают вверх.

Самая большая ошибка организаторов таких кампаний в том, что они редко задаются очевидным вопросом: почему люди курят? Судя по всему, они думают, что это связано с наркотической зависимостью от никотина. Такая зависимость у курильщиков действительно формируется, но главным фактором является не она. Причину пристрастия к табаку у многих следует искать в чем-то ином. Если вспомнить плакат из Цюриха, можно предположить, что она заключается в оральной интимной близости, возникающей, когда губы зажимают какой-либо предмет. Пока данный аспект курения не будет должным образом изучен, наше общество, страдающее от стрессов и жаждущее душевного комфорта, едва ли избавится от этой привычки.

В этой главе рассматривается использование неодушевленных предметов в качестве

заменителя человека, если необходим телесный контакт. Исследуя этот феномен, мы удаляемся еще на один шаг от первоначального источника – близости с близкими. Первый шаг привел нас к близости с малознакомыми людьми (представители профессий, подразумевающих прикосновения), второй – к близости с живыми заменителями (домашние животные), и теперь, сделав третий, мы оказались в мире неодушевленных предметов, имеющих потенциал близости. Их много и помимо сигареты, но мы начнем именно с нее, поскольку это возвращает нас к тому самому моменту, когда измученная мать запикивает резиновый заменитель своего соска в рот надрывающегося от крика младенца.

Пустышку иногда называют глухим соском, поскольку в ней отсутствует отверстие, но это все равно суперсосок, не дающий молока, зато сулящий замечательные ощущения. Пустышки – в том или ином виде – использовались на протяжении столетий, но не так давно впали в немилость, поскольку стали считаться источником инфекции. Потом они вернулись в обиход, и сегодня даже врачи довольно часто рекомендуют дать беспокойному ребенку пустышку. Дети, которым с раннего возраста дают соску, вряд ли приобретут привычку сосать палец (очевидная альтернатива при отсутствии соска, когда требуется успокоение). Кроме того, сейчас никто не считает, что соска негативно влияет на прикус, а недавние исследования продемонстрировали то, что многим матерям уже давно было известно: соска действительно обладает значительным успокаивающим эффектом. «Непитательное сосание», как это называется официально, изучалось с участием большой группы детей. Выяснилось, что через 30 секунд после того, как им давали соску, уровень их крика снижался до одной пятой первоначального значения, а интенсивность движений руками и ногами уменьшалась наполовину. Даже при отсутствии активного сосания наличие суперсоска во рту ребенка оказывает успокаивающее воздействие. Если малыш находится в полусонном состоянии и перестает сосать, удаление соски из его рта очень часто вызывает плач.

Все сказанное лишней раз подтверждает тот факт, что присутствие какого-либо предмета между губ человека способствует обретению им душевного комфорта, поскольку имитирует контакт с его изначальной защитницей – матерью. Это форма символической интимной близости, и при виде пожилого человека, с довольным видом сосущего мундштук трубки, становится ясно, что она остается с нами на всю жизнь.

Для взрослого «сосунка» важно, чтобы никто не догадывался, чем он на самом деле занимается. Отсюда, кстати, посыл цюрихского плаката. Детская соска приносила бы находящемуся в состоянии стресса человеку успокоение, как ничто другое, если бы только не придавала ему инфантильный вид. Значит, он вынужден использовать разного рода замаскированные соски. Сигарета в этом отношении – идеальный вариант, поскольку является атрибутом взрослого человека. Запрет на курение для детей означает, что это не только не младенческое, но и не детское занятие, и поэтому не имеет ничего общего с сосанием соски. Сигарета даже больше напоминает на ощупь сосок материнской груди, нежели пустышка, поскольку она мягче. Иллюзию усиливает и ощущение того, что что-то всасывается из ее конца и проходит по горлу: теплый табачный дым символизирует теплое материнское молоко.

Многие курильщики, вставляя сигарету в рот или вынимая ее оттуда, касаются пальцами наружных краев губ, имитируя тем самым прикосновение материнской руки. Некоторые надолго оставляют сигарету во рту, затягиваясь лишь время от времени. Те периоды, когда они не затягиваются, сходны с периодами полусонного состояния младенца, который просто держит соску во рту. Другие курильщики, вынимая сигарету изо рта, мнут ее между пальцами вместо того, чтобы положить в пепельницу. Желтые «никотиновые» пальцы служат наглядным свидетельством стремления держаться за неодушевленный предмет, с которым был тактильный контакт, даже когда он не используется по прямому назначению.

Есть и супервариант – сигара с гладким округлым кончиком. В ходе торжественной церемонии закуривания этот «глухой» сосок обрезают с помощью специального ножа, что открывает доступ в рот успокоительного потока теплого дыма – суррогата молока. Некоторые жертвуют осязаемой мягкостью сигареты в пользу твердости и гладкости мундштука или трубки, ведь с ними язык может играть, как с материнским соском или резиновой соской. Удивительно, что никто не додумался использовать приспособление, которое было бы одновременно мягким и гладким, скажем, резиновый мундштук, хотя, впрочем, оно выглядело бы слишком похожим на сосок или пустышку и вызывало бы соответствующую ассоциацию.

Широкое распространение курения во всем мире свидетельствует о большой потребности в действиях, символизирующих телесную близость. Если мы хотим избавить человечество от разрушительных побочных эффектов этой пагубной привычки, нужно либо снизить уровень стресса населения до приемлемого значения, либо найти ей альтернативу. Поскольку первый вариант решения проблемы представляется малоперспективным, ставку следует сделать на второй. Уже были предложены и даже испытаны пластмассовые сигареты, но, судя по всему, их эффективность недостаточно высока. В этом решении не учтены такие важные факторы, как нагревание и «сосательные» свойства настоящих сигарет. Кроме того, они не предусматривают какой-либо официальный предлог, необходимый для того, чтобы это средство стало приемлемым. Да, многие люди сосут кончик карандаша, ручки, спички, дужку очков, но все эти предметы имеют другие «официальные» функции. Что же касается пластмассовой сигареты, она неизбежно будет вызывать ассоциацию с детской соской-пустышкой. Нужно найти другой вариант, и он, по всей видимости, должен стать предложением производителей табачной продукции. Может быть, это будут сигареты с синтетическим или травяным табаком, курение которого не причинит никому вреда? Исследования в этом направлении уже проводятся, и, возможно, самым ценным результатом пропагандистских кампаний по борьбе с курением станет ускорение таких работ. С учетом того, насколько глобальна проблема курения, о чем речь шла выше, сие, по всей вероятности, единственный правильный путь.

Те, кто бросил или пытается бросить курить, жалуются, что они быстро набирают вес. Это кое-что говорит о свойствах некоторых типов питания. Откусывание и сосание кусков съестного в значительной мере связаны с символическими орально-телесными контактами, а не с приемом пищи в прямом смысле слова. Когда у бросившего курить человека, которому очень не хватает сигареты, неожиданно возникает потребность в успокоении, он сует в рот, лишившийся привычного соска, что-нибудь съедобное. Леденцы и другие сласти – еще один закамуфлированный заменитель материнского соска. Для большинства из нас они заполняют брешь между младенческой соской и взрослой сигаретой. Кондитерский магазин – это мир ребенка. Слишком взрослый, чтобы сосать резиновую соску, он сосет конфеты. Они портят зубы, но помогают обрести утраченный душевный комфорт. Став взрослыми, мы, как правило, отказываемся от этих удовольствий, но многие скучающие домохозяйки частенько запускают руку в заветную коробку с конфетами, так успокаивающими душу. Иногда для придания им взрослой респектабельности в сласти вводят алкогольные ингредиенты.

Хотя по сравнению с соском или пустышкой конфеты весьма недолговечны, у них есть важные качества – мягкость и сладость, которые помогают им играть их символическую роль. Недостаток эфемерности сластей преодолен в жевательной резинке – ее можно жевать часами, и, как утверждает реклама, это «успокаивает нервы и помогает сосредоточиться». Жевательная резинка практически ничем не уступает резиновой соске. В силу своих свойств она могла бы пользоваться огромной популярностью, если бы не слишком заметные движения челюстей: складывается впечатление, что человек непрерывно ест. Поскольку он не проглатывает «пищу», у окружающих может возникнуть ощущение, что у него во рту находится что-то не очень

приятное, например жесткий хрящ, и по мере того, как жующий успокаивается, окружающие начинают раздражаться. В результате публичное жевание резинки считается дурным тоном, поэтому данная практика не получила широкого распространения.

Поскольку материнское молоко – это теплая сладкая жидкость, неудивительно, что взрослые в моменты напряжения или скуки часто пьют именно такие напитки. Миллионы литров чая, кофе и какао выпиваются ежегодно отнюдь не ради утоления жажды. Жажда служит лишь формальным предлогом. Кроме того, гладкая поверхность чашек и кружек, из которых мы пьем эти заменители материнского молока, гарантирует нашим жаждущим успокоения губам приятные тактильные ощущения. Может быть, поэтому в последнее время раздаются шумные протесты по поводу перехода на одноразовые бумажные стаканчики.

И здесь мы тоже избегаем нежелательных ассоциаций: пьем горячий чай, но холодное молоко. Пить теплое молоко – слишком откровенно по-детски. Это делают только захворавшие люди, но им простительно, поскольку, как мы уже видели, больной на время прекращает борьбу за статус взрослого и становится «временным младенцем».

Помимо молочных и других коктейлей, которые со значительным видом обычно потягивают через соломинку, существует множество других холодных напитков, используемых в качестве успокоительных средств. Они рекламируются как моментально утоляющие жажду, но в этом отношении мало чем отличаются от простой воды. Однако они сладкие, и все более распространяющаяся манера пить их прямо из бутылки способствует повышению символической ценности таких напитков. В результате бутылки уменьшились в размерах и стали сравнимы с бутылками для детского питания. Впору вывешивать новый плакат наподобие цюрихского с изображением мужчины, пьющего кока-колу или лимонад из бутылки с резиновой соской.

Многие другие заменители, например стебли растений или шейные цепочки, часто подносятся к губам в ситуациях, когда нужно успокоиться. Однако уже было приведено достаточно свидетельств того, что оральные контакты младенчества остаются важной частью взрослой жизни даже за рамками такой очевидной сферы, как дружеские и сексуальные поцелуи, и теперь мы можем перейти к рассмотрению других частей человеческого тела.

Еще одна базовая форма младенческого контакта – прижимание щекой к телу матери. Ассоциирующийся с этим движением контакт с неодушевленным предметом редко встречается среди взрослых мужчин, но довольно распространен среди женщин. На многих рекламных плакатах и во многих рекламных роликах улыбающаяся женщина держит в руках постельные принадлежности и нежно прижимается к ним щекой. Это особенно характерно для рекламы одеял, в которой используется почти исключительно только такая поза, несмотря на очевидный факт, что, когда та же самая женщина ляжет в постель, поверхность одеяла неизбежно будет отделена от ее щеки пододеяльником. Тот же прием востребован в рекламе изделий из меха. Обычно воротник шубы поднят, и женщина касается его щекой.

Вероятно, самая распространенная и традиционная форма контакта щеки как среди женщин, так и среди мужчин – подкладывание под нее подушки во время сна. Нежное прикосновение мягкой подушки-груди способствует успокоению и помогает прийти в состояние, в котором мы готовы погрузиться в сон. Производителям удалось добиться идеального баланса между упругостью и мягкостью, и в любом отделе постельных принадлежностей имеется широкий ассортимент подушек, создающих разные тактильные ощущения. Для многих взрослых людей чрезвычайно важна способность подушки вызывать сон, или, как принято говорить, ее «сила». Все знают, что на новом месте – в отеле или в гостях – уснуть бывает очень трудно. Обычно это случается с людьми, которые мало путешествуют, привязаны к дому и привыкли спать на подушке, имеющей определенные характеристики, такие как толщина и упругость.

Подобные требования распространяются и на остальные постельные принадлежности. Люди предпочитают матрасы определенной мягкости или жесткости и одеяла определенной легкости или тяжести, а также определенных размеров. Такая разборчивость вполне оправдана, ведь мы проводим в постели треть жизни.

В 1970 году на американском рынке появилась «водяная кровать» – наполненный водой виниловый матрас. Ложась на него, человек словно возвращается в материнское лоно. Расположенные внутри термостат и нагревательный элемент поддерживают комфортную температуру воды. Во второй половине 1970 года было продано свыше 15 тысяч таких кроватей, и в скором времени спрос превысил предложение. Единственную проблему представляет разрыв мембраны, и, возможно, это легкое, но устойчивое опасение и удерживает нас в старомодных, но таких надежных постелях.

С объективной точки зрения наши спальные привычки – требования к мягкости подушек, матрасов и одеял – начинают приобретать особое значение. Сон – это нечто большее, чем просто средство умственного отдыха, необходимого для того, чтобы мозг имел возможность отрешиться от забот дня минувшего, и физического отдыха, нужного для того, чтобы организм восстановил силы и подготовился к наступлению дня грядущего. Это еще и интимная близость с постелью, символизирующей материнское лоно, и одеялом, заменяющим материнские объятия.

Даже в часы бодрствования мы не отвергаем полностью эти удовольствия, о чем столь наглядно свидетельствуют современные образцы мебели. «Легкие» кресла и диваны, невероятно мягкие и обеспечивающие уют, неведомый в предыдущие столетия и скорее свойственный кроватям, теперь являются неотъемлемой частью многих гостиных. Здесь после завершения тяжелого рабочего дня мы утопаем в любимом мягком кресле, которое дарует телу комфорт. Удобно расположившись на символических коленях кресла-матери, мы, защищенные его объятиями, спокойно, с безопасного расстояния, взираем на тот хаос, что творится в жестоком мире взрослых людей, отображаемый на экране телевизора или на страницах книги.

Если, сравнивая просмотр телепередач из уютного кресла с выглядыванием младенца в окно с материнских коленей, я, согласно чьему-то мнению, принизил такого рода досуг, спешу заверить, что это не входило в мои намерения. Напротив, сие сравнение лишь придает дополнительное преимущество этому ныне широко распространившемуся по всему миру образцу поведения. Наряду с развлекательной и познавательной, телевизор выполняет еще и чрезвычайно важную в нашем взрослом, насыщенном стрессами мире умиротворяющую функцию. Экран надежно удерживает все происходящее на нем внутри «ящика», и это никак не может повредить нам. Сия компенсация за то, что наше кресло-мать дает только один из двух жизненно необходимых факторов безопасности, которые реальная мать обеспечивает своему младенцу. Речь идет об интимном контакте мягкого тела и защите от внешнего мира. Кресло-мать гарантирует только мягкий контакт – защитить нас оно не может. Но тут на помощь приходит непроницаемая стеклянная поверхность экрана, отделяющая нас от трагедий, разворачивающихся внутри телевизора. Таким образом, символическое уравнение выглядит достаточно просто: реальная мать, обеспечивающая защиту и комфорт, = экран, обеспечивающий защиту, + кресло-мать, обеспечивающее комфорт.

Если рассматривать домашнюю жизнь в таком ракурсе, стоит ли удивляться тому, что большинство из нас на отдыхе предпочитает останавливаться в отелях, где обстановка максимально приближена к той, в которой мы провели детские годы. Как и тогда, все делается для нас и нам не нужно ни о чем беспокоиться. Повариха-мать готовит нам еду, которую подает официантка-мать, а наш номер убирает горничная-мать. В лучших отелях созданы все условия для того, чтобы ощутить себя фактически младенцем в колыбели, где детский крик заменяется нажатием на кнопку или включением телефонной трубки. И очень часто разбогатевшие люди

первым делом воссоздадут в своем доме условия детства, нанимая прислугу, состоящую из символических матерей. Кроме того, как я говорил в одной из предыдущих глав, сходные условия для человека, который временно прекратил борьбу за статус взрослого, обеспечивает больничная койка.

Принимая теплую ванну, мы ненадолго возвращаемся в еще более отдаленное прошлое, когда находились в материнской утробе. Не случайно многие предпочитают нежиться в воде, имеющей температуру тела, словно в амниотической жидкости, и перед этим всегда закрывают дверь ванной, дабы защитить себя от внешнего мира. Однако рано или поздно нам приходится извлекать пробку из слива и переживать новое рождение. Словно догадываясь о страхах такого рода, производители полотенец позаботились о том, чтобы обеспечить нас самыми мягкими и нежными объятиями после каждого очередного появления на свет. Как гласит одно рекламное объявление: «Наши полотенца обнимают так, что вы сразу высыхаете!», при этом изображенная на сопровождающей его картинке девушка судорожно прижимает одно из указанных полотенец к своему телу и лицу, словно от него зависит, выживет она или нет.

Когда эта барышня наконец начнет одеваться, ей не придется опасаться того, что нежные интимные контакты закончатся. Производители одежды – нижнего белья, свитеров, юбок и прочего – обещают ей сходные удовольствия. Эти трусики – не просто забота о комфорте, поскольку, как нам известно, они растягиваются, «следуя каждому изгибу вашего тела». А эти колготки – «шелковистые и чувственные» и «прекрасно облегают ноги, от верхней части до пальцев», не говоря уже о чулках, которые «нежно обнимают ваши ноги», или платьях из джерси, создающих «ощущение тепла и неги». Таким образом, счастливая девушка, одевшись, может оставаться в одиночестве и тем не менее ощущать ласки и объятия одежды-любовника. Если бы все эти рекламные посулы дали суммарный эффект, она вряд ли смогла бы сделать десять шагов, не испытав множественный оргазм. К счастью для ее настоящих возлюбленных, воздействие на нее одежды-любовника в большинстве случаев намного менее ощутимо, нежели нас пытаются убедить в том рекламодатели. Но сколь бы малым ни было это воздействие, оно имеет большое значение.

Интимные контакты между предметами гардероба и их владельцем носят отнюдь не односторонний характер. Не только одежда обнимает человека, он тоже обнимает ее. Это вполне справедливое вознаграждение за плотное облегание и нежные соприкосновения. Наиболее распространенный способ такого вознаграждения – засовывание одной или обеих рук в складки одежды. На память сразу приходит «поза Наполеона», но сегодня наиболее популярным вариантом являются руки в карманах. Формально они предназначены для ношения мелких предметов, и, если рука оказывается в кармане, предполагается, что она собирает что-то оттуда извлечь. Однако в подавляющем большинстве случаев засунутая в карман рука вовсе не означает намерение что-либо достать – это всего лишь осуществление контакта с одеждой. Школьникам и солдатам часто приказывают вынуть руки из карманов без каких-либо вразумительных объяснений причины. На самом деле данная поза свидетельствует о расслабленном состоянии во время символического акта интимной близости, поэтому она не соответствует роли подтянутых, дисциплинированных мужчин, если речь идет о военнослужащих. Для людей, свободных от подобных ограничений, существует несколько альтернативных вариантов, выбор среди которых в любом конкретном случае подчиняется весьма любопытному правилу: чем выше на теле осуществляется контакт руки с одеждой, тем самоувереннее поза. Вершина – поза, при которой пальцы сжимают лацканы. На втором месте – пальцы, просунутые в проймы жилета. Далее следует «поза Наполеона». Дальше вниз – руки, засунутые в карманы куртки, и еще ниже – в карманы брюк. Это самая распространенная поза.

Судя по всему, данное правило основывается на интуитивном ощущении: чем выше рука

осуществляет контакт, тем вероятнее, что это движение намерения нанести удар, ведь чаще всего бьют сверху. Как мы уже видели, это действие приостанавливается, фиксируется и превращается в формальный сигнал, как в случае с поднятым кулаком коммунистического приветствия. Сжатие лацканов существенно сближается с этим действием, насколько это возможно для контакта с одеждой, и, следовательно, из всех возможных вариантов это послание является наиболее агрессивным. Наряду с пальцами, просунутыми в проймы жилета, эта поза стала чуть ли не карикатурой на излишнюю самоуверенность, и сегодня доминантный мужчина в общественном месте, вероятнее всего, будет держать руки в карманах куртки или пиджака. Эта поза особенно популярна у предпринимателей, высокопоставленных военных и политических лидеров, а кроме того, она была типичной для гангстеров бурных 20-х годов XX века. Такие люди редко суют руки в карманы брюк, по крайней мере, в ситуации, когда им необходимо продемонстрировать свою значительность.

Исключением из данного правила является поза, при которой большие пальцы засовывают за поясной ремень. Хотя этот контакт осуществляется довольно низко на теле, поза носит откровенно агрессивный характер. Похоже, своей самоуверенностью она обязана не только быстрому движению намерения, но и тому факту, что представляет собой современную версию старомодной позы, при которой пальцы просовывались в проймы жилета – просто жилеты в наше время носят довольно редко.

Наряду с этими действиями существует множество других мелких контактов рук с различными частями одежды. Все они осуществляются в состоянии стресса, и многие из них представляют собой символические версии действий по приведению себя в порядок, которые, согласно нашему желанию, должен был бы выполнять по отношению к нам кто-то другой, дабы успокоить нас. Мужчины часто поправляют запонки и разглаживают галстук. Президент Кеннеди на публике нередко теребил среднюю пуговицу пиджака или куртки. Уинстон Черчилль в моменты напряжения прижимал руку к нижней части кителя, словно обнимая самого себя.

Женщины, находящиеся в состоянии стресса, теребят браслеты и цепочки на шее точно так же, как монахини, вне всякого сомнения, находят утешение в перебирании четок. Нервная представительница слабого пола успокаивает себя тем, что лишней раз красит губы, пудрит лицо и расчесывает волосы.

В некоторых случаях контакт с окружающими осуществляется опосредованно, через какой-нибудь промежуточный предмет, когда, скажем, люди чокаются. Классический пример можно найти в любом альбоме Викторианской эпохи с семейными фотографиями. Обычно мать семейства восседает в центре, держа на коленях младшего ребенка. Рядом стоит отец, который при других обстоятельствах, наверное, обнял бы супругу, но в столь официальной обстановке ограничивается тем, что обнимает спинку ее кресла. Современную версию этого опосредованного контакта можно часто наблюдать, когда в неформальной обстановке два друга сидят на диване, и один протягивает руку в направлении спины другого вдоль спинки дивана. Подобным образом сидящий в кресле человек может обнять его ручку, оживленно разговаривая со своим визави, сидящим в кресле напротив. Иногда дополнительный душевный комфорт обеспечивается благодаря креслу-качалке, которым опять же пользовался президент Кеннеди в стрессовых ситуациях. Стоит ли говорить, что кресло-качалка ассоциируется с колыбелью или материнскими руками?

И наконец, мы подошли к предметам, которые являются заменителями сексуальных контактов. Самый умеренный вариант – это фотографии любимых или тех, с кем нам хотелось бы секса. Их можно целовать и к ним можно прикасаться в отсутствие реального человека. Новой тенденцией в этом направлении является использование наволочек с изображением лица кино- и шоу-звезд. Ложась в постель, вы можете прижаться щекой к любимому образу, после

чего заснете счастливым сном.

Что касается собственно секса, во время Второй мировой войны звучали утверждения, что вражеские солдаты (солдаты противника всегда выставляются в неприглядном виде) на фронте имели в своем распоряжении надувных резиновых женщин. Была ли это чистой воды пропаганда, призванная очернить неприятеля, или нечто подобное имело место, выяснить мне не удалось.

В отличие от этого неодушевленные заменители мужского пениса имеют долгую и документально подтвержденную историю. Они упоминаются даже в Ветхом Завете. Фаллоимитаторы были известны еще до библейских времен и присутствуют в древних вавилонских скульптурах, появившихся за сотни лет до рождения Христа. В Древней Греции они назывались «олисбос», что означает «скользящий бык», а особенно популярны были, по всей видимости, в турецких гаремах. Со временем практика использования этих предметов распространилась практически по всему миру. Их популярность возрастала и падала, и ее пик, очевидно, приходится на XVIII век, когда они продавались в Лондоне свободно, чего раньше никогда не было вплоть до второй половины XX столетия. Фаллоимитаторы, как правило, изготавливались очень искусно и выглядели весьма реалистично. В настоящее время они представлены в нескольких версиях в секс-шопах в ряде стран Запада. В основном их покупают лесбиянки и одинокие женщины.

Недавно появились две версии механического фаллоимитатора. Одна из них высокотехнологична. Предназначенная специально для проводимых в США исследований природы человеческой сексуальности, она разработана радиофизиками, изготовлена из пластика с оптическими свойствами зеркального стекла, имеет электрический привод, снабжена осветительным прибором для съемки внутри влагалища, а также регулятором скорости и глубины проникновения. По всем стандартам это поистине замечательный инструмент, чувствительный и неутомимый искусственный любовник, секс-суррогат из секс-суррогатов. Вторая версия представляет собой менее амбициозное и значительно более дешевое механическое устройство, которое приобрело в последнее время широкую популярность – это вибратор, или вибромассажер. Сие небольшой, работающий от батарейки длинный и тонкий аппарат, гладкий, с закругленным концом, чья первоначальная официальная функция заключалась в локальном массаже отнюдь не сокровенных частей тела. В этом и состояло преимущество данного устройства, поскольку, когда вибратор обрел новую жизнь, его без тени смущения могли покупать те, кто раньше стеснялся приобретать товары, так или иначе связанные с сексуальной сферой. Даже желтая пресса прибегала в рекламе к шифровке: «Персональный массажер – всепроникающий стимулирующий массажер. Устраняет боли и печали. 17 сантиметров в длину, 4 сантиметра диаметром. В комплект входят стандартные батарейки». Застенчивость этого объявления никак не вяжется с духом других публикаций, где можно обнаружить очень откровенные комментарии на сексуальные темы. Мы вновь сталкиваемся с действием правила, согласно которому интимные отношения взрослых требуют определенной маскировки либо для самих участников этих отношений, либо для других, чтобы скрыть подлинный характер происходящего.

Самая необычная и хитроумная форма секс-суррогата, иногда используемая японками, называется «рин-но-тама» и известна также под названиями «ватама» и «бен-ва». Это устройство состоит из двух полых шаров размером с голубиное яйцо, которые вставляют во влагалище. Раньше шары изготавливали из листовой латуни, а сейчас делают из пластика. Один шар пуст, в другом запаяно немного ртути. Пустой шар вводят в вагину первым и проталкивают до шейки матки. Следом вводят второй шар, который упирается в первый, после чего отверстие влагалища закупоривают небольшим тампоном. Теперь женщина может, не вызывая ни у кого

подозрений, предаваться наслаждению в кресле-качалке. Ритмичные движения вперед и назад вызывают изменение давления внутри влагалища и создают ощущение полноценных фрикций. Хотя в качестве эротической игрушки «рин-но-тама» обладает большим преимуществом, поскольку позволяет получить интимное удовольствие где угодно, оно не получило широкого распространения подобно вибратору – возможно, потому, что в отличие от последнего не имеет несексуальной официальной функции.

Предметы, не имеющие никакого сексуального назначения, тоже могут стать посредниками тактильных контактов. Возможности в данной области чрезвычайно многочисленны, но лишь немногие из них были опробованы, а более или менее успешно реализованы и вовсе единицы. Обычно они предлагаются в качестве того или иного спортивного действия. Одним из таких упражнений являются прыжки на батуте, создающие удивительное ощущение, будто пружинистая поверхность охватывает вас, подбрасывает вверх и снова охватывает уже в другой позе. Действие происходит в исключительно спортивной атмосфере и требует определенной физической подготовки, поэтому для многих людей этот способ исключен. Еще одним примером является хула-хуп, сочетающий вращательное движение обруча вокруг талии с волнообразными движениями бедер. Впрочем, это упражнение не стало популярным и очень быстро оказалось достоянием прошлого.

Сфера искусства предприняла несколько попыток представить интимные предметы жаждающему интимной близости миру, которые не увенчались особым успехом. В 1942 году в Музее современного искусства в Нью-Йорке впервые выставили образцы поделок нового типа, получившего название «ручная скульптура». Они представляли собой маленькие, гладкие, округлые куски полированного дерева абстрактной формы, удобные для человеческой руки и пригодные для создания всевозможных тактильных ощущений. Изготовивший их ваятель подчеркивал, что они предназначены для того, чтобы их ощущать, а не для того, чтобы на них смотреть, и говорил, что они были бы прекрасными заменителями сигарет или жевательной резинки для тех, кому стало бы скучно на очередном заседании какого-нибудь комитета. Скажем откровенно, эти скульптуры так и не нашли практического применения, и с тех пор о них никто не слышал. И опять послание вполне очевидно: ни один член ни одного комитета не хочет, чтобы кто-то узнал о его потребности в небольшом успокаивающем псевдотелесном контакте.

В 60-е годы XX столетия некоторые скульпторы пытались осуществить более амбициозный подход к телам любителей искусства, создав «ландшафтные лабиринты». Они имели самые разнообразные формы, и некоторые из них представляли собой нечто вроде игрового пространства, где посетитель испытывал всевозможные тактильные ощущения, пробираясь через трубы, тоннели и коридоры, облицованные материалами с разной текстурой. Это изобретение тоже не пользовалось успехом, и весьма заманчивые возможности оказались упущенными.

И наконец последний пример, который подводит итог сказанному выше. Некий конструктор разработал своеобразный аппарат. Это капсула, в которую помещается человек, а к его телу подводят различные соединения. Капсула закрывается, включается привод, и смельчак испытывает разнообразные тактильные ощущения. Во время лекции автор этой машины объяснил слушающей его с большим интересом аудитории суть своей концепции и поведал о том, что разработал намного более простую версию машины, на которую возлагает большие надежды. По его словам, модифицированное устройство состоит из располагающегося вертикально листа резины или сходного с ней материала с прорезью на уровне гениталий, в которую мужчина может вводить пенис. Для женщины предусматривается такой же располагающийся вертикально лист с отверстием, в которое можно ввести член. С самым серьезным видом «инженер» заявил, что наряду с простотой этот новый образец обладает еще

одним преимуществом: он может использоваться одновременно и мужчиной и женщиной, если они встанут по разные стороны.

Абсурдность этой истории неизбежно напоминает нам об абсурдности многих других примеров, приведенных в настоящей главе. То, что взрослый человек должен вдыхать никотин, чтобы вызвать ассоциацию с приятными ощущениями, которые он когда-то испытывал, держа во рту сосок материнской груди или соску бутылки с детским питанием, – абсурд, как и то, что нужно постоянно жевать резинку, напоминающую пустышку, или то, что взрослые люди должны прибегать к использованию пластикового массажера или резиновой женщины, чтобы получить сексуальное удовлетворение. Но, хотя некоторым эти действия могут казаться глупыми, наивными и даже откровенно отталкивающими, для многих они являются единственным выходом, и всегда нужно помнить о том, что любая интимная близость, независимо от того, насколько далека она от реальной, все же лучше, чем отсутствие всякой близости. Другими словами, нужно не фиксировать внимание на частностях, а вместо этого попытаться выяснить, в чем причины существующей проблемы. Если мы сможем стать более близкими с близкими нам людьми, нам не понадобятся никакие заменители близости. А пока этого не произошло, любое суррогатное прикосновение лучше отсутствия какого бы то ни было прикосновения.

Личные интимные отношения

Женщина, стоящая на железнодорожной платформе и уже собравшаяся подняться в вагон, в ужасе. Муж спросил, не забыла ли она закрыть входную дверь, и она поняла, что забыла. Что происходит с дамой? Ее рот широко открывается, и она прикладывает ладони к щекам. Даже начав говорить, она продолжает держать руки у лица. Затем, спустя несколько секунд, они опускаются, и начинается другая фаза поведенческой последовательности. Мы не будем отслеживать ее дальше, а вместо этого сосредоточим внимание на руках, ибо их движения служат ключом в новый мир телесной близости – интимной близости с собой.

В тот самый момент, когда ее обуял ужас, женщина на платформе попыталась успокоить себя с помощью быстрой ласки, приложив ладони к щекам. Внезапный стресс побудил ее, на подсознательном уровне, осуществить успокаивающий контакт, который при других обстоятельствах осуществила бы рука любимого, а когда она была маленькой девочкой – рука матери. Это происходит машинально. Когда женщина выполняет это действие, ее щека остается ее щекой, но рука символически становится рукой кого-то другого – любимого или матери.

Такого рода контакты с собой являются формой телесной интимной близости, которую мы едва ли воспринимаем как таковую, но тем не менее принципиально они не отличаются от тех, что мы обсуждали в предыдущих главах. Они могут казаться односторонними действиями, но по своей сути являются неосознанной имитацией двухсторонних, когда одна часть тела используется для осуществления контакта со стороны воображаемого партнера. Другими словами, они являются псевдомежличностными действиями.

Это пятый, последний, источник телесной интимной близости. Рассмотрим вкратце все пять источников. (1) Если мы нервничаем или подавлены, любимый человек может попытаться успокоить нас, обняв или пожав руку. (2) В отсутствие любимого человека это может быть специалист, чьи профессиональные обязанности предусматривают прикосновения, например врач, который похлопает нас по плечу и скажет, чтобы мы не тревожились. (3) Если единственным нашим компаньоном является домашняя кошка или собака, мы можем взять ее на руки и прижаться к ней щекой, чтобы ощутить тепло тела. (4) Если нас, находящихся в полном одиночестве, будит ночью какой-то зловещий звук, мы можем завернуться в простыню или одеяло, чтобы почувствовать их мягкое объятие. (5) Если все перечисленные выше варианты отпадают, можно обнять себя или прикоснуться к себе одним из множества способов, дабы развеять страхи и успокоиться.

Понаблюдав некоторое время за поведением людей, вы очень скоро обнаружите, что контакты с собой, или автоконтакты, чрезвычайно распространены – намного больше, чем это могло казаться поначалу. Однако рассматривать все эти контакты в качестве заменителей межличностных интимных отношений было бы ошибкой. Некоторые из них выполняют другие функции. Например, мужчина, чешущий ногу, вовсе не имитирует кого-то, контактирующего с ним. Это совершенно самостоятельное действие, не содержащее скрытый фактор интимной близости. Значит, очень важно не преувеличивать значение интимной близости с собой. Для того чтобы отчетливо понимать, что это, собственно, такое, зададимся для начала простыми вопросами: как и почему мы прикасаемся к собственному телу?

Пытаясь ответить на них, я проанализировал несколько тысяч примеров человеческих действий, включающих автоконтакт. Первое, что мне удалось выяснить, – зона головы является

наиболее важной зоной для *приема* этих контактов, а рука служит самым важным органом для их *передачи*. Хотя поверхность головы составляет небольшую часть общей поверхности человеческого тела, она тем не менее принимает примерно половину общего числа автоконтактов.

Существует почти 650 типов действий, включающих контакт с головой. Они различаются по тому, какая часть руки используется, как осуществляется контакт и какая часть головы затрагивается, и делятся на четыре основные категории. Первые три хотя и интересны сами по себе, не относятся непосредственно к обсуждаемой нами теме и поэтому будут упомянуты вкратце. Это следует сделать, чтобы было ясно, что их нужно отделять от настоящих случаев проявления интимной близости с собой.

1. *Защитные действия*. Рука подносится к голове, чтобы закрыть или ограничить доступ к органам чувств. Человек, желающий меньше слышать, затыкает уши. Тот, кто хочет меньше обонять, зажимает нос. Если слишком ярок свет, он прикрывает глаза рукой, а если ему невыносимо видеть то, что находится перед ним, закрывает их полностью. Когда человек хочет скрыть выражение своего лица, он закрывает его половину рукой.

2. *Очистительные действия*. Рука подносится к голове, чтобы почесать или потереть ее либо что-то снять или смахнуть с нее. К этой категории также относятся различные действия по приведению в порядок волос. Некоторые из данных движений действительно являются попытками очистить или привести в порядок зону головы, но во многих случаях это нервные действия, вызываемые эмоциональным напряжением и сходные с действиями смещения, отмеченные этологами у представителей других видов.

3. *Специализированные сигналы*. Рука подносится к голове, чтобы выполнить тот или иной символический жест. Человек, который говорит: «Я сыт по горло», проводит ребром ладони под подбородком, показывая, что он переполнен символической «едой» и больше ее не желает. Мальчик, который «делает нос», прижимает большой палец руки к носу и разворачивает остальные пальцы в вертикальный веер. Этот жест ведет свое происхождение от имитации гребня петуха-задиры. Животная символика заключена еще в одном жесте, распространенном в некоторых странах: руки приставляются к вискам, и указательные пальцы выставляются вверх, слегка загибаясь.

4. При интимной близости с собой рука подносится к голове для осуществления того или иного действия, копирующего или имитирующего межличностный контакт. Как это ни удивительно, не менее четырех пятых контактов руки с головой относится к категории автоконтактов. Судя по всему, главная причина прикосновений к собственной голове – стремление успокоить себя с помощью действия, которое является имитацией движения, осуществляемого кем-то другим.

Самое распространенное из этих действий таково – локоть упирается в твердую поверхность, голова укладывается на ладонь, а предплечье выполняет функцию опоры для головы. Кто-то может сказать, что данное действие осуществляется просто вследствие усталости шейных мышц. Тем не менее внимательное наблюдение за людьми, опирающими голову на руку, свидетельствует о том, что в большинстве случаев это не может быть объяснено физическим утомлением.

В этом действии рука выступает в роли заменителя плеча или груди воображаемого партнера. Находясь в объятиях матери или любимого человека, мы часто кладем голову на тело обнимающего нас и чувствуем щекой тепло его тела. Опираясь головой на собственную руку, мы воссоздаем это ощущение в отсутствие близких и тем самым обеспечиваем себе душевный комфорт. Кроме того, поскольку происхождение этого действия неочевидно, мы можем осуществлять его на публике, не опасаясь вызвать подозрение в инфантильности.

Контакт не опирающейся ни на что руки с головой, подобный тому, что осуществила женщина на железнодорожной платформе в приведенном выше примере, тоже является весьма распространенным действием. При его выполнении голова не может опираться на руку всем своим весом, и, похоже, оно в большей степени имеет отношение к действиям близкого человека, глядящего лицо и волосы. В данном случае рука выполняет функцию его символической руки, а не груди или плеча.

Со ртом обычно вступает в контакт не вся рука, а только пальцы. При таком контакте они используются в качестве заменителя материнской груди, в частности соска. Откровенно сосут пальцы очень редко, но несколько видоизмененные и не столь очевидные версии этого действия встречаются довольно часто. Простейшая и наиболее традиционная модификация – прижимание кончика большого пальца к губам. Палец не засовывается в рот, но тем не менее это действие создает успокаивающий эффект. Кончик, боковая грань и тыльная сторона указательного пальца тоже довольно часто используются подобным образом, и такой контакт может продолжаться долго, пока встревоженный чем-то человек не обретает душевный покой, вызывая в своем подсознании ассоциацию с ощущениями, испытанными им в далеком детстве.

Иногда палец медленно потирает поверхность губ, воссоздавая движения младенческого рта по материнской груди. При сильном волнении человек может грызть костяшки пальцев или ногти. Если к чувству волнения добавляется с трудом сдерживаемая ярость, ногти могут обгрызаться подчистую.

Многочисленные контакты руки с головой делятся на шесть категорий, следующих в порядке убывания частоты их осуществления: (1) подпирания челюсти, (2) подпирания подбородка, (3) контакт с волосами, (4) подпирания щеки, (5) прикосновение ко рту и (6) подпирание виска. Все они свойственны как мужчинам, так и женщинам, но в двух случаях отмечаются отличия по половому признаку. Контакт с волосами у женщин встречается в три раза чаще, чем у мужчин, а подпирание виска у мужчин – в два раза чаще, чем у женщин.

Оставив в покое голову и сместившись вниз, мы обнаружим другие формы интимной близости с собой. Всем нам знакомы из теленовостей трагические сцены последствий природных катастроф, таких, например, как землетрясение. Обезумевшая женщина в такой ситуации не просто прикладывает руки к щекам, поскольку это действие при данных обстоятельствах явно неадекватно. Если она и кто-то еще, кого постигло такое же несчастье, не найдут утешения во взаимных объятиях, она сядет у руин своего дома, заключит себя в объятия и будет раскачиваться взад и вперед, как когда-то делала с ней ее мать, пытаясь успокоить испуганную дочь.

Это экстремальный случай, но все мы используем данное действие почти ежедневно, когда складываем руки на груди. Поскольку обычно мы делаем это не в таких трагических ситуациях, как описанная выше, то и применяем более слабую его форму. Тем не менее оно помогает успокоиться и обычно производится в моменты, когда мы слегка насторожены. Если мы, к примеру, беседуем с группой малознакомых людей во время вечеринки или другого публичного мероприятия и один из них подходит к нам слишком близко, мы складываем руки на груди, словно устанавливая тем самым барьер на его пути. Сие помогает нам восстановить ощущение душевного комфорта. Обычно мы выполняем это действие почти неосознанно и практически не отдаем себе отчет в том, что оно имеет какое-то отношение к происходящему вокруг. Это подсознательный социальный сигнал. Так, если кто-то хочет преградить путь в помещение посторонним, он становится в дверях, складывает руки на груди и говорит: «Сюда нельзя». В этом случае складывание рук, в предыдущей ситуации способствовавшее восстановлению душевного равновесия, выглядит уже угрожающе. Тем самым человек исключает посторонних из своих объятий и показывает, что он достаточно силен.

Еще один акт интимной близости, который мы совершаем ежедневно, можно назвать «держаться за руки с самим собой». Одна рука выполняет функцию нашей руки, а вторая, которая ее сжимает, выступает в роли руки воображаемого партнера. Мы выполняем это действие несколькими способами, отличающимися друг от друга интенсивностью. Например, когда в отсутствие любимого человека нам его особенно не хватает, мы зачастую сплетаем пальцы левой и правой рук и сжимаем их – иногда с такой силой, что белеют костяшки.

Перейдем к автоконтактам с ногами. Поза со скрещенными ногами способствует повышению степени душевного комфорта, поскольку давление одной части тела на другую, по всей видимости, напоминает нам о телесных контактах с родителями, когда мы бросались к ним в объятия и обвивали их ногами.

В Викторианскую эпоху официальные правила этикета запрещали дамам сидеть нога на ногу на публике. Мужчины были ограничены в этом плане меньше, но от них тем не менее требовалось не обнимать колени при перекрещенных ногах. Сегодня эти правила не действуют, и результаты наблюдений за большим числом выбранных наугад людей показали, что ноги перекрещивают 47 % мужчин и 53 % женщин, то есть половое различие в приверженности этой позе за прошедший период не сохранилось. Однако в манере перекрещивания ног существуют два половых различия. Женщина в отличие от мужчины не кладет лодыжку одной ноги на колено или бедро другой – вероятно, потому, что в этом случае открывается зона промежности. Интересно, что данное правило распространяется и на женщин в брюках, как будто мысленно они все еще носят юбку. Второе отличие связано с положением ступней перекрещенных ног. У женщин почти всегда ступня верхней ноги находится в контакте с поверхностью нижней. (Исключение составляет поза с перекрещенными лодыжками, в которой нет половых различий, и ступни почти неизбежно касаются друг друга.)

Более интимная форма контакта с ногами – их объятие, когда бедра поднимаются вверх, грудь опускается на них, и руки обнимают колени или лодыжки. В дополнение к этому голова опускается на колени, и в них упирается подбородок или щека. Здесь согнутые ноги являются заменителем корпуса воображаемого партнера, а колени выступают в роли его груди или плеч. Это преимущественно женская поза. Согласно результатам наблюдений за выбранными наугад людьми в 95 % случаев ее принимали женщины, и только в 5 % случаев – мужчины.

Еще одним типично женским действием является прижимание ладони к бедру – среди людей, замеченных в осуществлении этого контакта, женщин был 91 %, а мужчин всего 9 %. В нем, судя по всему, присутствует эротический элемент: женская рука выступает в роли мужской, поскольку данное действие в сексуальном контексте в большей степени свойственно представителям сильного пола, нежели слабого.

В автоконтактах, как правило, активными участниками являются руки и, реже, ноги, но из этого правила есть несколько исключений. Иногда – и опять это типично женское действие – голова опускается на одно плечо и прижимается к нему щекой, челюстью или подбородком. В данном случае плечо выполняет символическую функцию груди или плеча воображаемого партнера. Еще один пример – облизывание языком губ или какой-либо другой части тела.

Наряду со всеми этими телесными автоконтактами существует еще один важный аспект интимной близости с собой – эротическая автостимуляция, обычно называемая мастурбацией. У мужчин это, как правило, означает захват пальцами пениса и ритмичные движения руки вверх и вниз. Здесь рука играет одновременно две символические роли. Ее движения вверх и вниз имитируют движения таза мужчины, а образуемое пальцами отверстие выполняет функцию влагалища. У женщин это чаще всего стимуляция клитора. Они могут также гладить половые губы или совершать ритмичные движения пальцами в вагине, которые выступают в роли пениса. Еще один способ заключается в том, что бедра плотно сдвигаются вместе, и при этом

внутренние мышцы попеременно сокращаются и расслабляются, что вызывает ритмичное сдавливание гениталий.

Исследования, проведенные в середине XX века, показали, что мастурбация является чрезвычайно распространенной формой интимной близости с собой и к ней в разные периоды своей жизни прибегает подавляющее большинство людей. Хотя она всегда представляла собой всего лишь безобидный заменитель полового акта, отношение общества к таким действиям время от времени существенно менялось. Мастурбация широко практикуется в так называемых примитивных племенах. В нашем обществе ссылки на нее носят шутливый характер, и в них подразумевается, что тот, кто прибегает к ней, является неудачником в сексуальной жизни.

В предыдущие столетия отношение к мастурбации было совершенно иным и совсем не столь терпимым. Предпринимались даже попытки полностью искоренить эту практику. В XVIII веке мастурбация была объявлена «отвратительным грехом бесплодного пролития семени», в XIX столетии она стала «ужасным пороком надругательства над собой», а молодым дамам Викторианской эпохи рекомендовалось не усердствовать при мытье, дабы регулярные нежные поглаживания гениталий «не вызвали нечестивых мыслей». Порочному французскому биде путь через Ла-Манш был закрыт. В начале XX века мастурбация опустилась до уровня «мерзкой привычки», но Церковь все еще была серьезно озабочена тем, что она способна приносить чувственное наслаждение тем, кто ей предается. Правда, церковные иерархи согласились считать «пролитие семени в медицинских целях законным, при условии что это не будет доставлять удовольствие». К середине прошлого столетия отношение к мастурбации резко изменилось, и наконец было объявлено, что это «нормальная и здоровая практика для любого человека любого возраста». Дело дошло до того, что в 1971 году в одном уважаемом женском журнале появилась следующая рекомендация, которая привела бы в изумление читателей викторианской эпохи: «Благодаря мастурбации ваше тело становится великолепным инструментом любви. Мастурбируйте, сколько вам угодно».

Сегодняшний тинейджер, который в отсутствие возможностей вести половую жизнь вынужден довольствоваться этой формой сексуальной интимной близости с собой, поистине счастливчик. Вчерашний подросток, застигнутый на месте преступления, очень часто подвергался суровому наказанию. Когда-то в отношении мастурбации действовали жесткие меры. Иногда уличенному в ней прокалывали крайнюю плоть в двух местах и вставляли в отверстия кольцо, либо на его пенис надевали пояс с шипами, которые вонзались в плоть, как только начиналась эрекция. Время от времени детям обоего пола на ночь либо связывали руки за спиной, либо привязывали их к кровати, дабы они не могли «играть с собой», или на них надевали более современные версии поясов целомудрия. Некоторые медицинские авторитеты в качестве средства искоренения вредной привычки рекомендовали делать мальчикам обрезание.

К счастью, ни одна из этих весьма болезненных мер, за исключением обрезания, до наших дней не дожила. Стоит задуматься над тем, почему этот ритуал сохранился до сих пор, несмотря на новые тенденции в общественном мнении. Сегодня крайнюю плоть у мальчиков удаляют не для предотвращения мастурбации, а исключительно по религиозным, медицинским и гигиеническим соображениям. Популярность этой операции варьирует от страны к стране. В Великобритании, например, ей подвергается меньше половины младенцев мужского пола, тогда как в США этот показатель достигает 85 %.

Медицинский мотив удаления крайней плоти состоит в том, что эта мера устраняет опасность возникновения определенных (чрезвычайно редких) заболеваний. Однако такая опасность существует лишь в том случае, если взрослый необрезанный мужчина не имеет возможности содержать в чистоте головку члена по той причине, что не может обнажить ее, оттянув назад крайнюю плоть. Согласно мнению врачей, необрезанный представитель сильного

пола рискует своим здоровьем ничуть не больше, нежели обрезанный. Поскольку подавляющее большинство операций по удалению крайней плоти выполняется не по религиозным соображениям и медицинские основания вряд ли имеет смысл рассматривать, истинная причина такой их популярности остается тайной. Названное недавно одним американским врачом изнасилованием фаллоса обрезание представляется пережитком прошлого. Оно издавна практиковалось в большинстве африканских племен и было воспринято древними египтянами, чьи жрецы – они же врачи – утверждали, что всякий уважающий себя мужчина должен быть обрезанным. У египтян этот обычай позаимствовали иудеи, у которых обрезание приобрело ритуальный религиозный характер и стало обязательным для всех мужчин. После того как оно получило статус социального или религиозного «закона», его изначальное значение было забыто, и сегодня проследить происхождение этой традиции довольно трудно. Даже в африканских племенах, где оно является частью церемонии инициации, его называют просто обычаем, но современные исследователи выдвигают целый ряд гипотез на этот счет. Согласно одной из них, крайняя плоть считалась женским атрибутом – возможно, потому, что она закрывает головку члена так же, как половые губы закрывают вход во влагалище. В соответствии с той же самой логикой клитор считался мужским атрибутом, поскольку по форме он напоминает пенис. В результате по достижении половой зрелости и юношей, и девушек приводили в состояние, полностью отвечавшее их половой принадлежности, удаляя атрибуты противоположного пола. Автор другой гипотезы предполагает, что удаление крайней плоти являлось символической имитацией сбрасывания змеиной кожи, а в древности змея считалась бессмертной, поскольку каждый раз после смены кожного покрова она предстает во всей своей блистающей красе, словно заново родившись. Символическое уравнение достаточно очевидно: змея = фаллос. Следовательно, змеиная кожа = крайняя плоть.

Предлагались и другие весьма любопытные объяснения, но все они оказываются неубедительными, если рассматривать феномен причинения увечий гениталиям в целом. Обрезание практиковалось в разные эпохи почти во всех уголках мира, в сотнях различных культур, и его форма варьировала в широких пределах. В одних случаях удалялись не только крайняя плоть и клитор, но и кое-что еще, в других вместо удаления на определенные части гениталий наносили надрезы. В некоторых племенах у женщин наряду с клитором удаляли и половые губы, а кое-где мужчин подвергали чрезвычайно болезненной операции по снятию кожи с поверхности нижней части живота, таза, промежности и внутренней стороны ног, или им разрезали надвое пенис по всей длине. Объединяет все эти случаи лишь стремление взрослых причинить механические повреждения гениталиям подрастающего поколения.

То, что эта традиция дожила до наших дней в форме мужского обрезания, должно привлечь внимание ученых. К счастью для женщин, в отличие от ситуации с крайней плотью удаление клитора не имеет под собой никаких оснований, связанных с соображениями гигиены, иначе многие из них до сих пор лишались бы этого важного компонента своих гениталий, а вместе с ним и значительной части чувственных удовольствий. Результаты проведенных недавно исследований свидетельствуют о том, что удаление крайней плоти приводит к очень небольшому (если приводит вообще) снижению чувствительности пениса, и поэтому не оказывает негативного воздействия на сексуальную восприимчивость. Разумеется, эти работы выявили полную несостоятельность бытовавшего прежде мнения, что удаление крайней плоти препятствует мастурбации. Обрезанный или необрезанный, взрослый мужчина всегда может получить сексуальное удовлетворение от интимной близости с собственными гениталиями.

Подводя итоги, можно сказать следующее: причина выживания мужского обрезания, в то время как все остальные формы архаичного генитального членовредительства в цивилизованных сообществах вышли из обихода, заключается в том, что только оно не причиняло ущерб

сексуальной активности и к тому же сумело найти медицинское обоснование.

Вернемся к мастурбации. Остается лишь один вопрос: не поджидают ли нас новые опасности в условиях обретенной свободы автостимуляции? Если популярный журнал призывает нас «мастурбировать, сколько нам угодно», не качнулся ли маятник общественного мнения слишком далеко в противоположную сторону? Ясное дело, чушь по поводу вреда мастурбации, которую так долго вдавливали в голову людям и которая стала причиной стольких неведомых миру несчастий, нужно было отбросить в сторону. Мощная пропагандистская кампания сумела этого добиться, но не впадем ли мы теперь в другую крайность? В конце концов мастурбация – это второсортная форма интимной близости, как и все заменители человеческих отношений, о которых шла речь в предыдущих главах. Действие, производимое в отношении себя и являющееся имитацией того, что должен делать партнер, всегда менее ценно, нежели реальный интимный контакт. Это правило распространяется и на мастурбацию, как на любую другую форму интимной близости с собой. Когда нет вариантов, подобная суррогатная интимная близость вполне оправданна вопреки всем надуманным аргументам. Но предположим, что в ближайшем будущем есть надежда на перемены к лучшему. Не представляет ли опасность привычка к суррогатам, которая в дальнейшем усложнит переход к реальным интимным отношениям?

В сегодняшних рекомендациях мастурбирующим женщинам сообщается, что каждая должна разработать собственный стиль и что для достижения стабильных результатов необходимо уделять этому несколько часов в неделю. Изучив с помощью мастурбации свое тело, женщина сможет направлять мужчину, чтобы использовать позы, доставляющие ей максимальное удовольствие. По крайней мере, такой подход честен: женщина разрабатывает способ самоудовлетворения, а дальше уже дело партнера – обслуживать ее соответствующим образом. Это рекомендуется в качестве метода превращения женского тела в «великолепный инструмент любви». Как способ самоудовлетворения для одинокой дамы этот подход, возможно, безупречен, но как способ обретения любви он оставляет желать много лучшего. В нем совершенно не учитывается тот факт, что половой акт у людей – это нечто большее, чем договор взаимного сексуального обслуживания. Применять заранее разработанный способ получения удовлетворения во время интимной близости – это примерно то же самое, что использовать мужчину в качестве вибратора. Подобным образом, если мужчина слишком зациклен на определенном типе мастурбации, дело может кончиться тем, что он будет использовать женское влагалище в качестве заменителя своей руки. Такое отношение низводит партнера до роли сексуального стимулятора. Следовательно, то, что передовым приемам мастурбации придается слишком большое значение, не так уж безобидно, как пытаются уверить нас приверженцы «нового либерализма».

С учетом всего сказанного выше это предостережение ни в коем случае не должно рассматриваться как призыв вернуться к вчерашним ограничениям и запретам на интимные отношения с собой. Если даже маятник качнулся слишком сильно, мы все равно находимся в лучшем положении, чем наши предшественники, и должны быть благодарны за это сексуальным реформаторам XX века. По всей вероятности, опасности, связанные с манией насчет интимных отношений с собой, не будут слишком серьезными. Если два человека любят друг друга, любовь способна отвести в сторону выработанные ими раньше способы самоудовлетворения и помочь сформировать новые принципы сексуального взаимодействия, отличающегося более высоким эмоциональным накалом. Если их отношения не достигли такого уровня, партнеры по крайней мере смогут удовлетворять друг друга с помощью выработанных ранее эротических приемов, что гораздо лучше нравов Викторианской эпохи, когда супруги старались как можно быстрее «выполнить эту неприятную обязанность», прежде чем отойти ко сну.

Возврат к интимным отношениям

Появившись на свет, мы устанавливаем интимные отношения с матерью, вступая с ней в близкий телесный контакт. Подрастая, мы исследуем окружающий мир, возвращаясь время от времени в материнские объятия в поисках защиты и душевного комфорта. Наконец, мы становимся самостоятельными в мире взрослых людей. Вскоре мы начинаем искать новые связи и опять возвращаемся в состояние интимной близости с любовником, со временем становясь партнером. Мы вновь обретаем надежную базу, с которой продолжаем свои исследования.

Если на какой-либо стадии этой последовательности нас не устраивают наши интимные отношения, нам становится трудно справляться с жизненными перипетиями. Мы решаем проблему, отыскивая заменители интимной близости. Мы прибегаем к всевозможным уловкам, чтобы обеспечить себе недостающие телесные контакты, или ищем в домашнем животном суррогата партнера. Иногда близкого друга нам заменяют неодушевленные предметы, а мы подчас вступаем в интимные отношения с собственным телом, обнимая и лаская себя, словно у нас произошло раздвоение личности.

Эти альтернативы подлинной интимной близости могут, конечно, использоваться в качестве приятного дополнения к нашей тактильной жизни, но для многих они становятся печальной необходимостью. Решение данной проблемы очевидно. Если взрослый человек испытывает столь сильную потребность в интимных контактах, он должен раскрепоститься и стать более открытым по отношению к другим. Он должен игнорировать правила, которые гласят: «Держись особняком, соблюдай дистанцию, ни к кому не прикасайся, ни во что не вмешивайся и никогда не показывай свои чувства». К сожалению, воплощению этого решения в жизнь противодействует несколько мощных факторов. Наиболее значительным из них является неестественно многочисленное общество, в котором человек живет. Он окружен незнакомыми и малознакомыми людьми, которым не может доверять и со многими из которых не имеет возможности установить эмоциональную связь. Интимную близость с остальными он должен сводить к минимуму. Поскольку в повседневной жизни они близки к нему физически, это требует от него большой сдержанности. Если человек привыкнет во всем себя контролировать, у него возникнут трудности в интимных отношениях со всеми, даже с близкими людьми.

Пребывающий в подобном состоянии отчуждения современный горожанин рискует стать плохим родителем. Если он будет ограничивать себя в контактах с детьми в первые годы их жизни, то может причинить непоправимый ущерб их способности формировать прочные связи в дальнейшем. Если, пытаясь найти оправдание такому своему родительскому поведению, он получит индульгенцию на подобную сдержанность, это, конечно, поможет ему в разговорах с собственной совестью. К сожалению, такие индульгенции, оказывающие крайне негативное влияние на формирование личных взаимоотношений в семье, время от времени выдаются.

Один подобный пример настолько вопиющ, что заслуживает особого упоминания. Метод воспитания детей Уотсона, названный именем его автора, известного американского психолога, получил в начале XX века широкое распространение в США. Для того чтобы иметь представление об этом методе, необходимо ознакомиться с некоторыми рекомендациями Уотсона родителям:

«Матери не знают, целуя детей, беря их на руки, укачивая, лаская, сажая на

колени, что растят существа, совершенно не приспособленные к жизни в окружающем их мире... С детьми следует обращаться как с маленькими взрослыми... Не целуйте их и не сажайте на колени. Если вы не можете обойтись без поцелуев, целуйте их один раз в день в лоб, желая спокойной ночи... Разве не может мать приучить себя заменять добрым словом и улыбкой поцелуи, ласки и прочие нежности?.. Если у вас нет няни, большую часть дня держите ребенка на заднем дворе. Соорудите вокруг изгородь, чтобы быть уверенным, что с ним не случится ничего плохого. Делайте это с момента его рождения... Если у вас слишком мягкое сердце и вам непременно нужно наблюдать за ребенком, делайте это так, чтобы он ничего не замечал... И наконец, научитесь обходиться без ласковых слов».

Поскольку Уотсон рекомендует обращаться с ребенком как с маленьким взрослым, люди, воспитанные в соответствии с этой методикой, никогда не целуют друг друга и на протяжении всей своей жизни наблюдают друг за другом так, чтобы никто ничего не замечал. Разумеется, именно так мы должны держаться с *незнакомцами*, окружающими нас в повседневной жизни, но всерьез рекомендовать взрослым вести себя подобным образом по отношению к собственным детям по крайней мере странно.

Подход Уотсона к воспитанию детей основывается на его же мнении, согласно которому «человек лишен инстинктов. Все, что проявляется в нас впоследствии, формируется в раннем возрасте... Внутри нас нет ничего такого, что можно было бы развивать». Из этого следует, что для того, чтобы воспитать дисциплинированного взрослого, нужно начинать с дисциплинированного ребенка. Если процесс воспитания отложить на какое-то время, могут начать формироваться «плохие привычки», которые потом будет очень трудно искоренить.

К этому подходу, основанному на совершенно ложной предпосылке по поводу естественного формирования человеческого поведения в младенчестве и детстве, можно было бы относиться как к курьезу, если бы его последователи не встречались и сегодня. И поскольку это учение все еще пользуется определенной популярностью, оно требует более детального изучения. Главная причина его долгожительства заключается в том, что в определенном смысле оно само себя поддерживает. Если с младенцем обращаются столь неестественным образом, он вырастет неуверенным в себе. Его потребность в интимной близости не удовлетворяется. Его крики остаются без внимания. Но у него нет выбора, и ему приходится адаптироваться к этим обстоятельствам. Когда он станет взрослым, ему будет очень трудно доверять кому бы то ни было. Так как его стремление к интимной близости пресекалось с самого начала, вполне вероятно, что он никогда не сможет научиться любить. Поскольку его отношения с родителями были в большей степени деловыми, нежели теплыми и сердечными, его последующие отношения с другими людьми будут развиваться по схожему сценарию. Когда такой человек, следуя общественным нормам и правилам, вступит в брак и в этом браке родятся дети, очень велика вероятность того, что с ними будут обращаться так же, ведь по крайней мере одному из их родителей неведомо другое обращение. Это подтверждают эксперименты с обезьянами. Если детеныш обезьяны вырастает, не познав материнской любви, он становится плохим родителем.

Многим папам и мамам методика Уотсона представляется довольно привлекательной, хотя и слишком радикальной, и они применяют на практике ее несколько смягченную версию. Они то строги с ребенком, то идут ему на уступки. В чем-то они устанавливают для него жесткую дисциплину, а в чем-то балуют. Они не обращают внимания на плач младенца в колыбели и при этом покупают ему дорогие игрушки, а иногда даже целуют его и воркуют с ним. В результате такого бессистемного воспитания вырастает то, что обычно называют испорченным ребенком. Хуже всего, что испорченность относится не на счет бессистемности или установления

дисциплины в раннем возрасте, а на счет мягкости отдельных моментов воспитания. Если бы они придерживались строгого режима и не потворствовали так часто капризам ребенка, полагают в таких случаях родители, все было бы хорошо. В итоге подрастающему ребенку, который полностью дезориентирован, велят вести себя хорошо, и дисциплина ужесточается. Рано или поздно он обязательно взбунтуется.

Такой ребенок видел, что такое любовь в моменты мягкости, но, едва подведя его к порогу подобных отношений, родители захлопнули перед ним дверь. Ему недостает их ласки, он испытывает мать и отца и своим бунтом хочет удостовериться, что они любят его самого по себе, а не за хорошее поведение. Очень часто его постигает разочарование.

Даже если такого разочарования не последует и родители простят ему последнюю выходку, он не поверит, что все хорошо. Слишком отчетливо запечатлеваются в детском сознании ранние уроки дисциплины. Он вновь испытывает родителей, заходя в своих проделках все дальше и дальше в отчаянной попытке найти подтверждение тому, что они его действительно любят. Тогда родители либо еще больше ужесточают дисциплину, подтверждая тем самым худшие опасения ребенка, либо раз за разом уступают ему, стараясь понять: «Где мы ошиблись? Что сделали не так? Ведь мы дали ему все, что только могли».

Всего этого можно было бы избежать, если бы с младенцем обращались как с младенцем, а не как с маленьким взрослым. В первые годы своей жизни ребенок требует безграничной любви. Если мать находится в здравом уме и у нее было нормальное детство, она будет делать то, против чего предостерегает всех матерей Уотсон, то есть проявлять «слабости» по отношению к ребенку и позволять ему «играть на струнах своего сердца» – излюбленное выражение знаменитого психолога. Если мать испытывает стресс вследствие бешеного ритма современной жизни, ей будет нелегко, но даже в этом случае вполне возможно создать условия, в которых ребенок вырастет окруженным любовью и счастливым.

Такой ребенок никогда не попадет в разряд «испорченных». Напротив, он станет независимым, способным любить человеком, и у него не будет препятствий в постоянном расширении горизонта. В первые месяцы жизни в его сознании сформировалась уверенность в том, что существует надежный фундамент, опираясь на который можно исследовать окружающий мир. И опять это подтверждают эксперименты с обезьянами. Детеныш любящей матери-обезьяны смело удаляется от нее, чтобы поиграть и изучить окрестности, а потомок не проявляющей к нему особой любви матери робок и нервозен. Результаты этих работ опровергают предсказание Уотсона, согласно которому избыток любви, выражающийся в интимных телесных контактах, способствует тому, что ребенок вырастает инертным, несамостоятельным существом. Ложность такого прогноза становится очевидной уже на третьем году жизни. Мальщ, для которого родители на протяжении двух лет не жалели любви, смело, хотя еще и нетвердыми шагами, вступает в незнакомый мир. Вероятность того, что он заплачет после падения, невелика. Ребенок, получивший меньше любви в младенческом возрасте, не так смел, совсем не любознателен и не склонен к самостоятельным действиям.

Другими словами, если в течение первых двух лет жизни между родителями и младенцем сложились нежные отношения, полные любви, он без каких-либо проблем переходит на следующую стадию развития. Однако, спустя некоторое время его безудержное стремление к исследованию мира потребует определенного контроля со стороны взрослых. То, что было неправильным в младенческом возрасте, теперь становится правильным. Неприязнь Уотсона к чрезмерно любящим и заботливым родителям *более взрослых* детей имеет под собой основание, но по иронии судьбы эта чрезмерность, как правило, является следствием того ущерба, который причинил подход этого специалиста к воспитанию младенца на более ранней стадии. Ребенок, который в полной мере познал любовь в младенчестве, вряд ли будет вынуждать отца и мать

вести себя подобным образом.

Повзрослевший человек, познавший в детстве прочную эмоциональную связь с родителями, имеет высокие шансы сформировать прочную сексуальную связь, и с этой новой «надежной базы» продолжит познавать мир, будет вести активную социальную жизнь. Да, действительно, на стадии, предшествующей формированию данной связи, человек сможет лучше изучить сексуальную сферу, но здесь нет ничего страшного. Если до этого он естественным образом переходил с одной стадии своей жизни на другую, сие исследование в скором времени приведет к образованию пары и формированию прочной эмоциональной связи с возвратом к интимным отношениям, характерным для счастливой младенческой поры.

Молодые люди, создавшие семью и наслаждающиеся интимными отношениями в браке, лучше защищены при столкновении с жестоким, безличным окружающим миром. Они смогут адекватно вести себя в любой социальной ситуации, поскольку в личной жизни у них все в порядке.

Один из аспектов семейной жизни, который ни в коем случае нельзя упускать из виду, – потребность в уединении. Супруги должны иметь пространство, где они могли бы предаваться любви в полной мере. Отсутствие собственного жилища затрудняет развитие личных отношений, а архитектурная планировка, не учитывающая данный фактор, неизбежно способствует возникновению эмоционального напряжения. Межличностный телесный контакт не может быть непрерывным состоянием, подобно постоянному столпотворению за стенами дома. Потребность в нем возникает спонтанно, время от времени, но в доме, где живут представители нескольких поколений, любовное прикосновение очень часто невозможно изначально.

У кого-то может сложиться впечатление, что если на долю «молодых взрослых людей» выпало счастливое детство, наполненное родительской любовью, они обрели необходимое уединенное пространство в доме и сформировали прочную связь, этого достаточно для счастья. К сожалению, все не так просто. Современный перенаселенный мир может вторгаться в их отношения и препятствовать интимной близости. На них могут воздействовать две мощные социальные тенденции.

Первая из них – это критика интенсивных интимных телесных контактов как признака излишней мягкости и инфантильности. Она может легко отбить у молодого человека, готового проявлять нежность, всякую охоту делать это. Убеждение, что чрезмерная интимная близость представляет угрозу для независимости, лежащее в основе таких поговорок, как «Самый сильный мужчина тот, кто держится особняком», уже начинает оказывать влияние на общество. Однако нет никаких свидетельств того, что если взрослый человек не чурается телесных контактов, характерных для младенческой стадии, это непременно причинит ущерб его независимости. Совсем наоборот. Успокаивающий и умиротворяющий эффект нежных интимных контактов укрепляет человека эмоционально и помогает ему преодолевать трудности, связанные с другими, безличными отношениями. Они делают его не более мягким, а более сильным – как в случае с любимым ребенком, который лучше готов познавать мир.

Вторая социальная тенденция, препятствующая интимной близости, – мнение, что телесные контакты обязательно подразумевают сексуальный интерес. Это ошибочное убеждение стало причиной многочисленных ограничений, налагавшихся в прошлом на интимную близость. В телесных контактах между родителями и ребенком нет никакой сексуальной подоплеки. Любовь матери и отца к малышу и его к ним – это не сексуальная любовь, точно так же, как любовь между двумя мужчинами, двумя женщинами и даже между конкретным мужчиной и конкретной женщиной необязательно носит сексуальный характер. Любовь – это эмоциональная связь, а проникнута она сексуальными мотивами или нет – вопрос второстепенный. В не столь далекие времена мы придавали слишком большое значение сексуальному элементу во всех таких

связях. Если в сильной, изначально лишенной эротического флера связи присутствует малейшее сексуальное чувство, в нашем сознании оно автоматически выделялось и разрасталось до невероятных масштабов. Результатом были глобальные ограничения несексуальной интимной близости, распространявшиеся на отношения между родителями и детьми (осторожно, эдипов комплекс!), братьями и сестрами (осторожно, инцест!), однополыми друзьями (осторожно, гомосексуализм!), разнополыми друзьями (осторожно, адюльтер!) и многочисленными знакомыми (осторожно, неразборчивость в связях!). Все это объяснимо, но совершенно не нужно. Сие указывает на то, что в своих подлинных сексуальных отношениях мы, по всей вероятности, не в полной мере используем эротический потенциал интимной близости. Если бы наши сексуальные интимные контакты внутри пары были достаточно интенсивны и разнообразны, для отношений другого типа у нас просто не оставалось бы эротических мотивов и мы все могли бы расслабиться и наслаждаться в большей степени, нежели осмеливаемся делать это сегодня. Если же мы продолжаем сдерживать себя в сексуальных отношениях с партнерами, тогда, разумеется, складывается совершенно иная ситуация.

Общие ограничения, которые мы налагаем на несексуальные телесные контакты в современной жизни, иногда становятся причиной весьма забавных курьезов. Например, исследования, проведенные недавно в США, показали, что некоторых женщин побуждает вступать в случайные сексуальные связи одно лишь желание оказаться в руках мужчины. Во время опроса дамы признавались, что для них это был единственный способ в полной мере ощутить мужское объятие. Это служит наглядной иллюстрацией отличия сексуальной интимной близости от несексуальной. В данном случае не интимная близость является мотивом сексуального контакта, а, наоборот, сексуальный контакт стал мотивом интимной близости.

Таковы некоторые опасности, которые подстерегают сегодня взрослых людей в плане интимных отношений. И в завершение обзора интимного поведения представителей вида *Homo sapiens* остается познакомиться с признаками изменений в подходах к данной теме со стороны современного общества.

На младенческом уровне благодаря огромной работе, проведенной детскими психологами, был выработан в значительной мере усовершенствованный подход к проблемам воспитания детей. Сейчас мы намного лучше понимаем природу связи между родителями и детьми и важность роли, которую любовь играет при воспитании здорового во всех отношениях ребенка. Жесткая, безжалостная дисциплина уходит в прошлое. Тем не менее в наших перенаселенных городах все еще встречается отвратительный феномен «синдрома битого ребенка», служащий напоминанием о том, что нам еще предстоит пройти долгий путь.

На уровне детей старшего возраста происходит постоянное реформирование методов обучения и отмечается более глубокое осознание потребности как в социальном, так и техническом образовании. Однако требования к техническому обучению сегодня более серьезны, чем когда-либо, и поэтому безусловно существует опасность того, что средний школьник будет лучше подготовлен к общению со сложной аппаратурой, нежели с людьми.

На уровне молодых людей проблема социального общения, к счастью, похоже, решается сама собой. Вряд ли когда-либо прежде межличностные отношения были так открыты и искренни, как сегодня. Источником существенной доли критики поведения молодежи со стороны старшего поколения является тщательно скрываемая зависть. Остается посмотреть, как вновь обретенная свобода выражения, сексуальная честность и не ограничиваемые социальными барьерами интимные отношения смогут выжить и сохраниться в дальнейшем, в частности в рамках выполнения родительского долга. Стрессы, все чаще носящие безличный характер, способны причинить им немалый урон, но единственная ли это причина?

Среди людей старшего возраста растет озабоченность по поводу выживания института

семьи в условиях неуклонной экспансии городских сообществ. В личных отношениях часто возникает отчуждение, поскольку снимать дома вечером тяжелые эмоциональные доспехи, надеваемые утром для участия в социальной битве на улицах и в офисах, становится все труднее.

В Северной Америке уже назрел новый бунт против этой ситуации. Не так давно в Калифорнии зародилось движение под общим названием «Групповая терапия», очень быстро распространившее свою деятельность на территории США и Канады. В разных местах оно действует под разными названиями – «Трансличностная психология», «Групповая психотерапия», «Социальная динамика», а само его появление красноречиво свидетельствует об острой необходимости пересмотра бытующих в нашем обществе идей относительно телесных контактов и интимных отношений.

Деятельность этого движения заключается в следующем. Группа взрослых людей собирается для проведения занятий, которые длятся от одного дня до недели. Все это время они осуществляют разного рода контакты, как межличностные, так и групповые. Некоторые из них носят главным образом вербальный характер, но в основном это телесное взаимодействие – ритуальные прикосновения, взаимный массаж и различные игры. Цель в том, чтобы сокрушить броню цивилизованного поведения и напомнить людям о том, что они не *имеют* тела, они *представляют собой* тела.

Важной особенностью таких занятий является то, что закомплексованные взрослые люди начинают играть точно так же, как когда-то в детстве, не испытывая ни смущения, ни страха подвергнуться насмешкам. Они дотрагиваются друг до друга, носят друг друга на руках и намазывают маслом перед массажем. Они предстают друг перед другом обнаженными, иногда в буквальном смысле слова, но обычно метафорически.

Суть этого возвращения в детство точно выражена в словах, сказанных по случаю проведения четырехдневного курса, называющегося «Стань таким, каким ты был»:

«Взрослый американец достигает сомнительного состояния «зрелости», похоронив многие свои детские черты под слоем стыда и насмешек. Возможно, вновь научившись быть детьми, мужчины обогатят свой опыт мужественности, а женщины – женственности. Возможно, вновь ощутив себя ребенком, кто-то пересмотрит свои взгляды на любовь. Как бы парадоксально это ни звучало, контакт с детской беспомощностью порождает всплеск энергии, а контакт с детскими слезами открывает каналы для самовыражения и радости».

В других подобных курсах, называемых «Станем более живыми с помощью игры» и «Пробуждение чувств: возрождение», тоже делается акцент на необходимости возвращения к интимным отношениям детства. Организаторы таких курсов называют их «терапия для нормальных людей». Их участники не пациенты, а члены группы. Они хотят вновь обрести утраченные интимные отношения. Хотя и печально сознавать, что современные цивилизованные взрослые люди должны получать официальную санкцию на прикосновение друг к другу, по крайней мере, успокаивает то, что они осознают ненормальность такой ситуации и активно пытаются ее исправить. Многие из тех, кто прошел эти курсы, регулярно возвращаются, чтобы еще раз испытать ощущение эмоционального раскрепощения в процессе осуществления ритуальных телесных контактов. Все они говорят о том, что их отношения с близкими стали значительно теплее и сердечнее.

Что представляет собой это социальное движение, центры которого открываются повсеместно, – преходящее увлечение или новый, опасный вид зависимости? Мнения специалистов по этому поводу расходятся. Одни психологи и психиатры энергично

поддерживают его, другие нет. Согласно мнению представителей последних, члены группы «не совершенствуются, они просто получают дозу интимной близости, которая поддерживает их в определенном состоянии в течение определенного времени». Если даже и так, эти курсы помогают, по крайней мере некоторым людям, пройти трудную фазу их социальной жизни. Посещение группы, в плане обеспечения интимной близости, находится на уровне похода на танцплощадку или пребывания дома во время простуды в ожидании визита врача, но в этом нет ничего плохого. Курсы лишь предоставляют еще одну возможность для человека, ищущего «разрешенного прикосновения». Но звучит и другая, более жесткая критика. «Методы, призванные способствовать налаживанию реальных интимных отношений, иногда разрушают их», – утверждает один специалист. Теолог, несомненно увидевший в этом движении серьезного конкурента религии, заявляет, что его участники учатся «новым способам обезличивания – способам производить дружелюбное впечатление, испытывая при этом враждебность».

Действительно, иногда в тоне лидеров движения, разъясняющих несведущим сущность своих методов и философии, отчетливо звучат нотки самодовольной снисходительности. У них такой вид, будто они разгадали тайну бытия и соизволили поделиться ею с простыми смертными. Некоторые критики делают упор именно на данном нюансе, но это, по всей вероятности, не более чем средство защиты от ожидаемых насмешек. Примерно такая же ситуация складывалась в начале эры психоанализа. Подобно ветеранам движения, те, кто уже бывал у психоаналитика, снисходительно улыбаются в адрес тех, кто его еще не посетил. Но психоанализ уже миновал эту стадию, и если движение переживет фазу становления, отношение к нему со временем изменится.

Утверждение, что занятия при групповой терапии приносят вред, требует доказательств. «Мгновенная интимная близость», как ее называют, таит в себе определенные опасности для участника движения, когда он, частично или полностью «пробудившийся», возвращается в привычную среду. Он-то изменился, но его близкие остались прежними, и неизвестно, как они воспримут его откровения. Возникает проблема конкуренции отношений. Если человек, посещающий группу терапии, делает массаж незнакомцам, играет с ними в «детские» игры и вступает в различные телесные контакты, он может вызывать ревность у своих истинных близких, если тем достается от него меньше интимной близости, нежели членам группы. (Если конкуренции нет, нет и проблемы.) Почему он ведет так открыто в группе терапии, а дома холоден и отчужден? Разумеется, потому, что у него имеется официальная научная санкция на такое поведение в особой атмосфере, но подобный ответ не может служить утешением для его близких из реальной жизни. Если занятие посещает пара, проблема не столь остра, однако впоследствии ситуация все же требует откровенного обсуждения.

По мнению некоторых критиков, самый отвратительный аспект деятельности групп терапии заключается в следующем: их члены превращают то, что в повседневной жизни должно происходить неосознанно, в сознательные, организованные, профессиональные прикосновения, и действие становится целью, тогда как оно должно быть средством, которое помогает нам противостоять окружающему миру.

Несмотря на все эти вполне понятные опасения и критику, категорически отвергать новую интересную тенденцию было бы ошибкой. Лидеры движения вовремя заметили опасное смещение личных отношений в сторону безличности и приложили максимум усилий для того, чтобы повернуть этот процесс вспять. Как это часто случается в силу действия закона взаимных ошибок, они сильно качнули маятник в противоположную сторону? Их вина не так уж велика. Если движение распространится и разрастется до такой степени, что о его существовании станет известно всем, оно будет служить постоянным напоминанием о том, что мы неправильно используем – точнее, не используем – свое тело. Даже исключительно в качестве такого

напоминания движение оправдывает свое существование. И здесь тоже вполне уместно сравнение с психоанализом. Лишь очень немногие люди пользовались когда-либо услугами этих специалистов, но тем не менее идея по поводу того, что своих самых сокровенных, самых темных мыслей не следует стыдиться, поскольку они, по всей вероятности, свойственны практически всем, глубоко укоренилась в общественном сознании. Такой подход в значительной мере способствовал тому, что отношения между молодыми людьми сегодня стали непосредственнее и искреннее. Если движение «Групповая терапия» поможет нам раскрепоститься и свободнее проявлять свои чувства в отношении интимных телесных контактов, оно окажет обществу несомненную услугу.

Человек – общественное животное, способное любить и нуждающееся в том, чтобы любили его. Потомок охотника из первобытного племени попадает в гущу многолюдного общества. Зажатый со всех сторон, он, защищаясь, замыкается в себе. Укрывшись в своем эмоциональном убежище, он отстраняется даже от самых близких и самых дорогих ему людей и оказывается в одиночестве среди толпы. Оставшись без эмоциональной поддержки, он испытывает стресс и пытается обрести любовь, обращаясь к заменителям людей, которые не задают вопросов. Но любовь – двусторонний процесс, и заменители в полной мере удовлетворить его потребности не могут. Не найдя объект подлинной интимной близости, пусть даже это был бы единственный человек, он страдает. Стремясь защитить себя от немотивированной агрессии и предательства, он может прийти в такое состояние, что станет отвергать любые контакты. Это серьезная социальная болезнь нашего времени, которую необходимо лечить, пока не поздно. Если эту опасность не замечать и дальше, она, подобно тому, как содержащиеся в продуктах питания ядовитые химические вещества накапливаются в организме, будет укрепляться в сознании следующих поколений, и в какой-то момент этот процесс станет необратимым.

В определенном смысле наша удивительная способность к адаптации может стать причиной нашей социальной гибели. Мы способны жить и выживать в таких страшно неестественных условиях, которые давно следовало бы изменить, вернувшись к более здоровым отношениям. Мы все больше удаляемся от любви, искренности и интимной близости и при этом пытаемся убедить себя в том, что все в порядке. Мы смеемся над людьми, которые платят за возможность играть в детские игры и прикасаться друг к другу, и не замечаем признаков надвигающейся катастрофы. Как было бы замечательно, если бы все мы осознали, что нежная любовь – это вовсе не проявление слабости, если бы все мы дали волю своим чувствам и вернулись к этим волшебным, творящим чудеса интимным отношениям!